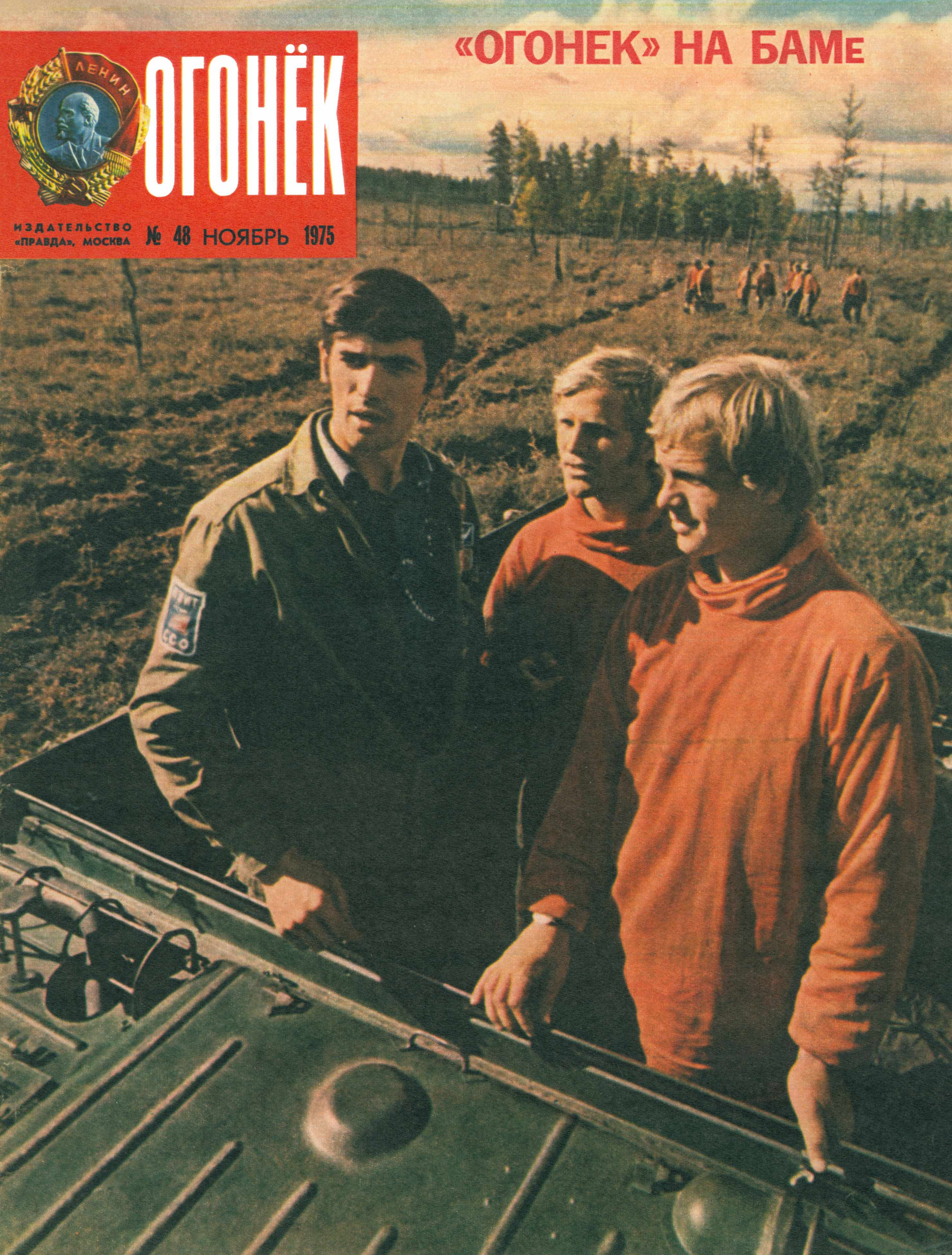

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 48 НОЯБРЬ 1975
«ОГОНЕК» НА БАМе

«Великим трудовым подвигом нашего народа станет сооружение Байкало-Амурской магистрали. Уже сегодня БАМ стал поистине всенародной стройкой. Вновь подтверждается добрая традиция советских людей — традиция Турксиба и Магнитки, Днепрогэса и Комсомольска-на-Амуре — сообща браться за большое дело».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева перед избирателями Бауманского избирательного округа Москвы.

Вперед на Беркакит! Идет надвижка мостового пролета через реку Тында. Фото Г. КОПОСОВА.

ДОРОГА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 48 (2525)

29 НОЯБРЯ 1975

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1975.

Молодожены!.. Люба и Иван Синицыны встретились на БАМе. Она лаборантка, он бригадир слесарей.

В ЗАВТРА

См. стр. 7.

Встреча на Внуковском аэродроме.

ОБЩИЕ ПОМЫСЛЫ, ОБЩ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 25 ноября в Москву с официальным дружественным визитом прибыла партийно-правительственная делегация Чехословацкой Социалистической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Густавом Гусаком.

В состав делегации входят член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства ЧССР Любомир Штроугал, член Президиума ЦК КПЧ, секретарь ЦК КПЧ Васил Биляк, член Президиума ЦК КПЧ, Первый секретарь ЦК КП Словакии Йозеф Ленарт, член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства Чешской Социалистической Республики Йозеф Корчак, член Президиума ЦК КПЧ, Председатель Государственной плановой комиссии ЧССР Вацлав Гула, заведующий Отделом международной политики ЦК КПЧ Антонин Вавруш.

На аэродроме, украшенном государственными флагами ЧССР и СССР, партийных и государственных деятелей Чехословацкой Социалистической Республики встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный,

С ОФИЦИАЛЬНЫМ

18 и 19 ноября в Кремле проходили переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с Президентом Итальянской Республики Дж. Леоне и министром иностранных дел Итальянской Республики М. Румором.

Были обсуждены вопросы, относящиеся к дальнейшему развитию советско-итальянских отношений в различных областях. С обеих сторон было подчеркнуто стремление к тому, чтобы сотрудничество между СССР и Италией играло конструктивную роль в разрядке и упрочении мира.

При рассмотрении международных проблем основное внимание стороны уделили вопросам, связанным с итогами Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Советский Союз и Италия выразили свою решимость проводить в жизнь принципы и договоренности, принятые в Хельсинки.

Беседы проходили в деловой, конструктивной обстановке.

19 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле Президента Итальянской Республики Джованни Леоне.

В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Италии М. Румор.

Л. И. Брежнев и Дж. Леоне с удовлетворением отметили, что советско-итальянские отношения продолжают развиваться в благоприятном направлении и на стабильной основе. Эти отношения строятся на началах взаимного уважения, доброй воли, равноправия, обоюдной выгоды.

Дальнейшее углубление сотрудничества между двумя странами отвечает духу Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который Советский Союз и Италия рассматривают в качестве долговременной программы действий во имя утверждения мира на европейском континенте.

Беседа прошла в деловой, дружественной обстановке.

19 ноября в Кремле состоялась встреча меж-

Во время беседы.

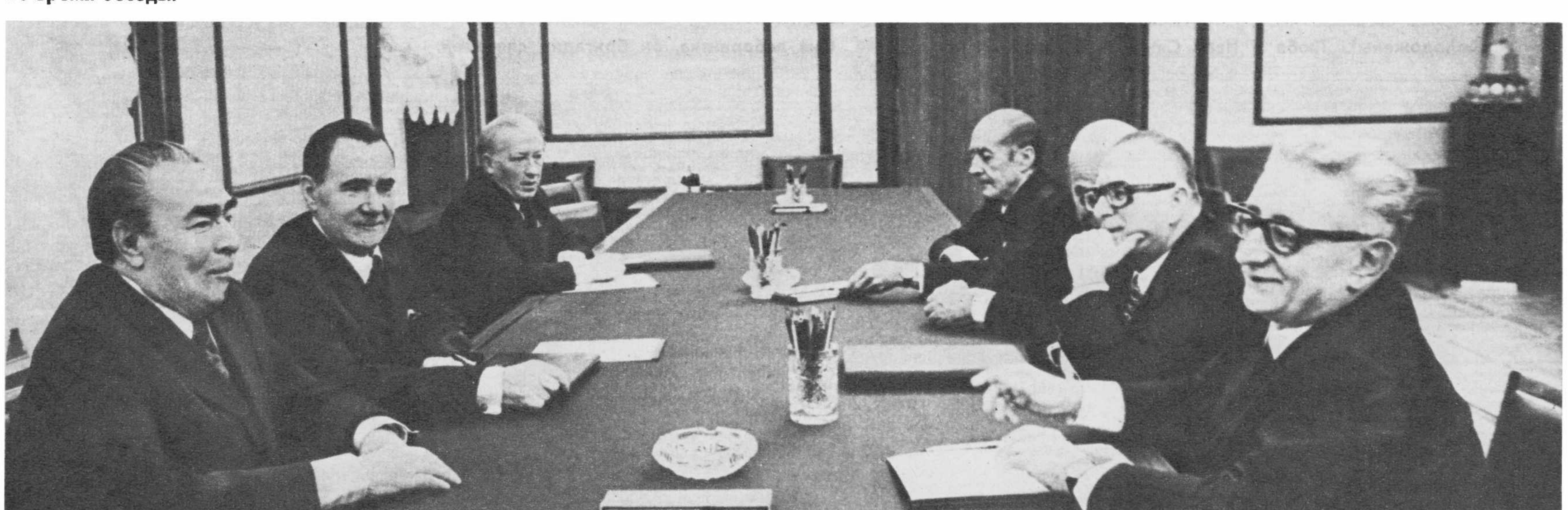

Фото А. ГОСТЕВА.

Среди встречавших был член ЦК КПЧ, посол ЧССР в СССР Ян Гавелка, входящий в состав партийно-правительственной делегации ЧССР.

С аэродрома в сопровождении почетного эскорта мотоциклистов товарищи Г. Гусак, Л. Штроугал вместе с товарищами Л. И. Брежневым, Н. В. Подгорным, А. Н. Косыгиным, другие члены партийно-правительственной делегации ЧССР направились в автомашинах в резиденцию в Кремле.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Советское правительство 25 ноября устроили в Большом Кремлевском дворце прием в честь партийно-правительственной делегации Чехословацкой Социалистической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком.

На приеме были товарищи Г. Гусак, Л. Штроугал, В. Биляк, Й. Ленарт, Й. Корчак, В. Гула, Я. Гавелка, А. Вавруш.

С советской стороны на приеме были товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, другие официальные лица.

С речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, который подчеркнул: «...Истоки утвердившейся между нами атмосферы искренности, доверия и равноправного товарищеского сотрудничества мы по праву видим в верности наших партий идеям марксизма-ленинизма, в общности интересов наших стран и народов, в нашей нерушимой классовой солидарности».

С ответной речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР товарищ Г. Гусак.

«Мы убеждены,— отметил Г. Гусак,— что нынешний визит чехословацкой партийно-правительственной делегации в СССР станет знаменательной вехой в дальнейшем развитии наших взаимных отношений».

ИЕ ЦЕЛИ

член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев.

ВИЗИТОМ

ду членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Президентом Итальянской Республики Дж. Леоне.

В ходе беседы, проходившей в атмосфере взаимопонимания, были рассмотрены вопросы дальнейшего развития советско-итальянских отношений, а также международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

20 ноября в Кремле состоялось подписание советско-итальянских документов.

Были подписаны:

Совместная советско-итальянская декларация;

Соглашение об экономическом сотрудничестве в период 1975—1979 гг.;

Соглашение об освобождении от двойного налогообложения в области морского судоходства.

За Союз Советских Социалистических Республик документы подписал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко;

за Итальянскую Республику — министр иностранных дел Итальянской Республики М. Румор.

При подписании документов присутствовали: с советской стороны — Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, другие официальные лица;

с итальянской стороны — Президент Итальянской Республики Дж. Леоне, государственные деятели, сопровождавшие Президента в поездке в СССР.

Подписание советско-итальянских документов.

Фото А. ГОСТЕВА и В. МУСАЭЛЬЯНА (ТАСС)

ПРАЗДНИК ДРУЖБЫ

Самой прекрасной традицией называют в ЧССР месячник чехословацко-советской дружбы. Традиции этой уже более четверти века. Одним из главных событий нынешнего месячника стали Дни советской культуры, проводившиеся в братской стране.

Программа декады советской культуры была исключительно богата и обширна. Театры и концертные залы, мастерские художников, предприятия и школы по всей стране стали местом встреч с советским искусством. Наш прославленный Большой театр впервые показал в Чехословакии балеты «Спартак» и «Иван Грозный». В спектаклях были заняты такие мастера, как Н. Бессмертнова, В. Васильев, Ю. Владимиров, М. Лавровский, М. Лиепа. В ЧССР приехал Государственный академический мужской хор Эстонии под руководством Густава Эрнесакса, несколько концертов дал Литовский камерный оркестр, жителей Праги и других городов познакомили со своим искусством молдавский ансамбль народного танца «Жок», вокально-инструментальный коллектив Крымской филармонии «Чайка», ансамбль песни и танца Удмуртской АССР. В концертах с успехом выступали Святослав Рихтер, Леонид Коган, Владимир Атлантов, Юрий Мазурок, Тамара Милашкина и другие советские исполнители, хорошо известные в Чехословакии. В рамках Дней проводился смотр советского киноискусства, который открылся показом фильма С. Бондарчука «Они сражались за Родину». Дни советской культуры в ЧССР— это и концерты ведущих мастеров искусств Чехословакии, широко использующих в своем репертуаре произведения русских и советских авторов.

Делегацию деятелей советской культуры, которую возглавлял кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, принял Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Густав Гусак. На этой встрече была дана высокая оценка успешному развитию чехословацко-советских культурных связей.

Нынешние Дни советской культуры в ЧССР подтверждают, что культурное сотрудничество наших стран стало неразрывной частью в братских отношениях между нашими народами.

«Мы могли бы сказать: вы уезжаете, но не покидаете нас,— этими словами член ЦК КПЧ, член Президиума ЦК Компартии Словакии, министр культуры Словацкой Социалистической Республики Мирослав Валек выразил чувства многих граждан братской Чехословакии.— Вы остаетесь в наших сердцах благодаря силе искусства».

В. БИРЮКОВА

Прага (по телефону).

ВО ИМЯ МИРА НА З

Торжественное открытие конференции в Актовом зале Смольного.

Фото А. МОЧАЛИНА

«Каждый человек в каждой стране обязан действовать в защиту мира»— этот призыв прозвучал в ленинградском Доме дружбы и мира на Фонтанке, где проходили на днях заседания Всемирной конференции представителей национальных движений за мир. В год двадцатипятилетнего юбилея Всемирного Совета Мира в Ленинграде собрались посланцы более ста государств, ООН, десятков общественных организаций и движений, чтобы обменяться мнениями о развитии разрядки, о том, как сделать ее необратимой, как добиться того, чтобы политическая разрядка была дополнена разрядкой военной. Сейчас, после успешного завершения общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, среди многих важных акций мировой общественности особую актуальность приобретает призыв Всемирного Совета Мира развернуть массовое движение за обуздание гонки вооружений и разоружение. «Важно, что именно эти проблемы постоянно находятся в центре внимания Всемирного Совета Мира...— отметил в своем приветствии участникам конференции Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев.— За четверть века активной и плодотворной деятельности Всемирный Совет Мира завоевал высокий авторитет и искреннее признание у всех, кому дороги мир, свобода и национальная независимость».

Торжественное открытие конференции состоялось 21 ноября в Смольном. Именно здесь, в белокаменном актовом зале, 58 лет назад Владимир Ильич Ленин провозгласил Декрет о мире. В этом первом программном документе Советской власти были сформулированы основные принципы справедливого и демократического мира, которыми последовательно руководствуется наша страна в своей внешней политике и которые находят все более широкое признание в практике международных отношений.

Бурными, долго не смолкавшими аплодисментами встретили собравшиеся весть о награждении Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «Золотой медалью мира» имени Ф. Жолио-Кюри.

С большим воодушевлением участники ленинградского форума приняли резолюцию о развертывании массовой кампании в поддержку нового Стокгольмского воззвания, принятого ранее сессией президиума ВСМ. «Мы,— говорится в резолюции,— объявляем массовый сбор подписей в поддержку нового Стокгольмского воззвания с тем, чтобы решительное требование народов прекратить гонку вооружений и осуществить разоружение было принято во внимание всеми правительствами и Организацией Объединенных Наций».

ПОЗДРАВЛЯЕМ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

Рабочие нашей бригады с большим удовлетворением восприняли сообщение о награждении Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева высшей наградой Всемирного Совета Мира— «Золотой медалью мира» имени Ф. Жолио-Кюри. Это — признание больших заслуг Советского Союза, Коммунистической партии и лично Леонида Ильича Брежнева в деле укрепления мира и сотрудничества между народами.

Мы знаем, сколько энергии отдает Л. И. Брежнев борьбе за мир, как велик его вклад в успех исторического Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Коллектив нашей бригады шлет свои самые сердечные поздравления товарищу Л. И. Брежневу. В прошлом году, когда бригада добилась наивысших показателей в стране по вводу жилья, товарищ Брежнев поздравил нас с этой победой и пожелал дальнейших успехов. Воодушевленные этим поздравлением, мы взяли обязательство досрочно выполнить пятилетний план. Мы рады доложить, что слово свое сдержали: пятилетку выполнили 30 апреля 1975 года, сдав 288 тысяч квадратных метров жилья. В честь XXV съезда КПСС бригада стала на трудовую вахту и обязалась до конца года сдать еще 1 200 квартир.

Труд строителя, возводящего жилые дома, особенный. Ведь мы не только преображаем облик городов и сел, мы дарим людям ни с чем не сравнимую радость — радость новоселий. И самая большая награда для нас — видеть, что новоселы довольны нашей работой.

Но наш радостный труд возможен только в мирное время и под мирным небом. Вот уже более тридцати лет живем мы под таким мирным небом. И в этом огромная заслуга нашей родной Коммунистической партии и Генерального секретаря ее Центрального Комитета товарища Леонида Ильича Брежнева.

В. КОПЕЛЕВ,
бригадир комплексной бригады монтажников, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственной премии СССР

РЕШАЮЩИЙ ВКЛАД В РАЗРЯДКУ

Народы мира, все прогрессивное человечество с огромным воодушевлением встретили весть о награждении Генерального секретаря ЦК КПСС «Золотой медалью мира» имени Ф. Жолио-Кюри. И это понятно: ведь всем хорошо известно, что с именем Леонида Ильича Брежнева связана разработка Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС. Ее осуществление сыграло важнейшую роль в создании новой обстановки на планете — обстановки разрядки в отношениях между государствами. Именно Советский Союз внес решающий вклад в обеспечение успеха Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Со времени принятия Программы мира прошло больше четырех лет. Все это время Леонид Ильич Брежнев неустанно трудился на благо мира. Мир благодарен и признателен Генеральному секретарю ЦК КПСС. Его последовательная и целеустремленная деятельность, настойчивость и энергия в борьбе за упрочение духа разрядки характеризуют его как выдающегося государственного деятеля новой эпохи в истории человечества. Я вспоминаю сейчас исторический визит Л. И. Брежнева в мою страну — Индию. Миллионы, сотни миллионов моих соотечественников при-

ЕМЛЕ

Конференция приняла также декларацию в связи с 25-летием Всемирного Совета Мира, резолюцию о всемирном значении и влиянии решений общеевропейского совещания, а также резолюцию в поддержку патриотов Анголы, солидарности с демократами Чили, Португалии, Испании, Уругвая и ряд других.

И снова Смольный. 24 ноября здесь состоялось собрание представителей общественности Ленинграда и делегатов конференции, посвященное 25-летию Всемирного Совета Мира.

Участников собрания сердечно приветствовал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Г. В. Романов. Говоря о награждении Леонида Ильича Брежнева, Г. В. Романов подчеркнул, что советские люди полностью разделяют мнение президиума ВСМ о том, что присужденная Генеральному секретарю ЦК КПСС «Золотая медаль мира» одновременно является и высокой оценкой вклада Советского Союза в борьбу за мир.

От имени Президиума Верховного Совета СССР Г. В. Романов вручил Ромешу Чандре орден Дружбы народов и пожелал ему новых успехов в его благородной деятельности.

Во всех выступлениях конференции вновь и вновь подчеркивалось, что долг всех людей доброй воли — неустанно повышать бдительность, умножать свои усилия и действия в защиту великого дела мира.

А. ГРЕЧУХИН

ветствовали тогда тот неоценимый вклад, который внесли Советский Союз и его Коммунистическая партия в укрепление разрядки на Индостанском субконтиненте. А нормализация обстановки в этом районе мира неотъемлема от укрепления азиатской безопасности в целом. Вот почему в те дни, когда успешно завершилось совещание в Хельсинки, в Индии с особой признательностью вспоминали предложение Генерального секретаря ЦК КПСС о создании системы коллективной безопасности в Азии. Думаю, что такие же чувства признательности испытывают и народы других стран, где побывал Л. И. Брежнев, внесший огромный вклад и в дело дальнейшего развития двусторонних отношений между государствами.

Благородная деятельность Л. И. Брежнева встречает поддержку на всех континентах, а его идея материализации разрядки стала лозунгом всех честных людей земли.

Ромеш ЧАНДРА,
генеральный секретарь Всемирного Совета Мира

На улицах Бейрута.

Фото из журнала «Тайм».

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ ЛИВАНА

Каждый день телеграфные агентства мира приносят тревожные известия из Ливана. Вооруженные столкновения, взрывы пластиковых бомб, похищения, убийства — все это, как злокачественная опухоль, уже несколько месяцев разъедает страну, которую изображали некогда как «перекресток цивилизаций», «землю гостеприимства и терпимости».

Бейрут представляет собой страшное зрелище — кругом разрушенные взрывами дома. Сожжен знаменитый «золотой базар» в старой части города. Разграблены многие магазины в центре. Везде чувствуется острая нехватка воды и продовольствия. Улицы загромождены мусором. Развалины домов и остатки баррикад парализовали работу городского транспорта. В ряде мест можно увидеть трупы жертв снайперов-одиночек из Катаиб. Их подолгу никто не убирает, так как не хватает санитарных машин. Пожарные команды пытаются погасить очаги пламени в различных городских кварталах.

По существу, в последние годы борьба ведется вокруг основ самой государственной структуры республики, покоящейся на так называемом «национальном пакте», заключенном в 1943 году между главными политическими партиями. Участники пакта признали главенствующее положение христианской общины, объединявшей в то время около 52 процентов жителей Ливана, и установили пропорциональное представительство главнейших религиозных общин в парламенте, правительстве, государственном аппарате, армии. Так, президентом республики должен быть христианин-маронит, главой правительства — мусульманин-суннит, председателем парламента — мусульманин-шиит, главнокомандующим вооруженными силами — христианин-маронит и т. д. Соотношение в парламенте депутатов от христианской и мусульманской общин зафиксировано как 6 : 5.

Такая государственная система обеспечивала маронитской общине, связанной на протяжении веков религиозными и деловыми узами с Западом, доминирующее положение... Прогрессивные круги Ливана все настойчивее выступают с требованием пересмотра ее с учетом демографических сдвигов, происшедших в Ливане. В настоящее время мусульманская часть населения в Ливане значительно превосходит христианскую.

События в Ливане объясняются не столько межобщинными религиозными распрями, сколько новыми попытками реакции запугать наиболее активную часть мусульманского населения Ливана, чтобы заставить его отказаться от поддержки палестинского движения сопротивления. Ливанский кризис — это результат конфликта между прогрессивными и реакционными силами.

В своих попытках разобщить ливанских трудящихся и участников палестинского движения сопротивления правые силы делают все, чтобы сохранить власть, чувствуя, что она все больше уходит у них из рук, используют свои ударные группы печально знаменитых фалангистов Пьера Жмайеля. Фалангисты, которых называют также партией Катаиб, не что иное, как экстремистская полувоенная организация, которая превосходно вооружена. В 1936 году Жмайель посетил нацистскую Германию. Вернувшись в Ливан, он стал насаждать среди маронитской ливанской молодежи «дух дисциплины» по примеру «гитлерюгенда». Жмайель повсюду твердит, что он является защитником христианского мира от ислама, что лучше быть свидетелем гибели Ливана, чем поставить под угрозу существующий там строй.

Именно фалангисты повинны в вооруженных столкновениях. Согласно опубликованным на днях данным, экономический ущерб, нанесенный в стране в результате событий этого года, выразился в сумме 8 миллиардов ливанских фунтов. Только в Бейруте разрушено, сожжено и разграблено около трех тысяч лавок, магазинов и предприятий. Вооруженные столкновения стоили бейрутцам более 500 человеческих жизней.

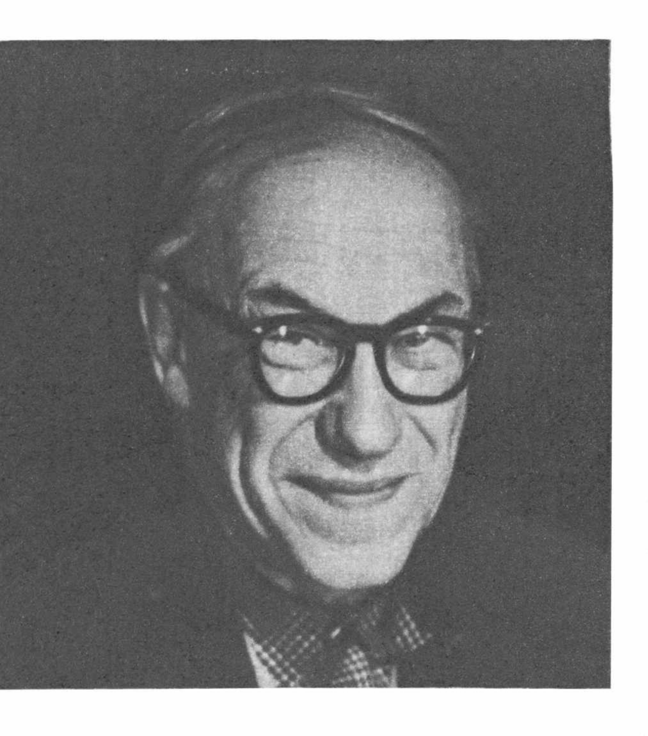
Израиль пытается использовать события в Ливане для обострения напряженности на Ближнем Востоке, стремится вбить клин между арабскими народами. Тель-Авив перебрасывает новые части на границы с Ливаном и Сирией, продолжает налеты на лагеря палестинских беженцев на юге Ливана. Недавно Израиль провел крупные военные маневры с боевыми стрельбами. В маневрах принимали участие военно-воздушные, воздушно-десантные, сухопутные части и подразделения. Политические наблюдатели рассматривают эти провокационные маневры как открытую угрозу в адрес Ливана. Это мнение подтверждается также выступлением премьер-министра Израиля И. Рабина, который заявил, что Тель-Авив не исключает возможности прямого вооруженного вмешательства в дела Ливана под предлогом «обеспечения безопасности северных границ Израиля».

Вызывают тревогу появившиеся сообщения в арабской прессе и в некоторых западных органах печати о планах расчленения Ливана. Так, ливанский еженедельник «Ад-Дустур» утверждает, что «к планам разделения Ливана приложили свою руку ЦРУ и сионистские круги». Что же предусматривают подобные проекты? «Ад-Дустур» пишет: «Планы раздела предусматривают: а) создание христианского государства в рамках горного Ливана, б) создание исламского государства на территории, включающей часть районов Шуфа, Бекаа и юга страны, населенного в основном палестинцами, в) создание друзского государства на Голанах, г) создание алауитского государства в Сирии, территория которого включала бы также город Триполи и район Аккар». В статье, опубликованной в журнале «Аль-Ахбар», приводятся высказывания ряда известных ливанских деятелей по поводу этих планов. Так, бывший министр иностранных дел Ливана Ш. Малек заявил, что «на основе проводимых им контактов он может подчеркнуть, что западные круги готовы оказать поддержку любому проекту, предложенному христианами Ливана, и даже проекту разделения страны».

Подобные сообщения вызывают понятную тревогу прогрессивной общественности Ливана, выражающей опасения за его территориальную целостность. Нет сомнения, что такого рода проекты отвечают прежде всего интересам правящих кругов Израиля и их покровителям. Создается впечатление, что ливанская реакция, обострял религиозную рознь в стране, фактически помогает израильским экстремистам в осуществлении их экспансионистских замыслов. Более того, существует странное соответствие между действиями партии Катаиб и операциями израильской армии, словно они проводятся по заранее согласованному плану и играют взаимодополняющую роль. Как реакция в Ливане, так и израильская военщина, нагнетая напряженность, пытается создать предлог для иностранного вмешательства.

Общественность Ближнего Востока, все друзья арабских народов в мире надеются на то, что в Ливане будет найден выход из нынешнего политического кризиса, что проискам израильских агрессоров и их покровителей будет дан решительный отпор.

В. ДУНАЕВ

ЩЕДРОСТЬ УЧЕНОГО

Академику Михаилу Алексеевичу Лаврентьеву исполнилось 75 лет. Но, когда охватываешь мысленным взором все сделанное этим советским ученым, поражаешься, что ему всего 75 лет. Ведь сделанного с лихвой хватило бы не на одну, а на несколько долгих человеческих жизней.

Михаил Алексеевич Лаврентьев — математик, всемирно известный ученый. Его научные достижения отмечены Ленинской и Государственной премиями. Он награжден пятью орденами Ленина, шестью орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны, орденом Октябрьской Революции. Он Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, кандидат в члены Центрального Комитета КПСС. Он избран почти во все академии мира.

Круг интересов ученого чрезвычайно широк. В его творчестве глубины математических абстракций соседствуют с решением прикладных задач. Сейчас уже трудно найти область техники, где бы не применялись работы академика Лаврентьева: металлургия и самолетостроение, бурение горных пород, орошение земель и даже освобождение северных рек ото льда.

Но сколько бы ни было сделано Михаилом Алексеевичем, ему всегда кажется, что самое главное еще впереди. Слово «молод» в отношении к Лаврентьеву абсолютно точно определяет его характер. Лаврентьев не раз выступал на страницах «Огонька» с острыми проблемными статьями, делился своими мыслями о том, как воспитать в молодых исследователях качества, необходимые подлинному ученому, естествоиспытателю.

И в эти дни, когда в городок науки на берегу рукотворного Обского моря приходят теплые поздравления со всего мира, нам тоже хочется поздравить Михаила Алексеевича Лаврентьева, пожелать ему счастья и новых успехов в его благородном деле.

А. ГОЛИКОВ

ТОГДА, В СОРОК ЧЕТВЕРТОМ...

30 лет назад, 29 ноября 1945 года, была провозглашена Федеративная Народная Республика Югославия — теперь Социалистическая Федеративная Республика Югославия.

— Николай, а ведь я узнал тебя! — с этими словами Милош Шетина обнял Николая Игнатьевича Слепова.— Ведь это ты в сорок четвертом садился на нашу площадку «Медено поле», недалеко от города Босански-Петровац? Помнишь, мы твой авион обстреляли, приняв за фашистский. Ждали-то накануне, а ты задержался, и у нас даже сигнальных костров не зажигали.

Николай Игнатьевич, сейчас летчик Аэрофлота, конечно, хорошо помнил тот полет. По заданию советского командования предстояло доставить югославским партизанам мощную радиостанцию. Взлетал из-под Киева. Первая попытка не удалась — самолет сбили, экипаж спасся на парашютах. Через сутки вылетел снова.

И вот боевые друзья встретились три десятилетия спустя. Югославские пилоты, участники боев с фашистскими захватчиками, приехали в Советский комитет ветеранов войны.

— Для нас ваша помощь была жизненно необходима,— говорит Милош Шетина.— Оружие, боеприпасы, медикаменты привозили советские самолеты. И каждый партизан знал: если будет тяжело ранен, русские летчики доставят в госпиталь. А ведь летать к нам на маленькие, окруженные горами площадки было очень опасно.

Особенно радовало, что помощь оказываете вы, русские. Так издавна повелось: в трудную для югославов годину на выручку приходит Россия. Потому и братские чувства к вам в нашем народе глубоки и прочны.

— Помню, стояли мы возле местечка Баня-Лука,— продолжает свой рассказ Милош.— В отряд пришла маленькая, худенькая старушка. Стала что-то спрашивать, а тут немецкие пикировщики пожаловали. Подхватил я бабусю на руки и бегом в укрытие. Бомбы ложатся близко, земля вздрагивает. Бабушка трясется, плачет. Когда налет кончился, говорит:

— Третьи сутки из своей деревни иду. Хочу русского летчика увидеть, поблагодарить за помощь нашим сыновьям. Говорят, он к вам прилетит.

И, представьте, жила старая в отряде почти неделю. Фашисты наступают, кругом бой идет, обстрелы, бомбежки, а она не уходит. И дождалась. Ночью приземлился советский самолет. Пока его разгружали, старушка подошла к летчику. Перекрестила, обняла, а потом достает из кошелки три груши:

— Это тебе, сынок, подарок, это Алешины. Мой отец вместе с русскими против турок воевал за свободу нашего народа. Был ранен, и от плена его спас русский солдат Алеша. Возвратясь домой, отец в память о своем спасителе посадил грушу. Мы зовем ее Алешиной грушей. Дерево уже старое, но цветет каждый год. Прими подарок, он от чистого сердца.

— В те дни,— вступил в разговор Стена Врбич, товарищ Милоша по партизанскому отряду,— югославы были счастливы, если им удавалось, в свою очередь, выручить из беды русского пилота. Так случилось, когда при посадке в расположении нашего отряда из-за плохой видимости советский самолет потерпел аварию — сломалось шасси. Летчик был в отчаянии: скоро рассвет, партизаны уйдут в горы. Вражеская авиация обнаружит машину и уничтожит. Мы утешали его:

— Не горюй, друже. Починим твой авион. Только сначала замаскируем.

Мы сразу же послали бойцов в окрестные деревни сказать, что русским нужна помощь. И через час стали приходить крестьяне, приносить кусты, ветки, молодые деревца. Когда взошло солнце, там, где стоял самолет, выросла рощица.

Партизаны помогли бортмеханику снять сломанные детали. Он осмотрел их и руками развел: «Плохо дело. Сваривать надо. Мастерских-то ведь нет». Отвечаем: «Есть, сделаем».

Мастерские у нас были высоко в горах, в пещерах, но дорогу туда фашисты перерезали. Чтобы до них добраться, надо преодолеть крутой скалистый гребень, который считался неприступным. Крестьяне говорили, что лет тридцать назад на этот гребень поднимался один местный житель. Отыскали его. Это оказался старый-престарый дед. Узнав, в чем дело, сказал, что покажет дорогу.

У нас в отряде нашлись горцы, настоящие скалолазы. Они взяли на плечи поврежденные детали и пошли вслед за дедом. Он повел их крутой узкой тропой, шел на удивление быстро, почти не отдыхал. Когда тропинка уперлась в отвесную скалу, сказал:

— Вот, сынки, в молодости я по этой скале поднялся. Если вы настоящие юнаки, тоже подниметесь. А там до мастерских рукой подать.

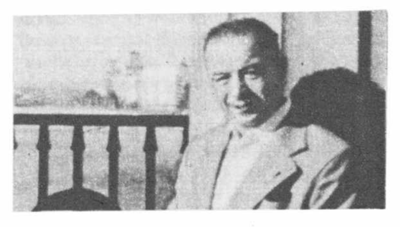
Наши бойцы сумели подняться по отвесной скале, доставили сломанные детали в мастерские. К вечеру советский самолет починили, а ночью он улетел.

— В партизанах до конца войны были? — спросил Николай Игнатьевич.

— Нет,— ответил Милош Шетина.— Вскоре после твоего прилета меня и Стену Врбича послали учиться в вашу летную школу: новая Югославия нуждалась в собственной авиации. Приехали мы в Союз и были потрясены разрушениями, которые принесла война.

Я делал второй самостоятельный полет, когда попал в сложную метеорологическую обстановку: наш аэродром неожиданно затянуло туманом. По неопытности потерял ориентировку, заблудился и сел на картофельное поле. Смотрю — рядом деревня. Собственно, деревни нет, одни печные трубы торчат, а люди живут в землянках. На всех одна корова. Женщины на ней пахали, а порой сами впрягались в плуг.

Меня приняли, как родного, старались получше накормить. А один старик, узнав, что я ушибся, отвел в баню. Долго парил, хлестал веником и уложил спать, накрыв овчиной. Наутро я встал здоровым.

Н. И. Слепов.

Возвратившись на свой аэродром, рассказал товарищам об этой деревне. И весь наш отряд в свободный день отправился туда. Работали изо всех сил, старались хоть как-то отблагодарить советских людей. Ваша страна, израненная войной, обучала югославских летчиков, кормила их, одевала. А по окончании учебы Советское правительство дало нам боевые самолеты, и на них мы улетели на родину. Наш отряд стал первым формированием югославских военно-воздушных сил.

Милош разлил по бокалам вино. Ветераны, как и много лет назад, подняли тост за вечную и нерушимую дружбу советского и югославского народов.

ДОРОГА В ЗАВТРА

См. 2-ю стр. обложки

Заместитель министра транспортного строительства СССР, начальник ГлавБАМстроя К. В. МОХОРТОВ отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Л. Лерова

ВОПРОС. Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали называют стройкой века. Чем она заслужила столь многозначащий титул?

ОТВЕТ. Современникам не всегда удается в полной мере осознать величие того, что вершится на их глазах. Говорят, что для этого требуется время, требуется некоторое удаление от «поля битвы», чтобы стали яснее проступать и масштабность, и гигантский размах, и значение свершаемого. Вероятно, как правило, так оно и бывает. Но мне думается, что БАМ — исключение из правила. Кто хоть немного знаком с цифрами, характеризующими размах, объем работ на БАМе и железнодорожной линии Бам — Тында — Беркакит, кто уже побывал на этой стройке, летал в Усть-Кут и Тынду, Ургал и Беркакит, кто видел мощные потоки самосвалов, экскаваторов, бульдозеров на трассах, кому пришлось разглядывать схему будущей дороги к океану, кому доводилось знакомиться с основными данными технического проекта — он предусматривает самые прогрессивные средства эксплуатации будущей железной дороги, включая автоматическое управление движением поездов,— тот, пожалуй, уже сегодня в полную силу ощутит: да, эту стройку не зря назвали стройкой века!

Мне знакомы стройки железнодорожных магистралей в СССР и за рубежом, и я с полным основанием могу заявить: по объему строительных работ, сложности и разнообразию инженерных сооружений, применению самых современных строительных механизмов, машин, по смелости инженерно-технической мысли БАМ не знает себе равных в мировой истории железнодорожного строительства. Свыше 300 миллионов кубических метров грунта надо вынуть и переместить, да еще какого грунта: примерно три четверти его — скальный или вечномерзлый; возвести около 3 500 искусственных сооружений, в том числе 150 больших мостов через такие полноводные и своенравные реки, как Лена, Верхняя Ангара, Олекма, Зея, Бурея, Амур, Амгунь; на трассе — 27 километров туннелей; более 200 станций и разъездов; более 20 крупных поселков. Не стану больше утомлять читателей цифрами. Думаю, что для ответа на ваш вопрос достаточно и тех, что я привел. Добавьте к ним следующее: магистраль пересекает чрезвычайно сложный природный регион — большая ее часть протянется в горах. А центральный отрезок — от Байкала до реки Олекма — это зона высокой сейсмики. Напомню о резко континентальном климате — суровая, малоснежная зима, жаркое лето и затяжные дожди. Напомню о вечномерзлых грунтах под ногами, способных расползаться в хлябь и засосать машину.

Возник ряд сложнейших научно-технических проблем, связанных с условиями вечной мерзлоты, сооружением туннелей большой протяженности. Мы не сомневаемся, что они будут решены.

ВОПРОС. Пожалуй, комментарии ко всему этому не требуются. Но, видимо, за многозначащими словами — «стройка века» — стоят понятия не только технические, географические, но и социально-экономические?

ОТВЕТ. Да. Мы гордимся тем, что прокладываем дорогу к тем местам, где столь широко и богато представлена почти вся таблица Менделеева. Речь идет об освоении природных богатств. Уже сегодня, когда в мыслях свершаешь путешествие от Усть-Кута по землям Иркутской, Амурской, Читинской областей, Бурятской и Якутской АССР до Комсомольска-на-Амуре в Хабаровском крае, хочется назвать БАМ не только стройкой века, но и дорогой мужества, дорогой в день завтрашний и даже послезавтрашний. С ней связано решение проблем развития производительных сил северо-востока России на целые десятилетия. Земли, через которые пройдет БАМ и железнодорожная линия Бам — Тында — Беркакит,— это железная руда, каменный уголь, медь, цветные и редкие металлы. Я уж не говорю о лесных ресурсах. Когда придет к этим богатствам дорога, тут сформируются новые мощные индустриальные районы. Появятся города, рабочие поселки, произойдут большие социальные перемены во всей жизни этих пока еще глухих краев Восточной Сибири, Дальнего Востока, Якутии.

С удовольствием рассматривал публикуемые в этом номере журнала фотографии вашего фотокорреспондента, сделанные в Южно-Якутском угольном бассейне, в Нерюнгри. Это же чудо природы — залежи коксующихся углей лежат на самой поверхности земли. Когда линия Бам — Тында — Беркакит вступит в строй — а мы всячески форсируем ее сооружение,— появится возможность больших качественных сдвигов в балансе производства и потребления коксующихся углей. Но Нерюнгри — это только начало. Геологам дел тут хватит до конца века. Ну и, конечно, нам, транспортным строителям.

Геологи открыли Алданский железорудный район — в той руде до сорока процентов железа, и первые же испытания показали ее отличные технологические и металлургические свойства. К тому же руду эту можно, так же как и уголь, черпать экскаваторами... Высококачественный коксующийся уголь и железо лежат рядом. Это поистине чудесный дар природы. Но чтобы полной мерой использовать такой дар, нужна железная дорога, нужна Байкало-Амурская железнодорожная магистраль.

В Читинской области трасса БАМа пройдет вблизи Удокана. И здесь природа была щедра, подарив людям залежи меди.

Стальной путь, который прорежет тайгу северных районов Иркутской области, поможет формированию крупного Верхне-Ленского территориально-производственного комплекса, с новыми транспортными узлами, предприятиями по глубокой переработке древесины.

ВОПРОС. Почти полтора года прошло с того времени, когда в тайге, в дремучих лесах Сибири и Дальнего Востока высадились первые десанты бамовцев. Что они уже успели сделать?

ОТВЕТ. С чего начать — с цифр, процентов или с закалки характеров, формирования коллективов?

...В отряде «Московский комсомолец» шло соревнование за право первыми рубить в тайге просеку от Тынды на запад. Победителями стали ребята из бригады Владимира Степанищева. Три дня в лютые морозы они пробивались на запад, к Кувыкте, таежной речке. Никто не спасовал. Шесть коммунистов и двадцать комсомольцев шли только вперед. На сороковом километре они разбили лагерь и стали монтировать дома для тех, кто шел следом.

...Строили мост через реку Тынду. В конце осени 1974 года хлынули проливные дожди. Уровень воды поднимался катастрофически быстро. Вот-вот будут сорваны опоры. Кто отважится вплавь добраться к ряжам и завести тросы? В ледяную воду бросилась четверка смельчаков — Н. Шенгелия, В. Кудьба, Н. Филиппов и Р. Чонкошадзе. Прошло тридцать минут героической битвы четырех парней со стихией. И вот уже тросы заведены, и мощные тракторы натянули их. Спасен труд сотен людей.

...Оставив на юге Украины домашний уют, упорным трудом завоеванные почет и славу, донецкий шахтер Владимир Новик приехал на БАМ, в Тынду, с женой, детьми, не испугавшись тайги, морозов. Весной нынешнего года бригада Владимира Новика первой ринулась в тайгу, туда, где стояли лишь пять-шесть заснеженных вагончиков.

Теперь здесь благоустроенный поселок строителей — Могот. Сейчас слава о делах бригады Новика разнеслась по всей трассе. Это он и его сподвижники летом нынешнего года бросили клич: в честь съезда партии давать за смену полторы нормы! Сама бригада дает две нормы.

Сколько уже их, таких страниц, в летописи славных дел строителей!

Я намеренно начал отвечать на ваш вопрос не с процентов. И если говорить о главном, что уже успели сделать, так это формирование трудовых коллективов, где плечом к плечу с бывалыми строителями на штурм тайги пошла молодежь; формирование коллективов, сумевших воспитать у молодых ребят харак-

тер бойцов, закалить их физически и духовно, научить трудному делу; формирование коллективов, где люди живут и работают под девизом: «Мы строим БАМ, БАМ строит нас».

Это был очень трудный процесс, требовавший огромной энергии, заботливости, чуткости командных кадров, партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, работников штаба ЦК ВЛКСМ на стройке. Сюда хлынули тысячи людей, но людей разных, и разные тропы привели их на великую трассу. Приехали опытные командиры, управляющие трестов—Герой Социалистического Труда Ф. В. Ходаковский, В. К. Кривочуприн, И. Д. Рассказов, Л. С. Блинков, приехали бывалые мастера, через биографии которых проходят такие дороги, как Абакан — Тайшет, Сургут — Тюмень, Тайшет — Лена, Хребтовая — Усть-Илимская. По зову партии, по велению сердец прибыли комсомольские отряды во главе с отрядом, рожденным сразу же после XVII съезда ВЛКСМ. В этих отрядах далеко не все владели строительными профессиями, и для некоторых БАМ был началом их трудового пути. Но они представляли, что значит в мороз и дождь рубить просеку в тайге, они знали: «Да, будет очень трудно, но мы готовы к этому». Это о них писал поэт: «Прежде чем решить на стройку, в край таежный, выезжать, знай про нашу поговорку-приговорку: не пищать!» И они «не пищали». Я испытал чувство большого удовлетворения, когда нынешним летом на Западном участке был свидетелем своеобразной проверки личного состава одного комсомольского отряда. Их приехало 300. На линейке выстроилось 289. Одиннадцать ребят уехали по уважительным причинам.

Однако я не склонен приукрашивать действительность. Да, есть отряды, ряды которых поредели. Но таких немного.

Теперь можно и о процентах и о прочих цифровых показателях. Год с небольшим назад на Западном участке было всего лишь несколько строительных организаций. Сейчас их девяносто семь. Первые отряды строителей насчитывали несколько сот энтузиастов, а ныне их более восьмидесяти тысяч.

План десяти месяцев перевыполнен. В глухой, девственной тайге проложено более семисот километров временных автомобильных дорог, прорублены просеки протяженностью около 1 200 километров, построено 240 водопропускных труб, малых и средних железнодорожных мостов. «Огонек» уже рассказывал о досрочном завершении строительства мостов через Лену и Амур. Какой это был большой праздник, когда над Леной-рекой по мосту прогрохотал первый поезд, разбудив правобережные таежные земли.

Но я особо хочу сказать о железнодорожном мостовом переходе через Амур. Как известно, еще в сороковые — пятидесятые годы страна, заглядывавшая далеко в будущее, построила головные участки БАМа: Тайшет — Лена, Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань. Казалось бы, будущая трасса от Усть-Кута до Комсомольска даст выход на океан, поскольку до Советской Гавани путь уже проложен. И тем не менее это еще не выход к океану. Между городом и океанским берегом — «перегон» в полтора километра, перегон без рельсов. Это река Амур. И только теперь, когда поезда пошли по вновь построенному мосту, сбылась многолетняя мечта тех, кто начиная с 1945 года зимой водил поезда опасной ледовой дорогой, а летом нес вахту на паромах. Автор проекта моста ленинградец К. Шаблий, проектировщики и строители смело применили вместо традиционных кессонных фундаментов под опоры железобетонные колодцы-оболочки. Мостовой переход через реку Амур — это поистине одно из уникальных транспортных сооружений в нашей стране.

В те дни, когда страна праздновала 30-летие Победы, пришел первый поезд на станцию Тында. Хотя работали там в тяжелых условиях, движение поездов по железнодорожной линии Бам — Тында было открыто на пять месяцев раньше срока.

В приветствии Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева строителям железнодорожной линии Бам — Тында отмечалось, что открытие движения на новой линии имеет большое народнохозяйственное значение, создает условия для дальнейшего разворота работ по сооружению Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, быстрейшего освоения природных богатств Сибири и Дальнего Востока. За большие трудовые достижения 75 передовых строителей были награждены орденами и медалями, 225 ударников строительства магистрали удостоились высокой чести — сфотографироваться у Знамени Победы.

ВОПРОС. Вы говорили о трудностях формирования крепких трудовых коллективов. Среди многих проблем, которые при этом пришлось решать, едва ли не первое место занимает проблема жилья, быта, досуга строителей. Не так ли?

ОТВЕТ. Да, это так. И если продолжить разговор о том, что бамовцы успели сделать за минувшие полтора года, то хотелось бы отметить одно, на наш взгляд, очень важное обстоятельство: мы не обошлись без палаток, но сделали все для того, чтобы свести их до минимума. Были приняты и принимаются все меры для того, чтобы вновь прибывающих строителей расселить пусть во временные, сборно-щитовые, но обязательно в дома. Щитовые дома, вагончики с встроенной мебелью были для нас объектом № 1. Мы понимали: к нам приехала молодежь с лозунгом «не пищать!». Но мы не имели права рассчитывать только лишь на энтузиазм молодых людей, готовых вынести любые бытовые неурядицы. За первую половину 1975 года на различных участках БАМа сооружено большое количество жилых домов, школ, поликлиник, детских садов, клубов, спортивных площадок, столовых, магазинов, хлебопекарен, складов, овощехранилищ. В мае в Тынде вступила в строй телевизионная станция «Орбита».

Строители домов учитывали климатические и сейсмические условия. Но опыт минувшей зимы побуждает нас предъявить в этом плане еще более жесткие требования к тем, кто проектирует и строит здания для наших поселков. Их у нас появилось на трассе восемнадцать. У иных поселков большое будущее. Пройдет немного времени, и некогда безвестная Тында, небольшой районный центр, станет городом со всеми удобствами для горожан, с многоэтажными домами. Первый такой дом, подшефный «Огонька», весной 1976 года примет новоселов.

Не могу не отметить огромную работу ЦК ВЛКСМ, местных партийных и советских организаций в зоне магистрали. Ими проведена большая массово-политическая работа, они многое сделали для мобилизации молодежи, всех имеющихся ресурсов в помощь стройке. Только Иркутский обком КПСС направил 200 коммунистов для укрепления коллективов строителей БАМа.

Местные организации с первых же дней постарались наладить выездную торговлю, пункты проката бытовой техники, выездные парикмахерские и даже фотоателье. Во многих местах службы быта работали по две-три смены. Был введен особый учет заказов строителей — их выполняли вне очереди. Появились книжные магазины — среди молодых строителей очень много любителей литературы.

Жилье, служба быта, организация питания, культурный досуг — все это остается для нас острой проблемой. Кое-где еще отстает благоустройство поселков. На трассе уже появилось много самых разных магазинов, столовых, кафе, но, к сожалению, бывают еще перебои и в торговле предметами первой необходимости и в доставке продовольствия отрядам, которые десантом «высадились» далеко-далеко в тайге.

Впереди суровая зима. Ко многим приехали семьи. Их, конечно, не устраивают общежития. Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности освоило в нынешнем году производство инвентарных панельных общежитий, специально рассчитанных на суровые климатические условия БАМа. Это хорошие общежития. Однако необходимо, чтобы Минлеспром в ближайшем будущем обеспечил поставку домов и для семей строителей.

Мы отчетливо представляем, что чем быстрее сумеем одолеть все бытовые проблемы, покончить с еще не изжитыми здесь неурядицами, тем быстрее пойдет дело на строительстве. Повторяю: на один лишь энтузиазм молодежи мы не имеем права рассчитывать. Между тем, чего греха таить, есть у нас такие командиры производства, которые не всегда уделяют достаточно внимания созданию нормальных бытовых условий на стройке.

ВОПРОС. БАМ — всенародная стройка. В чем конкретно это проявляется?

ОТВЕТ. В строительстве БАМа принимает участие ряд министерств и ведомств. Десятки заводов выполняют заказы магистрали. Ее поистине строит вся страна. И в этом один из важнейших источников успеха бамовцев. Союзные республики, многие города, края и области, автономные республики имеют подшефные участки. Украина, например, послала на Восточный участок пять укомплектованных строительно-монтажных поездов. В подавляющем большинстве это молодые ребята, которые трудятся плечом к плечу с бывалыми мастерами. Они корчевали лес в тайге, воздвигали поселки, они прокладывают коммуникации, стальные пути. Они строят поселок Ургал. Москвичи строят Тынду, ленинградцы — Северо-Байкальск (станция Нижнеангарск-1), Грузия — Нию. Приступают к работе и другие шефы. В интернациональном поселке Улькан есть улицы Иркутская, Ангарская, Азербайджанская, Крещатик...

Я хотел бы воспользоваться трибуной «Огонька», чтобы поблагодарить заводы-поставщики, досрочно выполнившие наши заказы,— москвичей, ленинградцев, Горьковский автозавод, челябинский «Дормаш», киевский «Красный экскаватор». Спасибо им за надежную технику!

Большую помощь нам оказывают и студенты. 3 484 человека работали в этом году на трассе в составе студенческих строительных отрядов. А на Западном участке БАМа работал интернациональный отряд студентов из социалистических стран.

ВОПРОС. На стройку пришло много техники. Как идет ее освоение, что делается для того, чтобы воспитать механизаторов, строителей в духе максимально бережного отношения к машинам, к технике?

ОТВЕТ. Это один из самых острых вопросов для нас. Страна дала нам много первоклассных автомашин, бульдозеров, кранов, тракторов. Но если мы не сохраним полученную технику, то через год-другой можем оказаться «на мели». Значит, надо курс держать на то, чтобы машины, механизмы верно несли свою вахту до конца стройки. Инициативу проявили механизаторы Центрального и Западного участков. Комплексная бригада Григория Запорожца обязалась довести пробег своих КрАЗов без капитального ремонта до 120 тысяч километров. А самое главное: они решили на этих же машинах работать до конца стройки. Их почин подхвачен. Думаю, что социалистическое соревнование механизаторов на лучшую комплексную бригаду, работающую по методу бригадного подряда, поможет сбережению и более эффективному использованию техники.

Передовые экскаваторщики берут сейчас обязательства переработать по 20 тысяч кубометров грунта. А норма — 11,3 тысячи.

ВОПРОС. Расскажите о ближайших, первоочередных рубежах, на которые должны выйти бамовцы.

ОТВЕТ. Первоочередная задача — форсированно вести прокладку пути от Бама через Тынду на Беркакит, к месторождениям угля. В декабре нынешнего года поезда должны пойти от станции Лена через новый мост и дальше до станции Таюра (64-й километр). На очереди Ургал — Комсомольск-на-Амуре.

В преддверии XXV съезда КПСС бамовцы, став на ударную вахту, делают все для того, чтобы досрочно выполнить задания завершающего года девятой пятилетки. А юбилейная, десятая пятилетка уже будет первым этапом осуществления долгосрочной программы хозяйственного освоения зоны БАМа.

Строители Байкало-Амурской железнодорожной магистрали достойно встретят XXV съезд КПСС новыми трудовыми успехами.

А Б В Г 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 1 2 3 4 5

Ю. Титов. ЛАГЕРЬ ИЗЫСКАТЕЛЕЙ.

ПЕСНЯ.

ПЕРВЫЕ КИЛОМЕТРЫ.

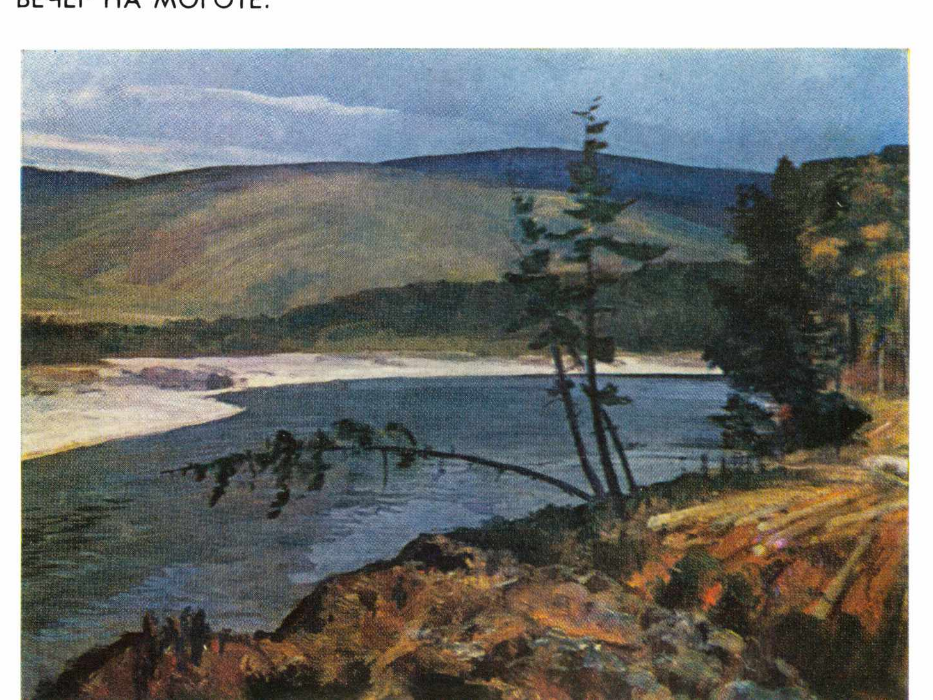

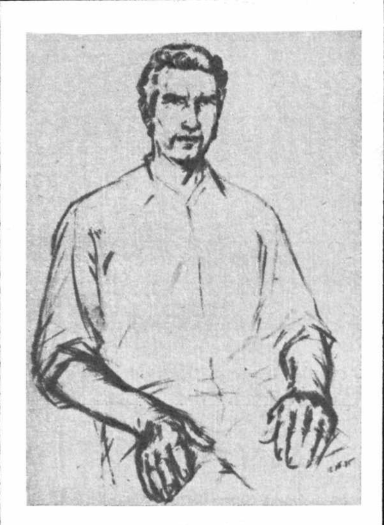
Ю. Титов. МАГИСТРАЛЬ.

ТАЙГА ОТСТУПАЕТ.

ВЕЧЕР НА МОГОТЕ.

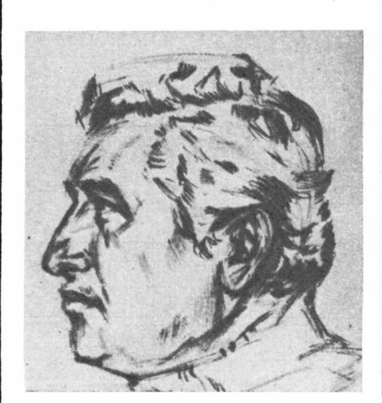

Л. М. Зингер, заместитель начальника строительно-монтажного поезда со станции Могот.

ТАЙГА ОТСТУПАЕТ

Летом нынешнего года художник Юрий Титов три месяца работал на БАМе, побывал на разных участках трассы — от Амура до Лены и от Тынды до Беркакита. Художник видел, как отступает тайга перед трудом и волей человека, как дается людям каждый новый километр стальных путей БАМа, как возникают на трассе поселки, воздвигаются мосты, он сжился с величественно-суровой природой края.

Темперой, углем, карандашом фиксировал он жизнь, труд, быт строителей — всех, чей девиз — быть там, где это необходимо Родине. Для заслуженного художника РСФСР Юрия Александровича Титова Сибирь — вторая родина. С тех пор, как в 1956 году он поехал по комсомольской путевке работать на Витим, его творчество во многом связано с Сибирью. Не потому ли и работы его не только репортаж об увиденном, но скорее небольшие изобразительные новеллы, в которых живет глубокое уважение к людям, по зову сердца пришедшим строить БАМ.

Ю. М. Ертахов, плотник с Могота.

ПЕРВАЯ ОСЕНЬ

Геннадий **КОЛЕСНИКОВ**

●

Поселок Магистральный уже отпраздновал первую комсомольскую свадьбу.

Прощаются птицы
С березой и кедром.
И реки листвою заносит.
На просеках БАМа
Под музыку ветра
Вальсирует первая осень.
На просеках БАМа
Гуляют туманы,
Не спят лесорубы России.
Припомнилась мама...
Как все наши мамы,
Она и добра
И красива.
Цветы и деревья
Грустят, увядая,
Грустят в одиночку
И парой.
И ласково шепчет
Жена молодая,
Что скоро она
Станет мамой...
Сквозь все расстоянья
Помчит телеграмма
Домой,
К родному порогу.
И тот, кто родится
На стройке БАМа,
Получит в наследство
Дорогу!

●

Как живете,
Первопроходцы?
Может, сделаны вы из огня,
Чтоб сквозь дебри,
Сквозь вьюги,
Сквозь солнце
Высечь просеки нового дня!
Может быть,
Это формула века,
Может, этим прославится век:
Не дорога ведет человека,
А дорогу ведет человек.
И дымятся рубахи от пота,
И доступно все вашим рукам.
И летит над страной,
Над эпохой:
«Здравствуй, БАМ!
Здравствуй, БАМ!»

Санджи **КАЛЯЕВ**

●

Железо лопат примерзает к рукам,
Течет по лопаткам пот.
Нелегкое счастье
досталось нам —
Идти и идти вперед!
И если случится —
споткнешься вдруг,
Повалит усталость,— что ж,
На помощь протянутся сотни рук,
Поднимешься и пойдешь!
Напрасно гудит ледяной буран,
Напрасно грохочет в грудь,
Напрасно над топью встает туман,
Скрывая опасный путь.
Пускай протянулись десятки верст —
Родина — даль моя! —
Всегда мы в дороге —
при свете звезд
И в алом сиянье дня.

Всегда впереди мы —
в степи, в лесу,
Любой по плечу нам труд.
Вьюги, бушуя, приносят весну,
Победу бойцы несут!
Вглядись-ка попристальней,
вот она!
Из холода и огня
Встает, вырастает!
Ты слышишь, страна
Зовет тебя и меня?!
Ты слышишь, из завтра ревет гудок,
Колеса рванулись?
Да!
Ты видишь,
На Запад и на Восток
Проносятся поезда!
И будто доносится гул и гам
Оттуда, издалека,
Где в карту Отчизны
вписала БАМ
Твоя и моя рука.

Перевел с калмыцкого
Геннадий **ФРОЛОВ**.

КОМУ ВРУЧАТ КУБОК?

СОРЕВНОВАНИЕ БРИГАД, РАБОТАЮЩИХ НА ПОДРЯДЕ

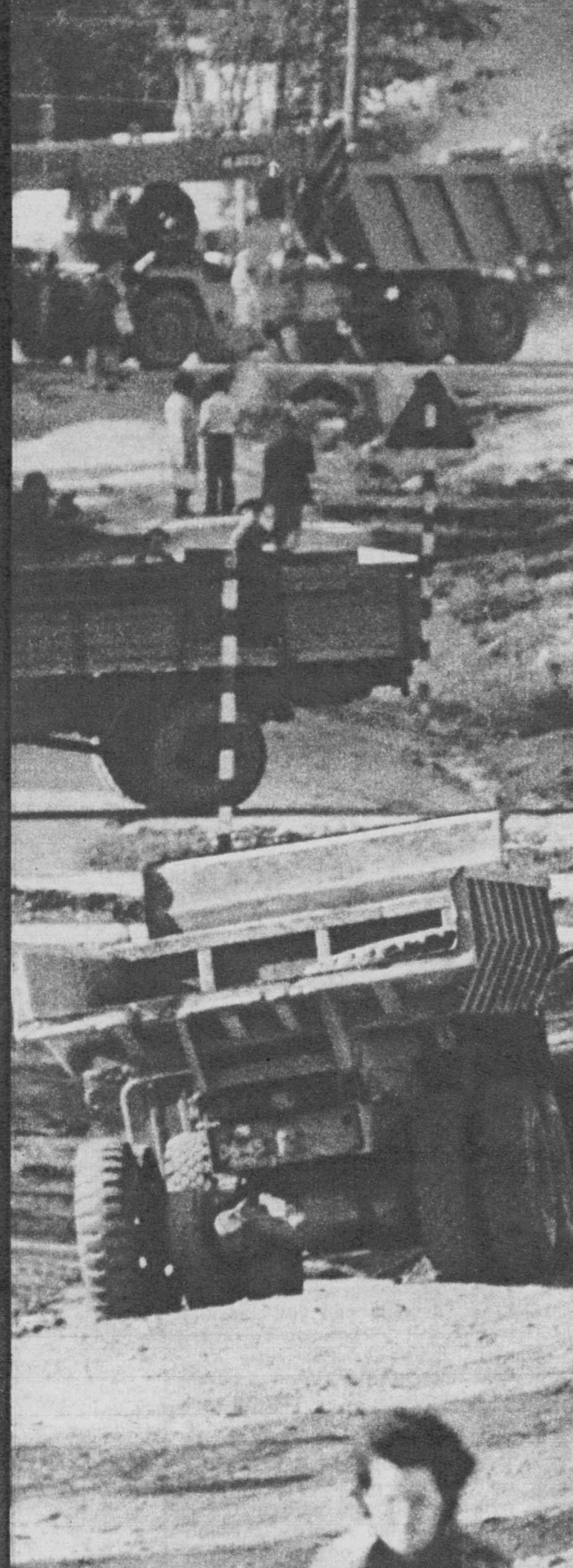
Включайтесь в соревнование бригад, работающих на подряде! С таким призывом обратились к строителям БАМа, железнодорожной линии Бам — Тында — Беркакит и вторых путей Тайшет — Лена Министерство транспортного строительства СССР, ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта, штаб ЦК ВЛКСМ на БАМе и редакция журнала «Огонек». Объявлен конкурс на кубок «Огонька», который будет вручен лучшей бригаде, работающей на подряде.

Победителями будут признаны бригады, которые обеспечат выполнение работ в установленные сроки, в точном соответствии с технической документацией, строительными нормами и правилами; выполнение принятых по договору обязательств и достижение наибольшей экономии трудовых затрат и материалов, конструкций, деталей, применяемых для производства работ на объекте; контроль за своевременным выполнением работ смежными бригадами; соблюдение правил охраны труда и техники безопасности; сдачу объектов с оценкой качества работ не ниже чем на «хорошо».

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ — переходящий кубок «Огонька»; годовая подписка на журнал «Огонек» с приложением; поездка на 5 дней четырех членов бригады в Москву (ознакомление с достопримечательностями столицы, посещение театров и музеев).

ВТОРАЯ ПРЕМИЯ — переходящий вымпел «Огонька» и годовая подписка на журнал «Огонек» с приложениями.

Бригадир плотников комсомолец Анатолий Кадурин — строитель Нерюнгри.

В. КУЗНЕЦОВ,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

К

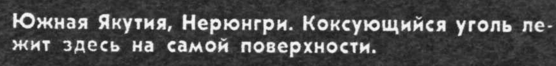
Здесь город будет!

Это не выставка автомашин. Это жизнь Амуро-Якутской автомагистрали...

УРС НА СЕВЕР

Виктор Иванович Бочаров, начальник комбината «Якутуглестрой».

Южная Якутия, Нерюнгри. Коксующийся уголь лежит здесь на самой поверхности.

КУРС НА СЕВЕР

Этим курсом сегодня улетают транспортные вертолеты и пассажирские самолеты, увозя из Тынды грузы и людей. Этим курсом идут отряды изыскателей и лесорубов, выбирая удобный маршрут и готовя просеку. Этим курсом движутся механизированные колонны треста «БАМстроймеханизация». Это курс «Малого БАМа».

Что такое «Малый БАМ»? Небольшое меридиональное ответвление на север от будущей гигантской железнодорожной магистрали. Но значение этого участка столь велико, что строители окрестили его «Малым БАМом». Стальное острие дороги направлено в район Южной Якутии, где открыты богатства земных недр.

Сегодня «Малый БАМ» уже делает первые шаги. Бригада монтеров пути, возглавляемая Григорием Гуреевым, укладывает секции стального полотна. К концу года дорога вытянется на тридцать три километра, а в начале десятой пятилетки войдет в строй действующих.

...Машина идет из Тынды на север. Могли бы, конечно, чтоб сэкономить время, полететь самолетом, но хотелось как следует разглядеть места, по которым пойдет «Малый БАМ». Ехали мы по Амуро-Якутской автомобильной магистрали—АЯМ. Это пока единственный путь, кроме воздушного, связывающий Якутию с Амурской областью и Транссибирской железной дорогой. АЯМ — тысяча километров сложнейшей трассы — начинается на станции Большой Невер и заканчивается в Якутске. По ней идут потоки машин. Правда, частично магистраль разгружена железнодорожной линией Бам — Тында, а в ближайшие годы станет еще полегче — рельсы протянутся к югу Якутии. Разумеется, разгрузка АЯМа — не главная цель «Малого БАМа», хотя и это имеет немалое значение.

Сразу за Тындой дорогу окружила тайга. Красивая, одетая в яркий осенний наряд, она вплотную подступила к обочинам. Но чем дальше на север, тем скуднее становились краски, тайгу сменило прозрачное тонколесье, а потом и оно исчезло. И лишь в окрестностях Нерюнгри мы снова встретились с тайгой. Однако здесь она совсем не походила на ту, что провожала нас из Тынды: не было привычных глазу берез, кленов, трепещущих под ветром осин.

Нерюнгринский лес в основном окрашен в два цвета: желто-зеленый — сосны и темно-серый — лиственницы. Зато тут полно брусники. Кустик от кустика — на расстоянии сантиметра, и ягоды мы рвали прямо на городской улице. Правда, города пока нет. Но есть уже утвержденное всеми инстанциями его название — Нерюнгри. Есть и улица 15 июля. День начала советско-американского эксперимента в космосе был и днем рождения нового города. Он уже строится. Установлены фундаменты — пока для двухэтажных — домов, в каждом из которых будет двенадцать комфортабельных квартир.

Из города на карьер, к месторождению угля, нас повез начальник комбината «Якутуглестрой» Виктор Иванович Бочаров. В пути он обратил наше внимание на гараж. Чем же гордится Бочаров? — не поняли мы. Подумаешь, элементарный сруб из свежего бруса. Правда, высота с трехэтажное здание, и ширина десять с лишним метров...

— Сруб этот рассчитан всего лишь на одну машину. Двадцать четыре на девять метров. Грузоподъемность — сто восемьдесят тонн.

Здесь мы начнем строительство обогатительной фабрики,— продолжал Бочаров.— Она рассчитана на переработку девяти миллионов тонн угля в год. Сдать фабрику должны в 1981 году. Вокруг нее вырастут предприятия по ремонту горношахтного оборудования.

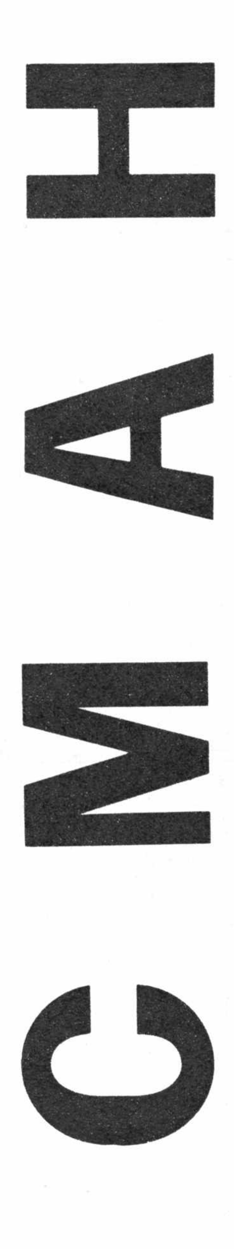
Угольный карьер мы заметили издали. Огромная черная стена перекрыла всю сопку. Стоим у ее подножия. Высота стены — пятьдесят метров, а весь пласт в этом районе достигает семидесяти метров. И все это богатство прикрыто сравнительно тонким — 15—20-метровым — земляным «покрывалом». Сдерни его — и черпай уголь хоть голыми руками.

Год назад в Нерюнгринском разрезе работало двести человек, а население поселка не превышало тысячи. Уголь Нерюнгри использовали только на местные нужды, для тепловой электростанции. Причина тому — отсутствие дешевого транспорта. Не возить же уголь автомашинами за сотни километров! Слишком накладно! Новая железная дорога даст южноякутскому углю выход далеко за пределы республики.

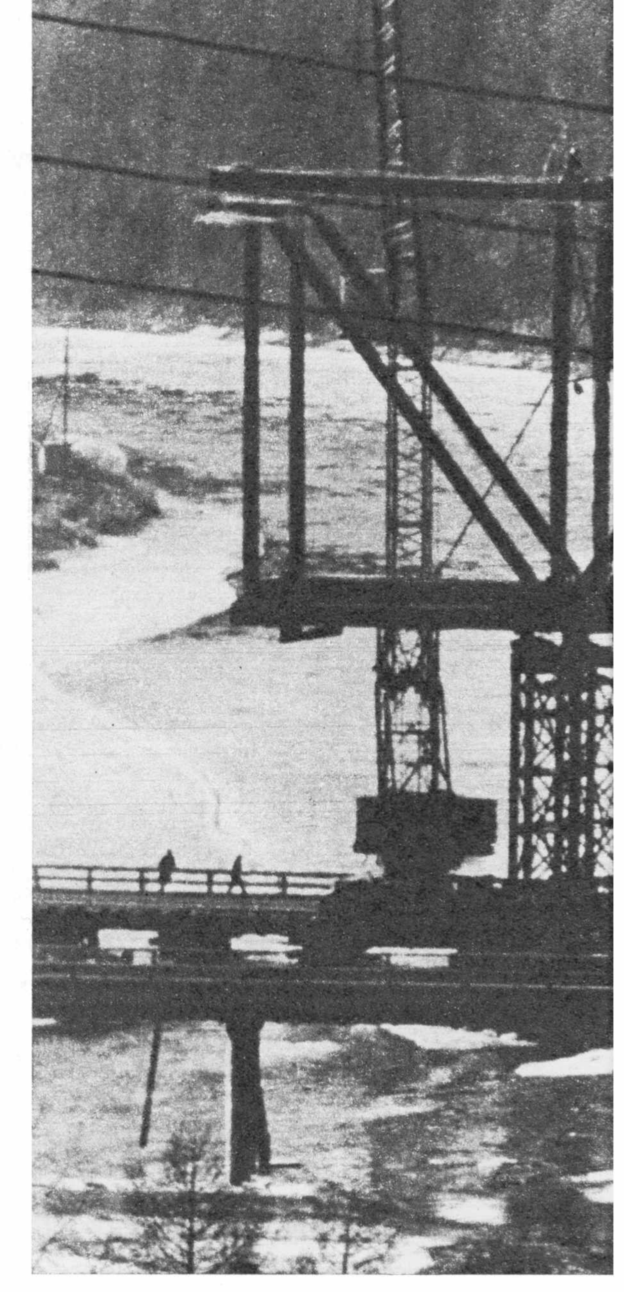
«Малый БАМ» спешит в Южную Якутию, и угольщики готовятся достойно встретить первый железнодорожный состав. В начале нынешнего года Министерство угольной промышленности СССР создало в Нерюнгри комбинат. В северном городке забурлила жизнь. За короткий срок он вырос почти в пять раз.

Виктор Иванович Бочаров знакомил нас с городом, показывал новые дома, большое картофелехранилище, добротную пекарню, склады для ОРСа и другие постройки.

Здесь начинается жизнь нового экономического района страны. Большие у него перспективы!

ТАЛИСМАН

Строится мост через Таюру.

Юрий ЛУШИН

Фото автора

Зима сковала землю Звездного в одну ночь. Только Таюра еще сопротивлялась. Камни на ее дне заледенели, поверху который уже день плыла шуга, но бешеное течение никак не давало надеть на себя ледяной панцирь. Мальчишки, похватав клюшки и коньки, бежали по деревянным мосткам на другой берег реки — гонять на льду озерка шайбу. У книжного киоска стояла девочка и учила толстого, смешного щенка азбуке.

— Как его зовут?— спросил я.

— Белка,— ответила девочка.

— Что-то непохожа,— засомневался я.

— Совсем маленькой была похожа.

Белка таращила круглые кофейные глаза и отказывалась понимать азбуку. Девочка опустила щенка на землю и сказала:

— А меня Риммой звать. Римма Гафарова. Папа тоже Гафаров, только Халид. Он шофер, а я во втором классе учусь. Папа очень хороший шофер,— добавила она, не зная, что еще говорить.

— Откуда же вы приехали?

— Из Башкирии, это далеко отсюда.

Подошли подружки Риммы, и она сразу забыла обо мне. Я же смотрел на них и думал: дети, пожалуй, самый верный знак того, что в эти, до недавнего времени глухие места жизнь пришла прочная и основательная. Да, дети словно добрый знак. Недаром же на станции Лена я читал объявления о желании обменять квартиры во Фрунзе, Армавире или Рос-

Владимир и Карине Саруханяны с новорожденной Бамине.

Второклассница Римма Гафарова приехала из Башкирии.

тове на скромный Усть-Кут. Едут на БАМ семьями, и семьи рождаются тут.

Я приглядывался к улицам Звездного и удивлялся стремительности его роста. Мы шли с Генрихом Арустамяном, начальником специализированного строительно-монтажного поезда «АрмстройБАМ». Он говорил:

— Вы знаете, как расшифровать БАМ? Пока для нас это — баня, амбулатория, магазин. А вот уже потом — железная дорога.

Случайно или не случайно, но мы как раз подошли к магазину «Арарат», который армянские строители готовили к сдаче. Рядом сооружали баню и клуб. Я знал, что «АрмстройБАМ» возник совсем недавно — в апреле этого года, а первый десант армянских строителей высадился в Звездном в мае. И вот за короткое время возник поселок, магазины, склады — плацдарм для дальнейшего наступления.

— Теперь посмотрите сюда,— требовательно сказал Арустамян,— видите?

Я увидел два экскаватора, споро грузивших самосвалы грунтом, за ними расчищенную от леса площадку, сопки на горизонте...

— Нет, нет, — улыбнулся Арустамян,— не то. Видите строение из розового армянского камня — туфа? Это вокзал. Как он красив на фоне зеленой тайги и голубой ленты реки! Не видите? Да,— вздохнул он,— а в моем воображении все это уже существует — вокзал, станция, поселок на две тысячи жителей, детский сад, школа тоже из туфа... Для этого мы и приехали сюда.

— Когда же ваша мечта станет реальностью?

— Скоро. Школу неплохо бы уже к следующему сентябрю построить. Вот в декабре в Звездный придет первый поезд, и можно туф завозить.

— Уютно ли будет здесь вашему южному камню?

— Ха,— чуть не обиделся Арустамян,— это же не просто туф, а хачкаровский туф — такой плотный камень, красивый, как раз для Сибири. Ха-арошая станция будет! Пойдемте,— заторопился он,— надо вам показать добрый талисман нашего отряда.

И мы зашагали между добротных рубленых домов куда-то вниз по склону. Из печных труб поднимались в небо дымы, обещая уют и тепло, в воздухе пахло снегом и сосной. Вокруг деловито тюкали топорами, стучали молотками смуглые сыны Армении, бывшие и будущие каменщики, ставшие по велению дела плотниками. Пролетит время, и через эту станцию помчатся составы. Может быть, поезд на пути к Байкалу остановится тут на считанные минуты, весь же путь от Лены до Нижнеангарска займет пять с небольшим часов. Но для строителей эти часы и километры растянутся на годы...

— Пришли,— сказал Арустамян.— Вот этот домик мы срубили самым первым и подарили его Володе и Карине Саруханянам. Не только потому, что они с первым десантом тут высадились, а еще и за смелость.

— Что же это за смелость?

— Сейчас увидите.

Постучавшись, мы вошли в дом и поздоровались с хозяевами.

— Ну-ка, друзья мои, покажите гостю свой талисман...

Начинало попахивать мистикой, и я ждал, чем все это кончится. Между тем хозяева, загадочно улыбнувшись, удалились в соседнюю комнату, из которой некоторое время доносились лишь смутные шорохи и шепот. Наконец они вышли. На руках Карине держала сверточек, в котором вдруг что-то слабо ворохнулось и пискнуло детским голоском. В этот момент Володя не без торжественности изрек:

— Вас приветствует первая армянка, родившаяся на БАМе, наша дочь...

— Может, она просто радуется, что ей сегодня стукнуло ровно полтора месяца,— высказала догадку Карине.

Но дочь, игнорируя торжественность момента, вдруг самым прозаическим образом расплакалась, и родители кинулись ее успокаивать.

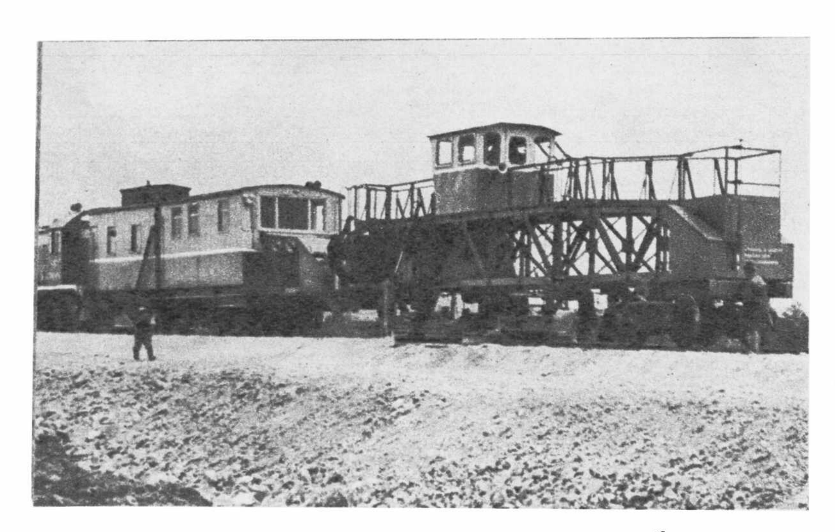
— Как вы ее назвали? — спросил я, поняв теперь, о какой смелости толковал Арустамян.

— О, это целая история! — воскликнула Карине.— Расскажи, Володя.

— История, в общем-то, несложная,— начал он.— Пока я гадал, как назвать ребенка, если родится сын, появилась дочь. Тут, конечно, весь поселок узнал о событии, и пошли меня поздравлять. Кто просто руку пожмет, кто предлагает имя для девочки. Но все мне не нравилось, все не то. И вообще голова кру́гом! Ребенок родился, а дома еще нет. Не в палатку же ее... Пошел к начальнику поезда, спрашиваю: «Для кого это там первый домик строится?» «Для тебя, для Карине и для дочки,—отвечает начальник.— Назвали-то как?» Я подумал, подумал и говорю: Бамине назвали, на БАМе она родилась — пусть будет Бамине...

— А я в больнице лежу,— не выдержала, вставила свое слово Карине,— лежу и ничего не знаю. Тут Володя прибежал, говорит: забирай Бамине, пойдем новоселье справлять, весь поселок ждет...

Мы вышли на крылечко дома. За Таюрой садилось солнце. Мороз наконец-то одолел реку, заковал ее в лед. Арустамян и Саруханян задумчиво смотрели в ту сторону, где возникнет станция. Наверное, им виделось прекрасное здание из розового туфа...

Рельсы уложены. Теперь наступает важный этап — балластировка, оправка пути. Этот электробалластер создан коллективами Всесоюзного научно-исследовательского института транспортного строительства и Угличского ремонтно-механического завода. Три таких машины уже работают на стройке.

Л. ЛЕОНИДОВ,
К. ВЛАДИМИРОВ

МОСКВА ДЛЯ

Об этом знает здесь стар и млад: Тында станет городом, и строить ее москвичам. Их желто-красные фургоны, лихо мчащиеся там, где раньше шумела тайга, мальчишки уважительно провожают поднятой кверху левой рукой и приложенной к груди правой. Означает сие: москвичам — зеленая улица! А иногда, пытаясь перекрыть шум мотора, весело горланят: «Салют Москве!»

Местный житель, показывавший нам дорогу в «хозяйство» Главмосстроя, по-своему комментировал грядущие перемены в жизни районного центра.

— А как же иначе? Раз наша Тында в ранг столицы возведена, значит, и строить ее столице. Говорят, что Москва к нам лучших своих мастеров прислала.—И горделиво, многозначительно объявил: — Сам Злобин приезжал!

И тут же обрушил на нас поток информации о будущем его родной Тынды.

— А откуда вы все это знаете?

Он обиженно посмотрел на нас, явно удивился бестактности вопроса, недолго помолчал, а потом все же ответил:

— Да, у нас все всё про это знают...

Через полчаса мы встретились с начальником отряда Главмосстроя Ю. Г. Коростышевским и парторгом МГК КПСС Ю. Р. Шевченко. И, слушая их рассказ, листая вслед за ними альбомы с фотопланшетами, мы мысленно отмечали: «А ведь тот наш спутник не фантазировал. Все совпадает...»

Будущее Тынды! Вместе с Юрием Григорьевичем мы «путешествуем» по ее микрорайонам, просторным площадям, широким проспектам, заглядываем в уютные, хорошо спланированные квартиры многоэтажных домов.

— В Тынде сейчас живет двадцать пять тысяч человек,— рассказывает Ю. Коростышевский.—А будет восемьдесят тысяч. Но это в перспективе. Город будущего вырастет вдоль Амуро-Якутской автомагистрали. Замысел зодчих таков: Тында, выражаясь языком архитекторов, должна смотреться со стороны железнодорожной станции, амфитеатром поднимаясь к сопке. Пассажиру, вышедшему из поезда, как бы предъявляется визитная карточка: смотрите, любуйтесь — вот оно, детище БАМа!

Вы знаете, где теперешний центр Тынды? Да, да. Дом культуры, книжный магазин, промтоварный... Так вот, там появятся девятиэтажные жилые дома, многоэтажные общежития, культурный и торговый центры, большой стадион со спортивным комплексом, Дворец пионеров, универсальный Дворец культуры... Почему универсальный? Применительно к суровому климату. Под одной крышей самые разные учреждения культуры, досуга. Включая и спорт. Все здесь задумано так, чтобы человеку, вышедшему из дома, торговля и служба быта сразу же предложили бы все необходимое. Это очень нужно в любом городе. Но на севере такая планировка имеет особое значение. В пятьдесят градусов мороза поход в химчистку, упрятанную за несколько километров от жилья, не очень-то приятен.

— Каков объем строительства?

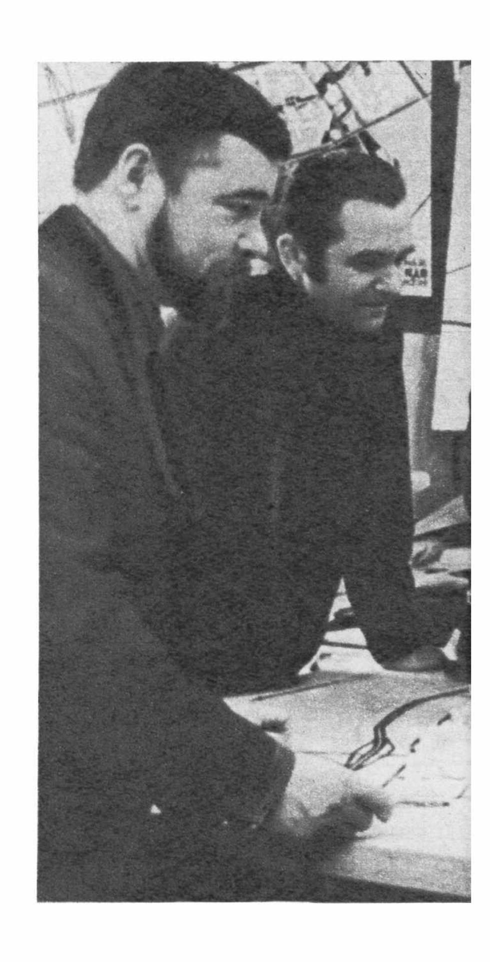
— Первая очередь — сто сорок четыре тысячи квадратных метров жилой площади, детские сады, общеобразовательные школы, школа-интернат, две поликлиники, Дворец культуры, кино-концертный зал. Ну и, конечно, все коммуникации.

— Кто будет поставлять панели для домов?

— Всё, что требуется для строительства Тынды, мы получаем из Москвы, с Домостроительного комбината № 1. Это хорошо зарекомендовавший себя поставщик домов высокого качества. Они облицованы глазурованной плиткой. Приятному, не стандартному внешнему облику соответствует современная планировка квартир со всеми удобствами. Мы постараемся, чтобы в Тынде новые дома выглядели еще краше, чем обычные в этой серии. Ведь речь идет о столичном автографе на великой трассе.

— А как насчет тепла?

— Московская серия переработана применительно к суровой здешней зиме — утолщенные стены, тройное остекление. Это, конечно, несколько усложняет работу. Но главная трудность не в этом. Мы впервые строим многоэтажные дома в зоне вечной мерзлоты. К тому же здесь она особая, с так называемыми линзами. А это означает, что геологические изыскания нужно вести буквально на каждом отдельном участке.

— Не будет ли накладно везти дома из Москвы? Ведь недалеко от Тынды, в Шимановске, рождается местная строительная индустрия, производственная база БАМа.

— Да, нам это известно. Кстати, мы и в Шимановске будем строить дома. И тем не менее экономические расчеты показали, что жилье, доставленное в Тынду из Москвы, не обойдется дороже. Ведь есть уже опыт поставки домов из Москвы в Ташкент, города Тольятти, Набережные Челны.

— Как формировался в Москве ваш отряд? Были какие-нибудь трудности?

— Да, были. — Теперь в разговор вступает парторг Юрий Романович Шевченко. — Пришлось отбиваться от натиска желающих ехать сюда. Их оказалось куда больше, чем нам требовалось. Хотя все знали, что их ждет тут нелегкая жизнь. Мы тщательно отбирали нужных нам строителей, мастеров своего дела. Лучших! Со всего Главмосстроя... Юрий Григорьевич уже говорил вам о московском автографе. Это ко многому обязывает. В нашем отряде подавляющее большинство — молодежь. Двадцать процентов — коммунисты, тридцать пять — комсомольцы. Но все до единого патриоты Мо-

Группа московских архитекторов, проектирующих Тынду. В центре — руководитель группы С. А. Волков.

Фото А. БОЧИНИНА

СТРОЙКИ ВЕКА

Москва. Ростокинский завод железобетонных конструкций Домостроительного комбината № 1. Эти панели отправят в Тынду.

сквы. Готовы одолеть любые трудности, а чести москвича не уронят. Мы приняли обязательство: ко дню открытия XXV съезда КПСС завершить сборку двух девятиэтажных домов. Работы будем вести поточно, по злобинскому методу.

И не без тревоги добавил:

— Надеемся, что проектировщики и домостроители не задержат нас...

Вскоре после того, как мы вернулись со стройки БАМа в Москву, из Тынды в редакцию «Огонька» пришла телеграмма:

«...Состоялась торжественная закладка первого подшефного «Огоньку» высотного дома».

Был митинг, был большой праздник в Тынде. Над котлованом пламенели лозунги: «Даешь высотные дома для столицы БАМа! Все на ударную предсъездовскую вахту!» Лучший крановщик стройки С. Ляховский подал первый куб бетона, а уложить его поручили победителям соревнования — бригаде А. Гусева.

В дни, когда готовился к печати этот номер, мы, памятуя тревогу касательно проектировщиков и домостроителей, побывали в «Моспроекте». Здесь уже действует специальная группа «БАМ». Это зодчие, проектирующие Тынду. Руководит этой группой архитектор Сергей Александрович Волков — он недавно вернулся из Ирана, где проектировал город металлургов. И вот сейчас Тында. Волков комментирует схему генерального развития будущего города.

— Схема эта рассчитана на максимальное использование рельефа местности. Учитывается, конечно, специфика Тынды. Она потребует специальных проектов, которые отличаются и расчетами, в частности теплотехническими, и особым конструктивным решением фундамента. Занят этим целый ряд проектных и научных организаций. Мы координируем их деятельность.

— Строители беспокоятся, не задержали бы их...

— Мы не задержим. Уже отправлены проекты первых шести домов. Сейчас важно разработать еще несколько типов домов, которые отвечали бы требованиям местной демографии. Пока мы ориентируемся на среднюю семью в три человека. А нужны дома, в которых были бы и однокомнатные, и двух-, и трех,- и четырехкомнатные квартиры. Надеемся, что и эти проекты наши земляки получат заблаговременно.

Ну, а как дела у домостроителей? Здесь они складываются сложнее. И у «десанта» москвичей в Тынде есть основания для тревоги. Сейчас принимаются срочные меры, чтобы помочь строителям Тынды выполнить предсъездовские обязательства.

За «круглым столом» «Огонька» собирались первые стахановцы, потом — герои девятой пятилетки, а теперь — молодые строители БАМа. Пришел на нашу встречу секретарь ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта И. Н. Колпиков, заместитель начальника ГлавБАМстроя Н. Д. Челноков. Они рассказали о положении дел на разных участках магистрали, о строительстве новых поселков, клубов, школ, детских садов, о том, какие принимаются меры, чтобы обеспечить строителей всем необходимым для нормальной жизни и труда. Ну, а бамовцы, в свою очередь, рассказывали о себе, о своих товарищах, о том, как они живут и работают...

Молодые строители БАМа в редакции «Огонька».
Первый ряд: А. Байков — заведующий клубом в поселке Звездный, Г. Ушакова — оператор Тындинского узла связи, Н. Ягосфаров — монтер пути, Г. Пасечник — штукатур, Р. Сысюк — нормировщица.
Второй ряд: А. Гулькевич — монтажник-строитель, Н. Петюшин — бригадир, В. Лакомов — бригадир лесорубов, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, А. Алиджанов — начальник института «Сибгипротранс», В. Янишевский — член штаба ЦК ВЛКСМ на строительстве БАМа, Р. Харитонов — председатель постройкома строительно-монтажного поезда-576.

Фото А. Бочинина

ГОВОРИТ ТОВАРИЩ БАМ

В. В. ЯНИШЕВСКИЙ, член штаба ЦК ВЛКСМ на строительстве БАМа:

— Прежде всего замечу, что сейчас перед вами не просто строители БАМа, а отпускники. Правда, наш отпуск прошел на колесах, к тому же так насыщенно и напряженно, что хоть снова просись на отдых. Дело в том, что 330 посланцев БАМа за свой ударный труд получили путевки для поездки в ГДР. Мы объездили всю страну, побывали на многих стройках, переняли немало интересных начинаний, заключили договоры о соревновании, дали десятки концертов... Словом, поездка была полезная и интересная.

Сейчас мы возвращаемся домой. Я сказал «домой» и подумал: на БАМе мы всего полтора-два года, но своим домом считаем не Москву, Свердловск или Харьков, а Тынду, Звездный, Ургал и Могот. Почему так получилось? Да, наверное, потому, что все мы заняты большим делом. Немаловажно, по-моему, и то, что начинали с нуля, с первой поваленной сосны, сами строили дома, в которых теперь живем.

В. И. ЛАКОМОВ, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР:

— Вообще-то я монтер пути, строил дорогу Хребтовая — Усть-Илимская, а на БАМе до сих пор работаю лесорубом. Но я не сетую: придет время, вернусь к своей основной профессии, а пока мой инструмент пила да топор.

Сейчас мы живем в красивом, благоустроенном поселке Звездный, а начинала его строить моя бригада. Вернулся я с XVII съезда ВЛКСМ, сколотил бригаду из одиннадцати человек, сели мы в вертолет и махнули в тайгу, в совсем дикое место. По-моему, там даже охотники не бывали. Но нам сказали, что здесь будет поселок и, следовательно, надо расчистить площадку. Поставили палатки и начали пробивать просеку. Всю зиму провели в тайге. Работали, не считаясь ни с какими трудностями, а порой бывало даже обогреться негде, и сварить похлебку — проблема, случалось, что из-за плохой погоды не мог пробиться к нам вертолет и мы сидели без продуктов.

Вскоре нас стало около двухсот человек. За свою бригаду я был спокоен — сработались на предыдущей стройке. Но что больше всего меня поразило: и в других бригадах, сформированных в короткое время, никто не дрогнул. Я видел, как совсем молодые, если так можно выразиться, необстрелянные парнишки рядом с нами становились настоящими мужчинами, я видел, как пробуждалось в них чувство ответственности, как сознательно и, я бы сказал, грамотно брались они за любое дело!

И вот ведь интересно, у всех появилось второе дыхание: после труднейшего рабочего дня ребята брались за книги, сдавали экзамены в техникумы и институты, играли в самодеятельных оркестрах, выпускали стенгазеты и даже занимались спортом.

Я убежден, что лучшей школы жизни, чем у нас, и быть не может.

Г. В. ПАСЕЧНИК, штукатур:

— Если б вы знали, как я завидую Виктору Лакомову! Завидую первой палатке, первой срубленной сосне, первому дому, построенному в Звездном! Я, честно говоря, когда приехала в Ургал, была даже немного разочарована. Судите сами. Работала я в Лисичанске на строительстве большого нефтеперерабатывающего завода, стала коммунистом, депутатом райсовета и вдруг узнала о формировании первых отрядов для БАМа. Я — в райком. Мне — отказ! Наша стройка, мол, тоже немаловажная, и рабочие здесь нужны. Я — в горком. Опять отказ! Пишу в ЦК комсомола Украины, в ЦК ВЛКСМ. И снова отказ.

Совсем я тогда отчаялась. Но тут мне сообщили, что в Харькове формируется комсомольско-молодежный отряд и если в последний момент кто-нибудь раздумает ехать, у меня есть шанс. В тот же день я была в Харькове. Состояние такое, что готова была подойти к кому-нибудь из бойцов отряда и уговорить отказаться от

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ВКЛАДКИ:

Комсомолец Владимир Алехин занят на укладке стальных путей, что идут от Тынды к Чаре.

Так работают изыскатели...

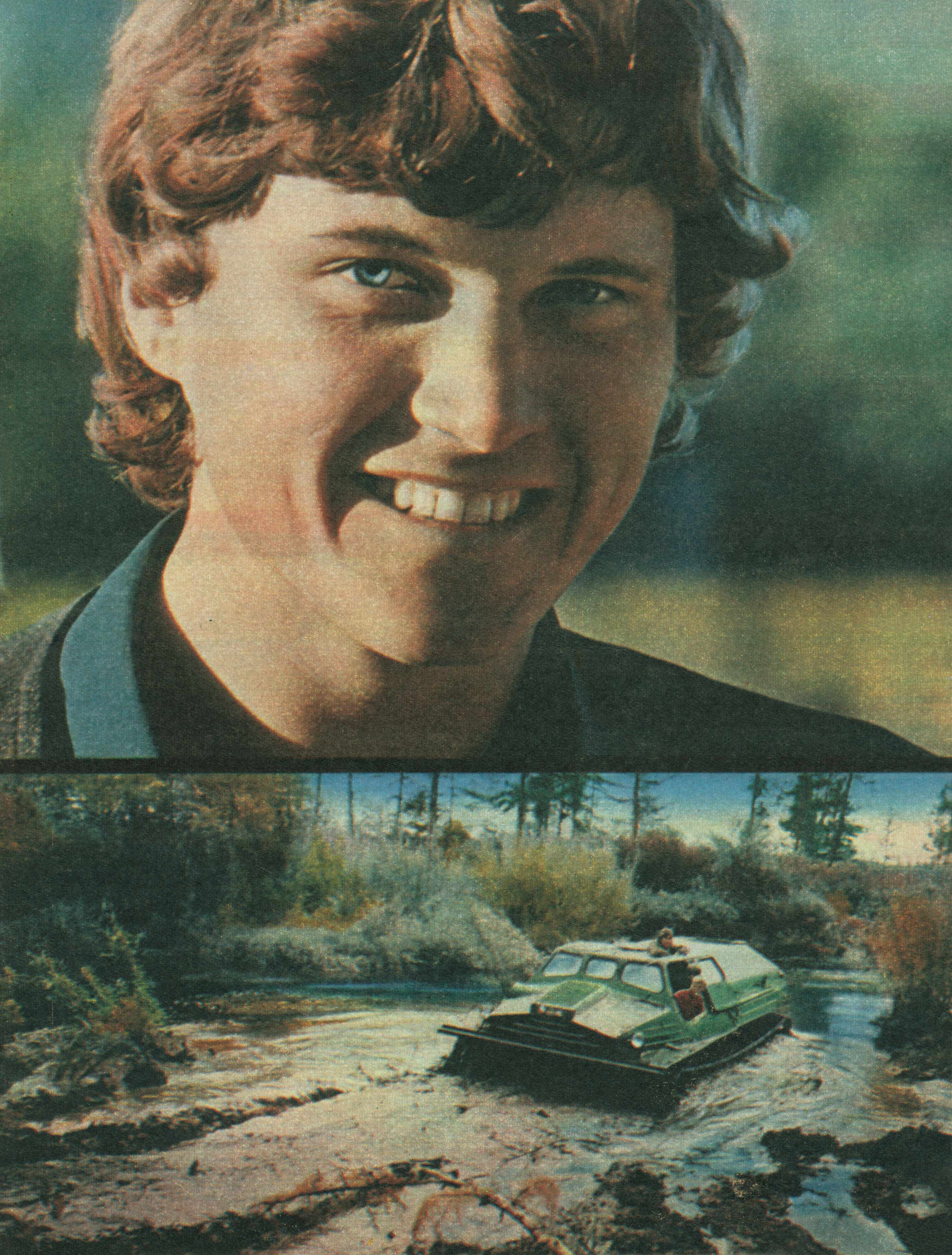
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Юрий Харламов из партии «Мосгипротранса». Первопроходец, топограф.

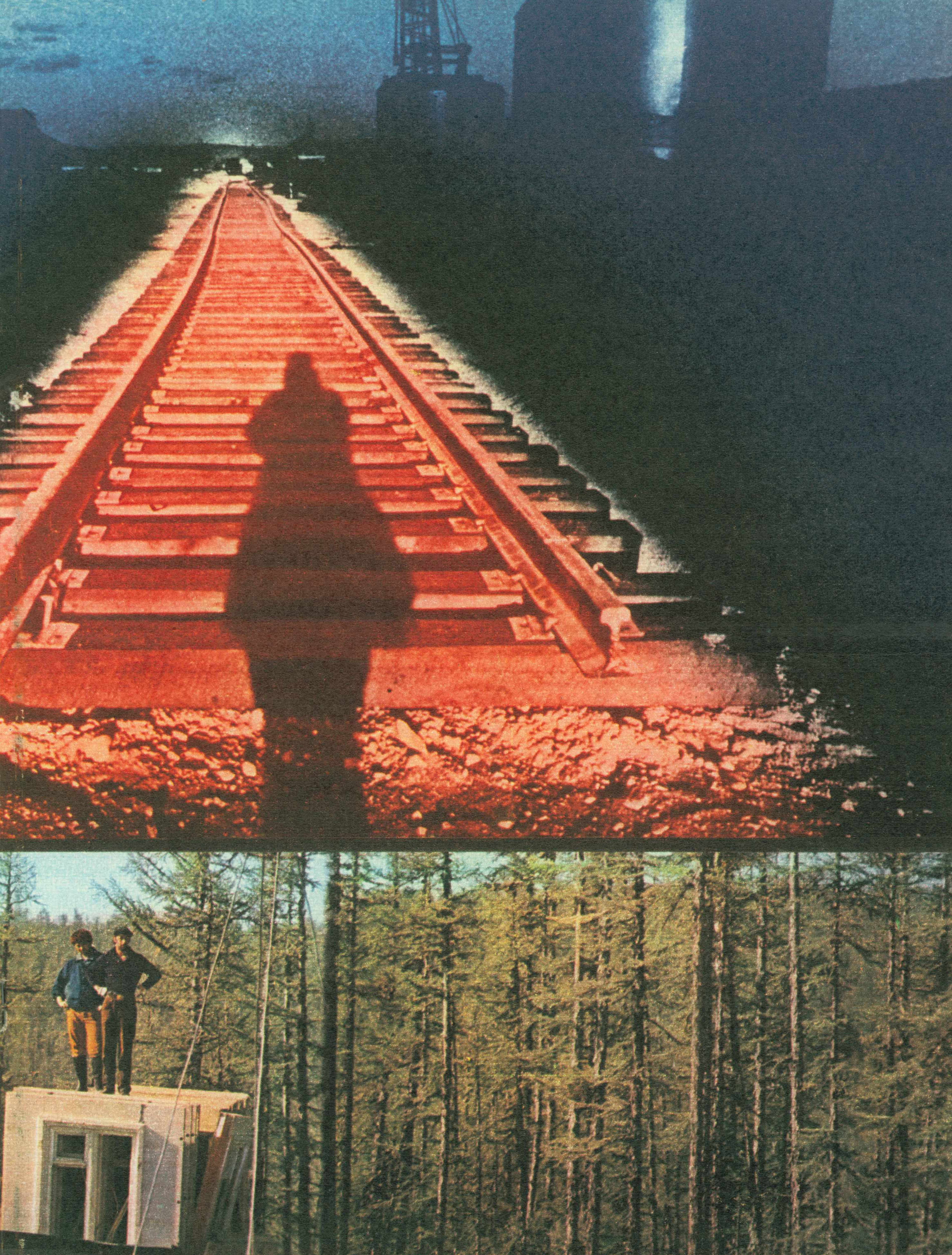
Новые километры трассы...

Они строят таежный поселок Золотинка.

Фото Г. КОПОСОВА.

БАМ
СТР
МАГИСТРАЛЬ
СССР-87559

поездки. К счастью, обстоятельства сложились так, что меня зачислили в отряд!

Девять суток шел наш поезд. Конечно же, мы готовились к разного рода трудностям: думали, что окажемся в глухой тайге, жить придется в палатках. А вместо этого увидели большой, благоустроенный поселок Ургал. Общежития со всеми удобствами и даже с горячей водой. Этого мы никак не ожидали! Но одно предсказание сбылось — в этих местах просто сказочная рыбалка: хариус берет чуть ли не на голый гвоздь. А для меня рыбалка — любимое развлечение.

И все же нам дали возможность доказать, на что мы способны: нужно было очень быстро построить здание почты. Работая от зари до зари, мы сдали его досрочно — ко дню выборов в Верховные Советы республик и местные Советы. Тогда же меня избрали депутатом Верхнебуреинского райсовета. Так что работы заметно прибавилось. Особенно по семейным делам. У нас что ни воскресенье, то свадьба! И приветствовать молодоженов надо, и поздравлять, и выделять отдельную комнату. С жильем у нас пока трудновато, но все же мы завели такую традицию: молодоженам — ключи от комнаты!

Много у меня работы и как у штукатура: новые дома растут, будто грибы. Начали строить и кирпичные. Вот-вот грянет зима, работать будет труднее, но мы сделаем все возможное и невозможное, чтобы не снижать темпы и сдавать как можно больше благоустроенных домов. Ведь буквально каждый день к нам приезжают новые строительные отряды, а скоро прибудут и монтеры пути — люди самой главной профессии на БАМе.

Н. Н. ЯГОСФАРОВ, монтер пути:

— Спасибо, Галя, что так лестно отзываешься о нашей профессии. К тому же в принципе ты абсолютно права. Ведь все, что ни делается на БАМе, подчинено одному: подготовить фронт работ для нас, монтеров пути.

Мне в этом отношении очень повезло: чуть ли не с первого дня пребывания на БАМе занимаюсь своим прямым делом — укладываю рельсы. Работа, прямо скажем, не из легких: летом — комарье и топи, зимой — мороз и пурга. И все же мы ни разу не нарушили графика. Больше того, самый первый участок великой магистрали — Бам — Тында — мы сдали на пять месяцев раньше срока. Бригаде Григория Гуреева, в которой я работаю, доверили укладывать серебряное звено. В тот день был большой митинг, нам, как победителям, повязали через плечо ленты и вручили переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ. Но особенно приятно то, что с этой победой всех нас поздравил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.

И еще одно большое событие было у меня в этом году: летом у нас побывал Герой Советского Союза, летчик-космонавт В. В. Лебедев. Бывший студент Московского авиационного института, он во главе строительного отряда этого же института работал у нас на трассе. Тогда-то и вручил он мне вот этот вымпел, побывавший в космосе. Теперь отступать некуда: весь БАМ знает, у кого этот уникальный вымпел, так что работать надо по-космически!

А. С. БАЙКОВ, заведующий клубом:

— Я понимаю гордость Коли Ягосфарова, когда он говорит, что его профессия — главная на БАМе. Зато моя самая дефицитная! Да-да, не удивляйтесь, клубных работников, да еще со специальным образованием,— раз-два — и обчелся!

Раньше я жил в Костромской области, был режиссером народного театра, а когда приехал в Звездный, пришлось взяться за создание агитбригад, эстрадного оркестра, хора, театрального коллектива. А клуб любителей поэзии, клуб бальных танцев, библиотека — все это тоже начинали с нуля.

В поселке четыре тысячи человек, а помещение клуба рассчитано человек на двести, сейчас, правда, строится новый. Если б вы видели, что у нас творится по вечерам: столовые, школы, красные уголки — все превращается в репетиционные залы. Порой мне кажется, что в самодеятельности участвуют буквально все — так много народу в разных кружках. И это очень здорово! Если парни и девчата после трудного рабочего дня жаждут общения с искусством, значит, их души распахнуты навстречу прекрасному, значит, каждый из них — личность и, что очень важно,— личность гармоническая.

А. Х. АЛИДЖАНОВ, начальник института «Сибгипротранс»:

— Для нас, изыскателей, стройка начинается задолго до того, как приезжают строители. Для меня, например, БАМ начался еще в 1967 году. Но не будь опыта прокладки всем известной трассы Абакан — Тайшет, едва ли мы смогли бы приступить к проектированию БАМа. И все равно нам пришлось столкнуться с такими трудностями, которые, как говорится, и не снились.

Известно, что на БАМе немало участков, проходящих по вечной мерзлоте и к тому же в зоне высокой сейсмики. Нигде в мире нет опыта строительства железных дорог в таких необычных условиях, поэтому учиться нам негде и разрабатывать всю технологию приходится самим. Взять хотя бы Северо-Муйский туннель. Его длина пятнадцать километров — таких пока нет ни на одном континенте. Много было дебатов вокруг возможности строительства этого туннеля, и все же мы доказали: надо строить, другого выхода просто нет! А это для изыскателей, так сказать, экзамен на аттестат зрелости: мы обязаны доказать, что из всех предложенных вариантов приемлем только один — наш.

Сейчас полным ходом идут подготовительные работы, в горы заброшены десанты туннельщиков, составленные в основном из метростроевцев Москвы, Ленинграда и Харькова. Они, пожалуй, находятся в наиболее трудных условиях по сравнению с другими строителями БАМа: полная оторванность от Большой земли, отсутствие надежного жилья, голые скалы, перебои со связью. Совсем недавно я побывал в таком лагере. Ребята, конечно, захандрили, но не от трудностей, а... из-за отсутствия настоящей работы. Мы уже завозим туда тяжелые буровые станки, другое оборудование, так что скоро начнем первую забойку.

И еще одну проблему приходится нам решать: как сберечь природу. На первый взгляд сама постановка этого вопроса несколько странновата: ведь вокруг нетронутая тайга, необозримые пространства. Но в том-то и дело, что в эти места вторгаться надо очень осторожно. Ведь стоит сорвать травяной покров с вечной мерзлоты, и она начнет оттаивать. Значит, нарушится ее монолитность, образуются новые реки, озера и так далее. А Байкал! Оба туннеля будут пробиты на северных берегах, следовательно, там развернутся грандиозные работы. Уже сейчас строятся порты, и доставка грузов идет по воде. Это, как вы понимаете, тоже рождает множество проблем.

Но мы постарались все учесть. Вторжение в природу минимально, и человек здесь будет рачительным хозяином.

Н. И. ПЕТЮШИН, бригадир комплексной строительной бригады:

— На БАМе я без малого два года. Приехал в Тынду строить новый город, но пришлось быть и педагогом. Что греха таить, встречаются на БАМе и лодыри, и прогульщики, и выпивохи. Так вот, в мою бригаду переводили всех проштрафившихся: воспитывай, мол, помогай ребятам стать настоящими бамовцами.

И что вы думаете — исправлялись парни! Теперь они основной костяк бригады. А работа у нас ответственная: делаем нулевые циклы, или, проще говоря, фундаменты под жилые дома, котельные, магазины, пекарни и школы. Жалоб пока нет. Во всяком случае, монтажники не маются без дела, ожидая, пока мы подготовим фундамент,— работа идет по четкому графику.

В этом году к нам приезжал известный строитель Герой Социалистического Труда Николай Анатольевич Злобин. Побывал он и в нашей бригаде, дал немало ценных советов, а потом пригласил к себе. Временно, конечно, — на стажировку. Так что в «Огонек» я приехал из Зеленограда. Больше месяца работаю в прославленном коллективе и диву даюсь: как все просто, разумно, по-хозяйски! А какая культура производства, дисциплина, взаимовыручка! Я как-то бросил на пол вагончика окурок. Никто ничего не сказал, но на меня так посмотрели, что я покраснел до ушей, схватил окурок и пулей вылетел на улицу. Пустяк?.. Нет, не пустяк! Это лишний раз говорит о том, что злобинцы чувствуют себя настоящими хозяевами стройки.

Через две-три недели я вернусь в Тынду и обязательно уговорю своих ребят перейти на бригадный подряд. По-моему, это очень выгодное дело — и рабочим и государству. Так что будем работать по-злобински! Я знаю, что ГлавБАМстрой, ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта, штаб ЦК ВЛКСМ на БАМе и «Огонек» объявили конкурс бригад, работающих по методу Н. А. Злобина — на подряде. Само собой разумеется, мы примем самое активное участие в этом конкурсе.

Р. Ф. ХАРИТОНОВ, председатель постройкома СМП-576:

— Профсоюзный работник я совсем молодой, а до этого долгое время был строителем. Поселок Могот, который считается одним из лучших на БАМе, я закладывал, строил, а теперь в нем живу. Так что говорить буду и как строитель и как профсоюзный работник.

Перед отъездом в Москву я обошел весь поселок, побывал на всех объектах и вот что записал: «Нет кабеля. Нет труб для газогенератора. Не хватает гаечных ключей и малярных кистей». Когда обратился с этими вопросами в министерство, мне показали документ, из которого ясно, что все это отправлено к нам в большом количестве. Так в чем же дело?.. Я докопался до истины: тысячи вагонов с грузами для БАМа стоят на перегонах, а горе-администраторы, вместо того чтобы дать эшелонам зеленую улицу, строчат докладные с объяснением причин задержки.

Волнует меня еще одна проблема: я бы назвал ее проблемой людей без специальности. А таких у нас немало. Расскажу о монтажно-строительном поезде «Московский комсомолец». Приехало к нам пятьсот отличных ребят. Был у них энтузиазм, порыв, желание испытать себя. Не было одного — строительных профессий. Разбили мы их на бригады, дали работу. А делать-то они ничего не могут. Дом срубить — нужны плотники, окна сделать — столяры, тепло дать — сантехники... Все это довольно сложные профессии. А у ребят ремесла-то в руках и не было. Многим пришлось овладевать специальностью на ходу.

В декабре мы отправились в Горький комплектовать новый поезд. На этот раз учли печальный опыт, и бригады формировали на месте, причем костяк — из рабочих строительных профессий. Результат не заставил себя ждать. Сейчас уже готов поселок на три тысячи человек, в котором восемь отличных общежитий, три магазина, два детских сада, школа и т. п. Тон задает бригада Владимира Новика, в которой когда-то работал и я. Это очень инициативный и умный бригадир. У него даже звенья составлены по принципу психологической совместимости. Все овладели двумя-тремя профессиями. И что очень важно, в бригаде Новика не бывает ни минуты простоя: не подвезли, скажем, пиломатериалы, ребята берут топоры — и в тайгу. Смотришь, появился брус, появились доски, и работа снова закипела. Глядя на них, подтягиваются и другие бригады, люди заражаются азартом, желанием победить. А без этого невозможно настоящее соревнование.

Как видите, проблем у нас немало, и решать их приходится в рабочем порядке. Но товарищ БАМ молод, энергичен, а это значит, что все трудности, стоящие перед ним, будут преодолены с честью.

Беседу за «круглым столом» записал Б. СОПЕЛЬНЯК.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ВКЛАДКИ:

Председатель поселкового Совета в Нагорном Надежда Андреевна Руденко и инженер треста «БАМстроймеханизация» Светлана Павловна Филатова.

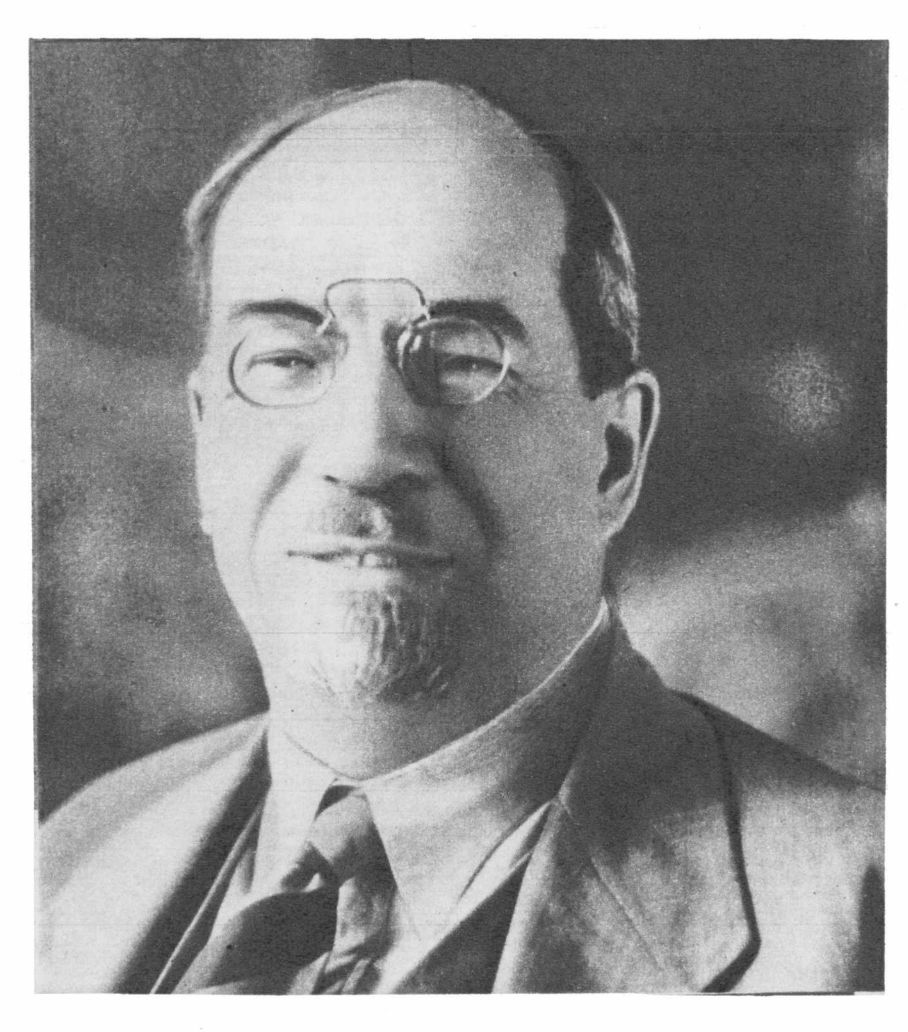
Без них тайга не тайга...

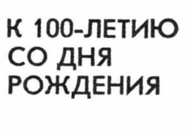
После летнего отдыха на Кавказе дети возвращаются домой, в Тынду.

На лоне природы.

Свежий номер газеты «Байкало-Амурская магистраль».

Любопытный бурундук — гость строителей.

Ник. КРУЖКОВ

Он всегда для меня живой, деятельный, кипучий, полный неизбывной энергии — много раз я слушал его выступления, всегда с жадностью набрасывался на его статьи, предисловия и послесловия, обязательно находя в них что-то важное, значительное, оставлявшее глубокий след в душе. Вижу его торопливо входящим в комнату президиума собрания или заседания с толстым портфелем в руках, который он немедленно отбрасывал в сторону, как только садился за стол и зорко оглядывал собравшихся сквозь толстые стекла своих очков. Он всегда торопился, но его торопливость не имела ничего общего с суетливостью, он владел искусством, как говорили древние, «медленно поспешать». В нем не было и тени вельможности, важности, снисходительности к аудитории. Он входил на трибуну и говорил, как старший товарищ, готовый щедрой рукой раздать свои знания людям, собравшимся его слушать. Из этого, впрочем, не следует, что он был благодушен к своим оппонентам, если они находились,— он был полемистом сокрушительной силы и умел одной фразой срезать под корень своего противника. И за словом в карман никогда не лез.

Впервые я услышал Анатолия Васильевича весной 1925 года на съезде рабселькоров Москвы и Московской губернии. Зал гудел от нетерпения и ожидания. Когда Луначарский появился, все мгновенно стихло. Я вытащил из кармана свой истрепанный блокнот и приготовился записывать.

Луначарский выждал, когда смолкнут приветственные аплодисменты, посмотрел на зал, как бы изучая его, и начал свою речь. Мы думали, что он расскажет нам о задачах рабселькоровского движения, но он пренебрег этой узкой темой: он говорил об овладении культурой, о расширении нашего кругозора, о Гете и Бальзаке, о Пушкине, Брюсове и Блоке, о Серафимовиче и Фурманове. Его выступление продолжалось часа два, и никто из сидевших в зале не кашлянул, не заерзал на стуле — тишина царила полная. Перед ним на кафедре не было ни бумажек, ни записок — речь его текла свободно, легко, без запинок.

Когда Луначарский, сопровождаемый шумной овацией, сошел с трибуны, я с ужасом обнаружил, что мой блокнот пуст: завороженный речью Анатолия Васильевича, я почти ничего не записал.

Выступления Анатолия Васильевича Луначарского всегда собирали огромное количество слушателей — как говорится, негде яблоку было упасть. Привлекало его красноречие, еще более привлекала его осведомленность во всех вопросах, о которых шла речь и которые могли возникнуть по ходу дела. А знал он решительно все! Это был истинный энциклопедист своего времени.

В правительстве Ленина он был полпредом партии в деле просвещения, культуры, литературы, искусства. Легко представить себе масштаб его деятельности, если вспомнить, что в ту пору Советская Россия представляла собой страну, в которой большая часть населения была неграмотна, где малочисленная интеллигенция еще колебалась, не зная, к какому берегу пристать, где шумела или только что закончилась ожесточенная гражданская война и еще оставались зияющими раны, причиненные голодом и разрухой. Трудное, тяжелое и вместе с тем героическое было время!

И люди, работавшие в то время и создававшие, строившие новую жизнь, кажутся нам теперь истинными гигантами! Одним из таких гигантов и был первый нарком просвещения, проповедник и глашатай новой, социалистической культуры Анатолий Васильевич Луначарский.

Он написал множество статей и произнес множество речей. Желающие найдут в них, возможно, недомолвки и неясности. Сам Анатолий Васильевич предостерегал от того, чтобы все написанное и произнесенное им рас-

«САМОЕ ВЫСШЕЕ МАСТЕРСТВО ЕСТЬ ПРОСТОТА»

В обширном литературном наследии А. В. Луначарского особое место занимают его письма к писателям.

Луначарский был критиком, стремившимся оказать активное воздействие на литературный процесс. Этой цели служили не только его выступления в печати или с ораторской трибуны. Он широко использовал также личные встречи и беседы с поэтами и писателями, особенно с писательской молодежью, охотно вступал с ними в переписку. Известны его содержательные, затрагивающие важные общественные и эстетические проблемы, умные и сердечные письма к Н. Асееву, А. Барковой, А. Глебову, В. Зазубрину, В. Маяковскому, Б. Пильняку...

Это была очень действенная форма помощи писателям. Луначарский умел направлять или предостерегать художника, указывать ему назревающие задачи, разъяснять великий социальный заказ эпохи. Он боролся за писателя, если тому угрожала опасность свернуть на ложные пути, обсуждал с ним вопросы идейного и художественного качества его произведений.

Свою роль помощника, учителя, наставника писателей критик выполнял с большим тактом и искусством, не становясь в позу ментора по отношению к писателю, не навязывая свою точку зрения как директивную.

В одной из статей последнего года жизни Луначарский писал: «Можно и нужно требовать от художника все большего. Можно и нужно направлять его на наиболее острые и ценные «злобы дня», но нужно также уметь ценить то, что он дает,— не потому, что «всякое даяние благо», а потому, что критика без готовности учиться, наслаждаться, обогащаться, критика сквозь черные очки мешает брать от жизни и искусства многие прекрасные плоды».

Все эти качества Луначарского-критика нашли свое воплощение и в предлагаемом вниманию читателей неопубликованном письме его к Борису Пастернаку. Письмо, копия которого сохранилась в Рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, является откликом на книгу поэта «Сестра моя жизнь», вышедшую в 1922 году и присланную Луначарскому. На титульном листе книги была сделана следующая дарственная надпись [1], свидетельствовавшая и о большой симпатии поэта к личности и воззрениям ленинского наркома и о наличии некоторых эстетических разногласий между ними:

[1] Этот экземпляр книги сохранился в собрании Ирины Анатольевны Луначарской. Пользуясь случаем, приношу ей благодарность за разрешение ознакомиться с надписью поэта на книге.

НАЧАРСКИЙ

сматривать в качестве непререкаемых истин. Он сам многое отсеял из того, что ранее утверждал. Многое отмел и поток диалектического развития жизни. Но в творческом наследии Луначарского можно найти множество прекрасных в своей правдивости свидетельств прошедшей эпохи.

В шестидесятых годах вышло восьмитомное собрание сочинений А. В. Луначарского. С почтением и любовью перелистываешь страницы этих книг.

К сожалению, очень важной книги Анатолий Васильевич не успел написать. Несколько раз Горький советовал ему взяться за обстоятельные мемуары, за описание своей жизни. «Вот была бы замечательная книга!— писал он в письме Луначарскому 8 сентября 1932 года.— И очень нужная книга для нашей молодежи, плохо знакомой с историей старых большевиков. Если б Вы взялись за эту работу!» Через месяц с небольшим он снова пишет Анатолию Васильевичу: «Вы прожили тяжелую, но яркую жизнь, сделали большую работу. Вы долгое время, почти всю жизнь, шли плечом в плечо с Лениным и наиболее крупными, яркими товарищами... Книга Ваша о Вашей жизни объективно нужна».

Луначарский соглашался с Горьким и готовился написать книгу о своей жизни, но смерть помешала осуществлению этого замысла. Какая невосполнимая потеря! Мемуарные отрывки остались после смерти Анатолия Васильевича, но они не могут, разумеется, претендовать на его полную биографию, столь поучительную и для молодежи и для всех, кто жил и работал вместе с ним — Большим Человеком, одним из гвардейцев Ленина.

Здесь, конечно, нужно помнить, что Ленин в свое время резко и беспощадно критиковал Луначарского за его прежние ошибки, вроде достопамятного богостроительства. Сам Луначарский много раз в своих выступлениях и статьях говорил об этом.

Ленин был нетерпим к своим товарищам по партии, допускавшим идейные промахи, но, критикуя Луначарского, он боролся не с ним, а за него. В воспоминаниях одного из видных работников Наркомпроса, историка В. Н. Шульгина, читаем: «В острейший момент борьбы с пролеткультовцами, когда Луначарский не осуществил директиву Ленина, я сказал Владимиру Ильичу, в виде упрека:

— А вы его еще любите.— И Ленин тотчас откликнулся, и отклик был такой неожиданный, что я тогда же записал его:

— И вам советую любить его. Он весь тянется к будущему. Поэтому так много в нем радости и смеха. И их он готов дарить всем...»

Творческая деятельность Анатолия Васильевича была огромна и растекалась по многим руслам. С первых дней революции он был народным комиссаром просвещения, но его наркомат занимался не только школьным делом — в его компетенцию входила обширная культурная жизнь страны: театры и кинематограф, литература и живопись. Если установить основную, генеральную линию во всем этом многообразии неотложнейших задач, то она определялась тем, что надо было по-хозяйски сохранить, сберечь старое классическое наследство, поставить его на службу победившему пролетариату и вместе с тем тщательно взращивать ростки нового, революционного, бурно вскипавшие на очищаемой от плевел отжившего строя ниве просвещения и культуры. Теперь все это кажется азбучно простым и понятным, но тогда вокруг этой важнейшей проблемы гремели споры, ломались копья, яростные клики раздавались со всех сторон.

Одни утверждали, что с приходом к власти большевиков погибла культура и никогда не воскреснет, а от новых ростков ничего путного ждать нельзя. Другие, державшиеся шумно и назойливо, объявляли себя истинными революционерами и требовали стереть с лица земли все старое без остатка, чтобы на милых их сердцу пустынных развалинах построить нову, особую пролетарскую культуру.

Много лет спустя после смерти Анатолия Васильевича появились и сделались ходячими утверждения, что он был мягок по отношению к левацким заскокам. Это в корне неверно. Один из видных деятелей Пролеткульта, Платон Керженцев, в 1920 году возмущался теми, кто «боится задеть локтем Чехова или потревожить тень Шекспира». Давая отповедь Керженцеву, Луначарский утверждал, что «приобретения тысячелетней культуры не есть пустячки, на которые поплевывает тот или другой «революционер» мансарды, а есть огромное человеческое достояние, к которому п р о л е т а р и й относится по-хозяйски».

Стараясь всеми силами привлечь на сторону революции тех представителей старой литературной, творческой интеллигенции, какие были полезны и нужны пролетариату, Луначарский радостно, восторженно встречал каждый росток нового, свежего, талантливого, что появлялось в молодой советской литературе.

В 1927 году он в журнале «Смена» писал, что из работ Лидии Сейфуллиной (он и «открыл» ее во время своей поездки в Сибирь) «можно выбрать не одну превосходную книжечку, которая своим крепким языком, бодрым настроением, меткой наблюдательностью всегда доставит здоровое, встряхивающее удовольствие любому читателю». Когда появились «Барсуки» Леонида Леонова, Луначарский, не колеблясь, назвал автора «крупнейшим писателем современной России». «Тихий Дон» очень молодого тогда Михаила Шолохова он признал настоящим шедевром, «напоминающим лучшие явления русской литературы всех времен», а ведь перед ним лежала тогда только первая книга романа! В фурмановских «Чапаеве» и «Мятеже» он увидел «художественное запечатление пластов и событий нашей революции» и указывал, что все в них «взято сквозь трепет мужественного, кристально чистого большевистского сердца». Восторг вызвал у Анатолия Васильевича «Железный поток» Серафимовича. «Здесь мы встречаем писателя,— говорил он,— которому оказался под силу коллективный герой. Здесь мы встречаем писателя, который с огромной простотой и правдивостью дает впечатление напряженного героизма». Луначарский тепло отзывался о творчестве И. Бабеля, хотя и попрекал его за излишнюю вычурность и цветистость. Поэму Маяковского «В. И. Ленин» Луначарский назвал «значительной и искренней», а познакомившись с поэмой «Хорошо!», сказал потрясенно: «Это — Октябрьская революция, отлитая в бронзу». «Разгром» Фадеева он решительно поставил на первое место среди произведений советской литературы, заслуживающих наибольшего внимания...

Государственный деятель и партийный пропагандист, публицист и литературный критик, редактор и переводчик, драматург и поэт — и все это в одном человеке.

Работоспособность его поражала всех. В конце двадцатых годов редакция журнала «Огонек» попросила Анатолия Васильевича дать в журнал заметку на тему «Как я отдыхаю». Луначарский немедленно откликнулся. «Строго говоря,— начал он,— я вовсе никогда не отдыхаю. Даже в праздничные дни у меня чрезвычайно редко выпадает что-нибудь похожее на то, что обыкновенно называется отдыхом, о будних же днях вовсе не приходится говорить».

Он дожил только до 58 лет, работая до последнего дня и часа. Возле его постели горой лежали книги, записки, газеты, он не мог с ними расстаться, они были для него нужнее хлеба и лекарств. В нем клокотала мысль, слагались творческие замыслы, не умирала надежда. Сильный духом, он не верил, что смерть уже топчется у дверей. Но она вошла.

Луначарский, «наредкость богато одаренная натура», как называл его Ленин, оставил после себя огромное творческое наследие. Это драгоценные залежи, которые без конца и края можно разрабатывать, обогащая мысль потомков знаниями, раздумьями, мечтами Большого Человека. Он кипел и пылал в современной ему эпохе, но глядел в будущее и сквозь магический кристалл видел, как прозорливый зодчий, черты грядущего. Оно манило его, и он в нем, в нашем настоящем,— он не умер и умереть не может.

«Анатолию Васильевичу Луначарскому
строю мыслей, обезоруживающих своею родственностью и правотой; широте, слишком всеобъемлющей, чтобы на нее всякий раз в частях не ополчаться; дружбе, предложенной и непринятой
от признательного и любящего, malgré tout[2], непризнанного и теперь уже не притязающего на признанье автора.
1/V 22
Москва»

Луначарский в своем письме признает чрезвычайную одаренность поэта, которого он в те годы метко определял как «первого подлинного... поэта-импрессиониста», но одновременно со всей прямотой указывает на чрезмерную затрудненность его поэтической формы, связывая ее с особенностями мировосприятия поэта, часто мешавшими видеть действительность не как хаос мелочей, а более цельно и укрупненно.

И позже Луначарский не раз писал о Пастернаке. Он радовался, когда проявлялась связь поэта с эпохой революции, он, подобно Горькому, приветствовал книгу «Девятьсот пятый год», но он и говорил с осуждением о «необычайной туманности» Пастернака, «иногда даже полной неясности его логики, грамматики, конструкции», отражающей раздробленность его сознания. Луначарский даже считал, что, оставаясь на этом пути, поэт оказывается «неподходящим к нашей эпохе».

Луначарский умел говорить писателю суровую правду, но эта суровость не исключала дружественности, в этой критике не было ничего оскорбительного и отталкивающего. Поэтому у него с Пастернаком сохранялись дружеские отношения, и поэт нередко бывал в гостеприимном доме Луначарского.

И когда впоследствии поэт стал пересматривать и переоценивать свой стиль, свой художественный метод, когда он заявлял: «Я радостно и без малейшего колебания отдаю себя силам, которые упрощают мою мысль и язык, углубляют мою судьбу и резко и быстро расширяют мои задачи»,— он шел в том направлении, о котором ему говорили в своих благожелательных советах люди, глубоко им уважаемые,— в частности Горький и Луначарский.

Н. ТРИФОНОВ,
доктор филологических наук

Тов. Пастернаку[3]

Дорогой Боря!

Вы позволите мне так назвать Вас. Очень тронуло меня Ваше посвящение, в котором есть какой-то отраженный Ваш миниатюрный портрет. Конечно, оно ни в одном слове не правильно. Неправильны Ваши гиперболы по отношению ко мне и неправильны Ваши опасения относительно отвергнутой дружбы и Вашего с моей стороны непризнания. Наоборот, я всегда признавал и сейчас, после внимательного прочтения Вашей книги, вновь признаю, что Вы, конечно, очень даровитый человек и настоящий поэт. Но что Вы хотите. Я никак не могу отказать себе не столько в удовольствии, сколько в долге говорить правду... Есть не только отдельные строчки, но и отдельные стихотворения, которые полны росы и аромата, совсем душистая ботва. Но есть такие, и их много, в которых цепляюсь

[2] Несмотря ни на что (ф р а н ц.).

[3] Публикуется впервые.

за какую-нибудь трудноватость. Не то что трудно понять головой, но трудно и чувствовать. Просто натыкаешься на слова, за которыми не рисуется образ. Нет объективного состояния понятия или эмоции, и часто в ужасе сознаешь, что это проистекает из стремления дать какую-нибудь эффектную рифму. Лично я полагаю, что это совсем не мастерство, а нечто абсолютно мастерству противоположное. Если хотите, я смогу Вам привести целый ряд доказательств этому.

В первой части Вашей книги это встречается, так сказать, от времени до времени. К концу, может быть, потому, что при чтении Ваших стихов внимание утомляется, такие недоразумения и трудности идут гуще. Некоторые из них я преодолел, так сказать, догадался, додумался, но неужели же мастерство поэта заключается в том, чтобы читатель потел над его стихами. Помните, когда-то Ницше говорил о своем любимом Вагнере, что и он чересчур труден, и ставил ему это в минус. Вы ужасно трудный поэт, и в этом заключается какое-то коренное противоречие между внутренней легкостью — не легкомыслием, а легкостью содержания Ваших стихов, импрессионистско-весенне-дождевого, мимолетного — и некоторыми сторонами формы, например, певучестью, а рядом с этим той тяжкой скорлупой, в которую в конце концов сплетаются слова благодаря их чрезмерной изысканности. Очень часто хочется сказать: изыскано, но не найдено.

За всем тем, в общем, от Вашей книжки у меня осталось прекрасное впечатление, радостное, как будто я прошелся под черемухами. Это, так сказать, вообще и в целом, но это не заслоняет от меня недостатков. Я уже говорил Вам как-то даже публично, что я не знаю, происходит ли это от Вашего излишнего стремления к изощренности, которое Вы принимаете за мастерство, между тем как самое высшее мастерство есть простота, или оттого, что у Вас такая душа, нечто вроде зеркального шара, представляющего собою многогранник, к подлинному шару приближающийся, отчего все образы, а по-моему, и все чувства изнутри никак не могут слиться во что-то целое, а дробятся по граням, сверкают от этого, но вместе с тем атомизируются, распыляются.

Сейчас, после внимательного чтения Вашей книги, прихожу к выводу, что есть и то и другое. Граненность толкает Вас на изощренность, а изощренность, так сказать, благословляет на граненность. А я бы все-таки очень желал, чтобы и то, и другое Вы преодолели бы, чтобы душа Ваша стала Парменидовским шаром[4] и чтобы в ней отразились целиком и небо, и земля, чтобы и внутренние переживания излучались из нее ровными, а не раздробленными и тремолирующими лучами.

Уже из Вашего посвящения я вижу, что Вы не сердитесь на меня, что я говорю правду, т. е. не объективную правду, конечно,— кто ее знает,— а то, что я на самом деле думаю и чувствую по поводу Ваших стихов. Кажется мне, что и сейчас эти мои строчки никакого раздражения в Вас не вызовут. Если же они мало-мальски будут способствовать продвижению Вас в указанном направлении, то это будет уже совсем счастливое обстоятельство. Крепко жму Вашу руку.

Кстати, относительно отвергнутой дружбы. Ей-богу, в высокой степени несправедливо. Я буду очень рад и горд Вашей дружбой.

[4] Древнегреческий философ Парменид утверждал, что бытие, являясь единым, целостным, неизменным, представляет подобие замкнутого шара.— Н. Т.

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Глава униатской церкви митрополит Андрей Шептицкий, в миру граф Роман, сидел возле окна на втором этаже своего дома, на вершине Святого Юра, и тяжело смотрел на город, расстилавшийся под ним, на купола церквей, не освещенные еще солнечными лучами, на черепичные крыши, которые казались тронутыми ранней октябрьской изморозью, и на строгие линии аллей, по которым он угадывал названия улиц.

Он сидел в тяжелой задумчивости — громадный старик с седой бородой, ниспадавшей на широкую грудь; глаза его, казалось, горели на лице, иссеченном резкими морщинами; огромные руки лежали на поручнях каталки, и нельзя было представить себе, что этот гигант давно уже не в силах опереться, встать во весь свой двухметровый рост, подойти к окну, прижаться выпуклым лбом к холоду стекла, ощутить запахи цветов, поднимавшиеся с клумбы, и легкие порывы рассветного, липового, горьковатого, с дымком ветра.

Он сидел в тяжкой задумчивости, и жизнь его медленно проходила перед глазами, и дивился митрополит тому, как сильна человеческая память и похожа на смертельно раненного, который мечтает о будущем, понимая в глубине души, что будущего-то быть не может и с прежним покончено, а настоящее уходит, становясь холодным, далеким и нереальным — жизнью, которая кончается...

Он спрашивал себя — в который раз уже и чем ближе к к р а ю, тем требовательней,— зачем в далеком, но столь ясно видимом ему году, в 1888-м, он снял щегольскую форму австрийского улана и облачился в тяжелую рясу василианского монаха. Что подвигло на этот шаг его, двадцатидвухлетнего магната, красавца, льва венских салонов и жуира?

Жажда деятельности просыпается в человеке рано, в детстве еще. Поначалу она неосознанна и суетлива. (Если взрослый человек повторит все движения трехлетнего ребенка, которые тот проделывает за день, он умрет, не выдержав мускульного напряжения.) Истинная деятельность, будь то физическая или умственная, начинается тогда лишь, когда человек осознает свою значимость и свое предопределение. Порой тот или та, на которых уповали школьные наставники, как на образчик воли и дисциплинированности, такого рода истинной деятельностью оказывались обойденными.

Граф Роман поначалу не видел иного пути в жизни, кроме как пути военной славы. Мечтатель, он свою юношескую мечтательность старался скрывать ото всех, но это не удавалось ему: окружающие особенно зорки, когда дело касается людей недюжинных.

И однажды молодой кирасир Карл Шлоссберг, на рассвете, после вечеринки, когда так же, как сейчас, солнца еще не было и в воздухе пахло горьким дымком, пьяно и дружески полуобняв громадноростого улана за осиную талию, сказал:

— Я преклоняюсь перед тобой, Роман, право, преклоняюсь. И щемящая жалость порой сердце давит: ты достойнее меня, умней, сильнее, но уж если кому и суждено стать фельдмаршалом, то мне, а не тебе, хоть я этого не заслужу, а ты заслужишь.

Мягко улыбнувшись другу, граф Роман спросил (лучше б и не спрашивал, как он потом казнил себя за этот вопрос, сколько их на свете, ненужных вопросов-то, ответов ведь меньше):

— Почему, Карл?

— Потому что я австриец. Ты богаче, умнее, но ты чужой. У тебя есть п о т о л о к, а надо мной — небо.

Граф Роман умел пить, и его не могли повалить ни бутылка, ни две. Он уснул спокойно, но кто-то словно бы толкнул его в литое плечо. Он открыл глаза, поднялся и понял, что спал всего несколько минут, оттого что солнца не было по-прежнему и ветер все еще был горьким, рассветным. И услышал он голос друга Карла, понял вдруг страшный смысл, сокрытый в его словах, и почувствовал свою жалкость, несмотря на громадный рост, силу в руках, налитую мощь торса. И отец, и дед, и прадед были признаны Веной — не больше. Им позволяли достигать потолка, а коли росли выше — хрустко ломались шейные позвонки, летела наземь голова: потолок оставался прежним, раз и навсегда отмеренным для сановитых инородцев, верой и правдой служивших австрийской короне.

В то горькое, самое горькое в его жизни утро он осознал вдруг, что как бы он ни х о т е л, что бы ни д е л а л, ему могут не п о з в о л и т ь потому лишь, что кровь его была неавстрийской.

Рабство противно человеческому духу. Никто ведь не мечтает стать оруженосцем маршала — каждый думает о своем жезле; на смерть идут во имя такой жизни, в которой нет потолка — есть небо. Препятствия созданы для того, чтобы их преодолевать, ограничения — для того, чтобы разрушать их. Но не мог же он, граф Роман, пойти на то, чтобы разрушать монархию. Это значило бы обратить силу против самого себя.

...Граф Роман вечером следующего дня уехал в Киев. Он путешествовал по Украине и России один, встречался с разными людьми в душных ресторанчиках и за рюмкой слезливой водки слушал, слушал, слушал. Великая империя трещала, царила усталость, люди искали веры, ждали точки опоры, ж а ж д а л и идеала. Путь к небу духовен: из России граф Роман уехал в Ватикан, и там после долгих бесед с людьми веры отрекся от мирского имени своего и стал Андреем, монахом ордена «василиан», того самого, который шел в Россию с унией, желая примирить православие с Ватиканом, а путь к примирению один — растворение «низшего» в «высшем». Не граф Роман, а уже «брат Андрей» сделал выбор: он получит свое небо. Путь к его небу отныне будет путем духа. Славяне станут его д е т ь м и, а он сделается их пастырем. Он введет дикое племя в лоно католичества. А если так — никто не посмеет преградить ему путь к небу, потому что личные интересы брата Андрея, став социальным интересом Венского двора, будут отныне учитываться монархами Европы, а не р е г л а м е н т и р о в а т ь с я ими; Вена не может не желать разрушения изнутри славянского колосса; отныне, следовательно, кровь Шептицкого, славянская кровь, его плоть, славянская плоть, должна сделаться вторичной, несущественной, ибо тело он отдал служению венскому духу.

София Шептицкая, сохранившая и в преклонные годы красоту и властность, узнав о решении сына, превратилась в старуху за счи-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—47.

танные часы: лицо ее с заплаканными глазами изменилось до неузнаваемости. Папа Лев XII прислал ей письмо: «решение Вашего сына угодно богу». И графиня, сделавшись маленькой, притихшей и напуганной матерью, а не сановитой матроной, смирилась, погасла и умерла вскорости: что ей еще оставалось-то?

За двенадцать лет брат Андрей прошел все ступени церковной иерархии: от монаха до магистра, от епископа до митрополита. Ему не было еще тридцати пяти лет, когда он был коронован униатским владыкой славянского мира. Отныне путь в небо был открыт, потолок разрушен, ибо митрополит — всегда над миром, и монархи приходят к папе и его пастырям за советом и помощью в своих суетных, мирских делах, а никак не наоборот.

Вначале граф Роман думал о себе. Став «митрополитом Андреем», он приказал себе забыть то изначальное, что подвигло его на отказ от мирских радостей. Он тщился убедить себя, что горьким утром, после страшной беседы с другом Карлом, он думал об одних лишь сирых славянах, которым венская, сиречь немецкоговорящая, вера откроет путь к добру и благости.

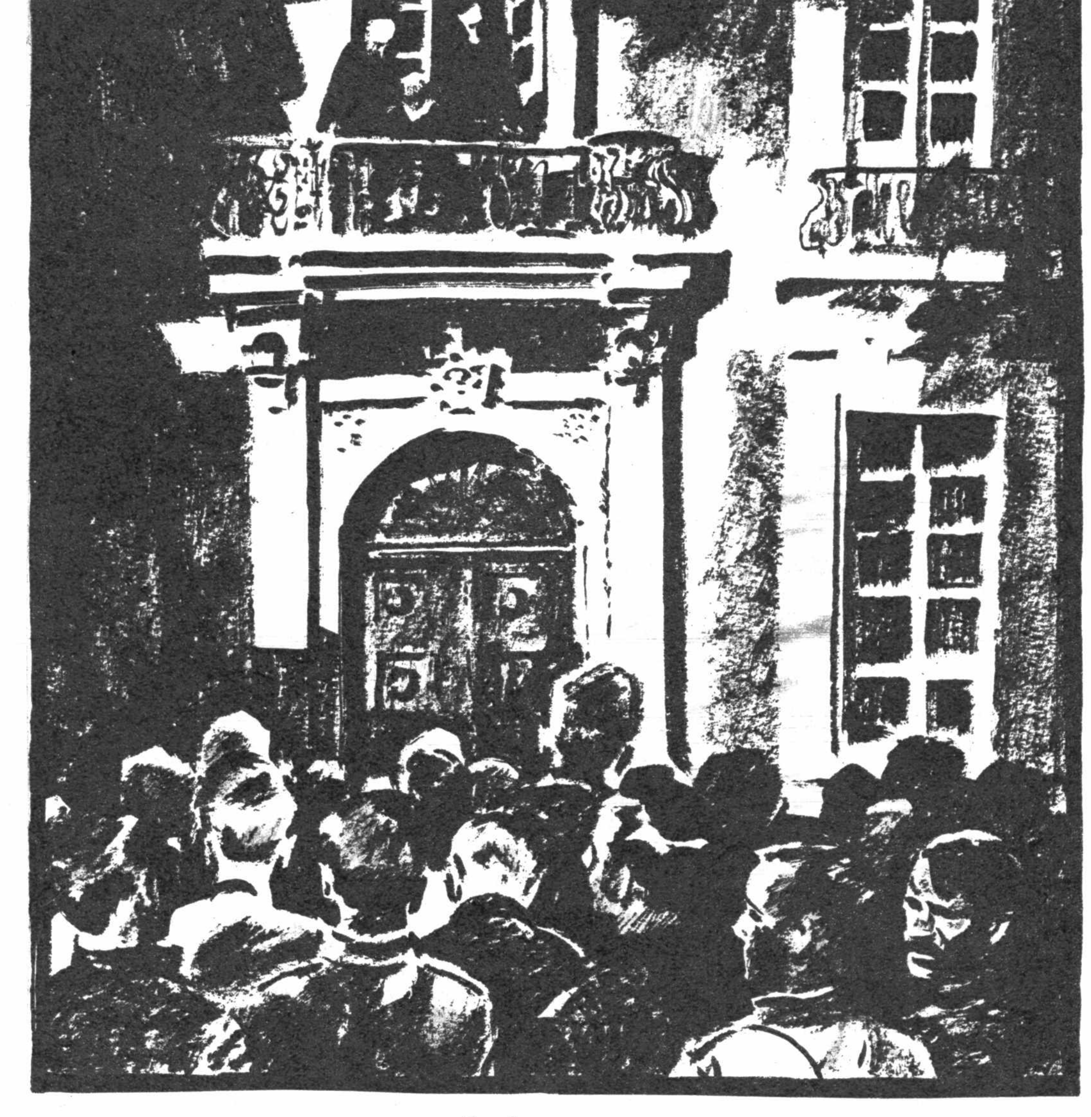
Шептицкий понимал, что отныне он властен над душами миллионов, но над своей душой — мятущейся, постоянно обуреваемой жаждой деяний — он был не властен, ибо человек не всегда может забыть. Он может приказывать себе, надеяться, молить, желать, уповать, но все равно желаемое забвение не снизойдет к нему: это трудней, чем изменить имя.

А политика, которая немыслима без веры, властно требовала от духовного пастыря определения земной позиции: «С кем ты?»

Когда заполыхала в мире первая мировая война, ему пришлось выбрать позицию, ибо человек не властен жить в обществе и быть свободным от него, даже если живет он идеей служения богу. И Шептицкий определил себя. Он обратился к украинцам со словом земным, ясным: «Поднимайтесь на борьбу за святую монархию Габсбургов, против Москвы, Парижа и Лондона!». В мире, разделенном, словно бы разрубленном кровоточаще, Шептицкий оказался на той половине, которая говорила и думала по-немецки — с венским ли акцентом, с прусским ли — это уже вторично. Паства Шептицкого, украинцы, включенные в австро-венгерскую монархию, была поднята им на борьбу против своих братьев на востоке. Назови призыв к борьбе крестовым походом за чистоту веры — казнят презрением потомки. Казнят, казнят, Шептицкий понимал это, потому что призыв к крови, даже продиктованный идеей «чистоты веры», отбрасывал церковь к временам инквизиции, тогда ведь тоже сжигали во имя чистоты. Тактика повседневности — политика, дипломатия, экономика — изуродовали его стратегию духа. Политика европейских государств затягивала его, словно в воронку, подводя к главному решению. Эта страшная воронка не позволяет остаться возле, она требует стремительности, движения. Сказав «а», нельзя не произнести «б». Шептицкий знал: последовательность, если она воистину последовательна, позволит в будущем объяснить линию, важно только сейчас, начав, свято линии держаться. И он начал работу против России не только как пастырь духовный, но и как человек, знавший структуру армии: русская контрразведка уличила его в чисто шпионской деятельности. Митрополит был увезен в Киев. А когда после победы Февральской революции Шептицкий смог выехать в Вену и король Карл наградил его «Крестом ордена Леопольда с воинской декорацией» за «страдания в русской неволе», Австро-Венгрия устилала цветами славы путь, по которому медленно двигался «святейший кортеж», и сделано это было по приказу императора, признавшего за Шептицким право на небо, ибо тот, в свою очередь, подтвердил Карлу его право на Украину. Шептицкий тогда страдал стыдливо, потому что он-то знал, какая это была «русская неволя» — апартаменты в киевском «Континентале», личный салон-вагон, покои в Суздальском монастыре, люкс петроградской «Астории»,— но он уговорил себя посчитать это «страдание нечестностью» угодным всевышнему, потому что не он становился кумиром, не граф Роман, не митрополит Андрей, но немецкоговорящий дух Вены. Так говорил он себе, понимая, что и это неправда, что и это уговаривание самого себя. И тогда-то возник в нем страшный вопрос: «А во имя чего?» Вопрос этот приходит к человеку состоявшемуся, и ответ на него может оказаться поворотным пунктом в дальнейшей его судьбе. У Шептицкого так не вышло: он возвращался во Львов вместе с эрцгерцогом Вильгельмом Габсбургом, который на людях прикладывался к его руке и был почтителен до сладости, но граф-то знал, что именно этот человек должен стать «Василём Вышиванным» — новым «украинским гетманом», и тогда-то Шептицкий снова — до ужаса близко — ощутил свою малость и свой потолок, и не увидел уж он неба и услыхал страшные в себе слова: «В услужении всю жизнь, будто в прихожей».

Ему пришлось потом поддерживать кайзера и подвергать анафеме его; звать к битве против поляков и ездить в Варшаву для сановных бесед со своим врагом Пилсудским; приходилось ему поддерживать Петлюру, а затем лишать своей поддержки; давать благословение Скоропадскому и лишать его дружбы своей и милости, любезно объясняться с Пуанкаре, против которого он поднимал украинцев; встречаться с Гувером, миллионы которого были обращены против австрийского императора Карла и его берлинского брата Вильгельма; многое пришлось ему принять, одного лишь Шептицкий принять не мог и не желал: того, что было восточнее Львова и что казалось ему самым страшным, сатанинским злом на земле.

И вот сейчас он смотрит, как солнце начинает золотить купола костелов и церквей и как листва на платанах делается прозрачной, желто-зеленой, и слышит он выстрелы и треск мотоциклетных моторов, и знает, что сейчас сюда придут немцы, и ему, старцу, в который раз уже надо определить позицию и снова стать против тех, кто Гитлера считает антихристом, а таких — весь цивилизованный мир, а он ничего, отныне и вечно, не сможет противопоставить немцам и возразить он не сможет им, потому что, избравши раз линию, надо ей следовать, и будь проклята эта линия, эта страшная жизнь, которая требует от каждого состоявшегося открытой определенности.

Роман Шухевич слез с заднего сиденья мотоцикла, чувствуя разбитость в теле и душевную робость. Оберлендер вылезал из коляски по-немецки обстоятельно, и не было в нем высокого волнения. Следом за первым мотоциклом во двор Святоюрской церкви влетели еще мотоциклы, и на втором сидел капеллан «Нахтигаля» отец Гриньох в серой военной немецкой форме; он взбежал на крыльцо, и его узнали служки и склонились к его пыльным, в бензиновых потеках рукам, и он не успел даже толком спросить, где отец Андрей, как его подхватили, повели в покои, и невдомек было маленьким служкам, что отец Андрей сейчас сидит в тяжком раздумье. И сердце его сжато тисками странной боли, своей, мирской, человеческой боли, которую нельзя показывать никому, особенно малым мира сего.

И когда к нему ввели Шухевича, Гриньоха и Оберлендера, и он улыбнулся им, и они подошли к руке, и ощутили горький запах ладана, и Шухевич заплакал, и не скрывал своих слез,— Шептицкий положил руку на его пыльную, жесткую голову и закрыл глаза, потому что в них была сейчас жалость к себе: после императоров, кардиналов, министров, он снизошел до этих пыльных, маленьких людей, которые отныне смеют входить к нему в покои на рассвете, поднимать его вместе с креслом, выносить на балкон и показывать его толпе солдат в немецкой форме, которые заполнили всю площадь перед домом, и как же кричат они, и как сияют их хмельные глаза, как много их, и какая сила за ними, и как земны они, склоняющиеся перед ним коленопреклоненно...

Что-то давнее, забытое заклокотало в груди Шептицкого, он вдруг вновь поверил в свое изначалие, в то, что может вернуться прежнее, когда он был чист, опираясь на свою силу; что-то горячее застило глаза его, и он ощутил свою силу в силе этих солдат чужой армии, и

он простер руки и послал благословение, и слезы были в глазах легионеров, и слезы были в его глазах, и тишина была, и грянул колокол, и пронесся вздох — освобожденный вздох свершенья, и затрещали мотоциклетные моторы, и легионеры, вбросив свои жилистые тела в седла, понеслись по утреннему городу, по пустым и затаенным улицам — вершить свою правду и суд, утверждать новую власть... Ведь они получили благословение, они теперь могут теперь, ибо бремя с их плеч снято высшим, тем, которого у самого Шептицкого никогда не было.

* * *

Бандера приехал во Львов вечером того же дня — в парике, под чужой фамилией, никак не контактируя с Романом Шухевичем и Оберлендером. Поселился он на конспиративной квартире, в доме напротив Политехнического института: он знал здесь все проходные дворы, похожие на гулкие колодцы, разница в том, что вместо пахучих, желтых бревен — тяжелый камень. Но схожесть с сельским, милым сердцу Бандеры колодцем оставалась, и только потом уже «вождь» понял, отчего это было: балкончики, увитые плющом и горошком, возвращали его к отчему дому в деревне.

Возле двери, в маленькой, темной прихожей замерли трое телохранителей из оуновской «СБ» — «службы безопасности». Бандера и Ярослав Стецко сидели в прокуренной комнате, окна которой выходили в тихий дворик, и молчали — один листал книгу, не понимая, что в ней написано, другой завороженно смотрел на громоздкий телефонный аппарат. Время тянулось медленно. Сейчас решалось главное. Бандера понимал ясно: кто завоюет Святоюрскую гору, тот завоюет власть. Он понимал, что Шептицкий, духовный пастырь Мельника, его давний покровитель, должен принять решение сложное и бескомпромиссное: или он поддерживает борцов Бандеры, или он лишает их поддержки. То, что он благословил сотню легионеров,— лишь первый шаг; сейчас он должен благословить одного Бандеру, именно Бандеру, а никак не Мельника, сидящего в далеком краковском тылу.

Бандера знал, что руководитель мельниковской контрразведки Сеник-Грибовский прибыл во Львов так же нелегально, как и он, Бандера. Он был убежден, что Сеник-Грибовский думает о том лишь, чтобы уничтожить его, вождя ОУН-Б, прошить грудь автоматной очередью, взорвать, подложив в номер гостиницы маленький «подарочек», шибануть автомобиль на ярой скорости в обрыв — мало ли как можно «ликвиднуть» неугодного политика! Сеник-Грибовский знал методы и умел их разгадывать. После убийства Коновальца он сказал крылатую фразу: «Если вам кто-нибудь даст ценный подарок, даже от его преосвященства митрополита нашего, возьмите его и сразу же закопайте где-нибудь в далеком и тихом месте, и бегите, не оглядываясь, памятуя, что вы закопали свою гибель». (Не он ли, сволочь, подарочек и всучил Коновальцу?)

...Зная методы, Сеник-Грибовский не только умел их разгадывать, охраняя вождя Мельника; он мог применить их против Бандеры. Но пусть он рискнет применить свои методы, если Шептицкий благословит его, Бандеру, пусть! Бандера мыслил сейчас четко и цепко. Мельник в свое время говорил о нем Шептицкому: «Это кровавый садист, для которого нет ничего святого, он готов на все». Да, он сейчас готов на все. Но главное, он готов к тому, чтобы выжить, а выжив, победить.

Рассуждая сейчас в прокуренной, тихой комнате, Бандера шел по туго натянутому канату логики. Но одно положение, в определенной мере отправное, осталось за бортом его размышлений. Он никак не исследовал вопрос, казалось бы, маловажный: кто и почему сообщил Шухевичу о готовящемся на него покушении? Кто и почему, таким образом, подталкивал его к активным встречным действиям? Кто знал его так точно, что заранее разыгрывал комбинацию: угроза гибели — активные действия напролом?

...Телефон зазвонил сухо и резко, и оба — Бандера и Стецко — вздрогнули, хотя каждую минуту звонка этого ждали. Стецко потянулся к трубке, но Бандера глазами остановил его. Только после четвертого звонка Стецко поднял трубку и ленивым голосом пропел:

— Алло...

— Павлик!— услышал он страшный женский крик.— Павлик, тут Коленьку во дворе бандеры расстреливают, Павлик!

Бандера тоже услыхал голос, звонили, видимо, из дома, что был совсем неподалеку.

— Положи трубку,— тихо сказал он, но Стецко слушал женский крик завороженно, и глаза его широко расширялись ужасом.

Бандера протянул руку, нажал на рычаг, запищали тревожные, быстрые гудки отбоя.

— Нашли?— глухим шепотом спросил Стецко.— Это Сеник...

— Зачем ему играться?— также шепотом ответил Бандера.— Если б он нас засек, ему не играться, а действовать надо...

— Зря ты запретил оставить у входа в дом мотоциклистов...

— Вот тогда-то нас бы нашли обязательно. Ты старайся действия врага положить на свои, Ярослав. Если ладонь ладонью вся закрывается,— тогда надо бояться. Враг, как брат, он тоже умный. Разве ты б так поступил?— Он кивнул на телефонный аппарат.

Стецко хрустнул тонкими пальцами, поднялся, подошел к большому зеркалу в оправе, крашенной под старинное серебро, и потер свое лицо, тщательно подгоняемое им под лик Гитлера — даже усики стриг так же, как фюрер.

— Волнуешься,— заметил Бандера,— вегетатика не в порядке, синие полосы выступают, словно пощечину получил... Образуется все — хорошим врачам покажись.

— Меня здесь Зильберман лечил.

— Больше не полечит.

— Хороших-то надо бы сберечь.

— Правило нарушать нельзя. Правило только тогда правило, когда нет исключений.

— По-твоему, у немцев ни одного жидовского врача не осталось?

— Не-е. У них свои есть. Здоровье не тарелка, всякому не доверишь. Ты к Зильберману своему с коликами в сердце, а он тебе клизму от язвы: помрешь в одночасье. Зильбермана я тоже помню, он со студентов денег не брал.— Бандера покачал головой, усмехнулся.— Сложная, Ярослав, эта штука — жизнь. Все она, брат, примет, только мягкость — никогда. Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Ты думаешь, мне этого самого Зильбермана не жалко? Но если я дрогну, потомки не простят, сплошал, скажут, Бандера, слабак он, а не вождь. Всех до одного, всех...

Охранник осторожно просунул в комнату голову, шепнул:

— Стучат. Открывать?

— Нашим стуком?

— А я растерялся, не понял.

Бандера на цыпочках, по-звериному устремившись вперед, словно перед броском, вышел в переднюю и припал ухом к двери, мягко упершись в нее рысьими подушечками бесшумных пальцев, готовый в любую минуту отпрянуть, привалиться спиной к стене — тут пуля не прошибет, если станут палить с площадки.

Стук повторился — знакомый, тюремный «тук-тук — здравствуй, друг».

Бандера отлип от двери, достал из заднего кармана широких брюк «вальтер», кивнул охраннику: мол, открывай.

На пороге стоял Роман Шухевич. Лицо его, по-прежнему пыльное, было веселым.

— Ждет,— сказал он.— Едем.

* * *

Шептицкий внимательно оглядел Шухевича, потом мельком — Стецко, предложил им садиться усталым и рассеянным жестом.

Он увидел все, что хотел увидеть: и то, как Стецко пытался скрыть мелкую дрожь пальцев, и то, как Шухевич выжидающе смотрел на «помощника вождя», пока тот сядет, и только после того, как Стецко осторожно опустился в большое кресло, позволил себе последовать его примеру; и то, как отец Гриньох говорящими глазами смотрел то на Стецко, то на него, Шептицкого.

Митрополит подавил вздох: после папы, кайзера, французского президента, Гувера, Пилсудского ему предстоит сейчас иметь дело с бандюками, лишенными главного, что отличает истинного политика,— породы.

— Ваше преосвященство,— откашлявшись так, как кашляют мелкие чиновники, попавшие в канцелярию министра, начал Стецко.— Спасибо вам низкое за то, что вы согласились принять нас. Мы пришли к вам, как к отцу нашему, как к украинскому Моисею, за благословением на тот шаг, которого нация ждала многие века. Благословите на власть.

Шептицкий не торопился отвечать. Он знал, что мирские люди считают их, служителей духа, людьми схимы, людьми своей лишь божеской идеи, и кажется им, мирянам, что духовники лишены их быстрых и ловких качеств — все сразу заметить, понять, обдумать, принять решение.

Пусть их, пусть считают, это даже выгодно, когда тебя принимают не таким, каков ты есть на самом деле. Шептицкий молчал, и все молчали, и это молчание становилось тяжелым, и Стецко чуть кашлянул, прикрыв рот крепкой, квадратной ладонью.

— А почему не Бандера премьер-министр?— спросил Шептицкий. Он спросил Стецко не для того, чтобы выслушать его доводы, но для того лишь, чтобы понять, как он эти свои доводы изложит.

Стецко дрогнул лицом; быстрые пальцы, сцепившись, замерли на острых коленях.

— Бандера не хочет, чтобы его личность мешала консолидации,— ответил он.— Бандера оставляет открытыми двери для переговоров со всеми национальными силами. Для него не личный престиж дорог, а счастье украинской нации, освобожденной великим фюрером.

«Есть порода, нет породы — все одним миром мазаны,— с глубокой горечью и состраданием к себе подумал Шептицкий,— я ведь так же говаривал, когда был моложе, точно так же, только не откашливался и рот не прикрывал ладошкой».

— Вы готовы,— сказал наконец Шептицкий,— сесть за стол переговоров с друзьями Мельника?

— Да. Если они захотят говорить, а не стрелять в нас из-за угла.

— Свои в своих?

— Свои в своих,— повторил Стецко жестко, потому что сейчас только по-настоящему ощутил себя, свое тело, неловко устроенное в мягком, низком кресле, свои сцепленные пальцы, свой затаенный страх перед старцем, и даже цепляющийся за колени шелк подкладки своих широких брюк ощутил он сейчас. Это произошло в нем потому, что он до явственного близко увидел себя выходящим из митрополитового дома по каменным ступенькам, и парня, который отделится от стены храма с зажатым у живота автоматом, и боль он ощутил явственно, словно пули уже изорвали его тело, большие, острые, холодные пули, пущенные человеком Сеника-Грибовского.

— Нервы расходились,— сказал Шептицкий,— это бывает после перенапряжения.

Он ждал, как ответит ему Стецко. Тот мог открыть карты, назвать имена, привести доказательства, и этим бы он погубил себя.

— Нам жизнь не дорога,— ответил Стецко, поняв чутьем, какого ответа ждет старец.

— И со Скоропадским готовы сесть за стол переговоров?— спросил Шептицкий.

— Нас об этом и спрашивать не надо.

— Значит, готовы,— сказал Шептицкий и откинулся на спинку кресла.— В добрый час. Благословляю вас на добро, идите с миром. Провозглашайте государство, я с вами...

И в это время вошел профессор Ганс Кох с Альфредом Бизанцем — руководители Оберлендера, присланные Канарисом смотреть, не вмешиваясь.

Шухевич, Гриньох и Стецко поднялись, словно солдаты при появлении офицера, и это ударило Шептицкого, но еще больше ударило его то, как Ганс Кох небрежно протянул ему руку, не дожидаясь того момента, когда он, пастырь, осенит его, мирянина, крестным знамением, и это вдруг сроднило Шептицкого со Стецко, и он подумал, что с самого начала ему надо было ставить на таких именно, а не разбивать самому потолки, чтобы достичь неба: эти разбили б, они ведь по-холопски благодарны тому, кто снизойдет, а еще больше тем, кто поднимет.

Когда-то, в прошлые годы, Ганс Кох входил в кабинет митрополита неслышно, и к руке прикладывался, и словам внимал, но тог-

да Шептицкий был чужим, тогда он владел умами украинских католиков в Польше, а теперь все изменилось и его, митрополита, католики-украинцы надели мундиры армии Коха — он теперь здесь хозяин, он, а не венский император Карл, и не маршал Пилсудский, и не кайзер Вильгельм, а просто-напросто майор армейской разведки, маленький винтик в страшной машине рейха.

— Я буду молиться за вас, дети мои,— дрогнувшим голосом, не для бандеровцев и не для Коха даже, а для себя, для своего раздавленного самолюбия сказал Шептицкий.— Докажите миру, как могуча и сильна держава Украинская. Господь вам в помощь...

Провожая взглядом уходивших Стецко и Гриньоха, митрополит знал, что грядет, боялся этого момента и в то же время ждал его: человек всегда хочет определенности, любой, но только определенности, ибо, опершись на нее, можно будет эту маленькую унизительную определенность вновь подчинить себе и своей линии — на нее лишь надежда.

Шептицкий не ошибся. Когда дверь за бандеровцами закрылась, Ганс Кох достал из портфеля бумаги, протянул их митрополиту, сказав: — Это надо подписать, ваше преосвященство, здесь ваши первые обращения к народу. По-моему, ваш стиль соблюден совершенно точно. Впрочем, какие-то коррективы мы готовы внести.

Шептицкий взял листок плотной бумаги, очки надевать не стал, зрение его сохранилось, особенно если смотреть вдаль; уперся жестким взглядом в строчки: «Слово митрополита к духовенству. По воле всемогущего и всемилостивейшего Бога начинается новая эпоха нашей Родины. Победоносную немецкую армию, которая заняла уже весь край, встречаем с радостью и благодарностью за освобожденье от врага. В эту важную историческую минуту я призываю вас, отцы и братья, к верности Церкви, послушанию Власти и к работе во благо Родины. Каждый, кто считает себя украинцем и хочет трудиться во благо Украины, должен забыть про межпартийные раздоры и работать сообща на ниве возрождения нашей экономической, научной и культурной жизни, столь униженной большевиками. Чтобы испросить у Всевышнего любви, каждый Пастырь должен провести в ближайшее Воскресенье благодарственный молебен «Тебя, Бога, хвалим!», испрашивая многолетия победоносной немецкой армии...».

Шептицкий медленно опустил листок на колени, ощутив всю его литую тяжесть. Закрыв глаза, он какое-то мгновение чувствовал в себе гулкую, предсмертную пустоту. Потом лишь, через несколько долгих мгновений, старец услышал какие-то быстрые слова и понял, что это мысли мечутся в нем, оборванные, не собранные воедино, стремительные, жалостливые, растерянные. Шептицкий, не открывая глаз, напрягся, заставив тело свое стать хоть на миг прежним, подвластным его воле. Он развел плечи и почувствовал хрусткость хрящей где-то под лопатками и то, что тело его подчинилось воле, сделало Шептицкого прежним, давним: он снова мог решать, он был властен над собой.

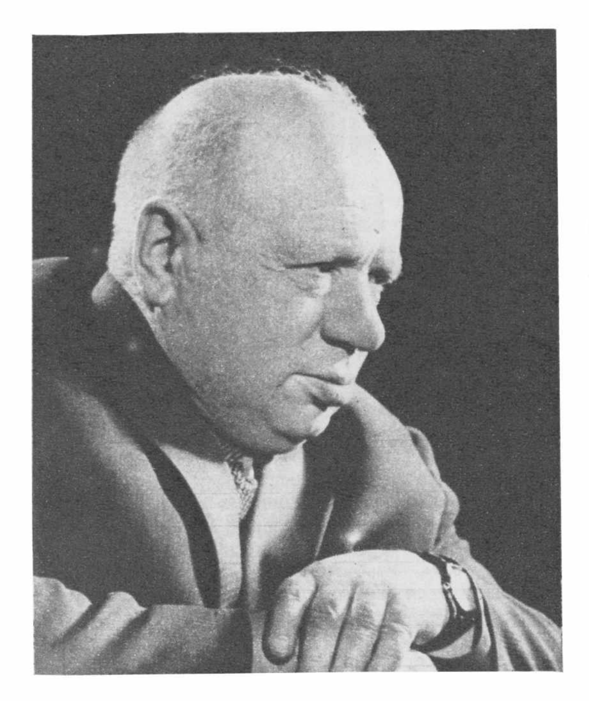
Он мог бы порвать этот листок, составленный за него немцами, и отказаться от призыва возносить молебны в честь чужой армии, которая пришла на украинскую землю. Он понимал, что отказ его был бы — в нынешней ситуации — угоден тем силам в Ватикане, которые считали Гитлера врагом святой церкви. Но он отдавал себе отчет в том, что та линия, которой он следовал долгие годы, почти полвека, стала силой материальной, самодовлеющей; она подчинила его себе и растворила, словно реактив, превращающий в ничто кусок металла. Это осознание своей несвободы, своей принадлежности чужой идее, своей невластности в поступках было сейчас видно Шептицкому как бы со стороны, и вдруг огромная, детская жалость к себе родилась в нем, и на глазах его выступили слезы, и услышал он слово, сказанное голосом тихим и скорбным: «Поздно».

— Допишите что-нибудь про украинскую нацию, соборность и самостийность,— прошептал митрополит.— Я подпишу. Идите с миром, мне надо побыть одному.

Продолжение следует.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПРОКОФЬЕВА

ПОЭТ ЧУДЕСНОГО ДАРА

Николай ТИХОНОВ

Поэту чудесного дара, подлинному народному таланту, мастеру песенного слова Александру Андреевичу Прокофьеву исполнилось бы сейчас семьдесят пять лет.

Долгие годы он пестовал песню, и она стала истинно народной, так полюбилась людям, что живет среди них без имени создавшего ее.

В то же время вихрь революции наполнял его создания революционной энергией, его стихи и поэмы шли дорогой Октября. Он был полон великой веры в построение коммунизма. Над борьбой, над замощенной железом землей, над веком, так талантливо запечатленными Прокофьевым, с особой силой звучало имя вождя революции — бессмертного Ленина:

Все было в нем: поля, и семьи,
И наш исход из вечной тьмы,—
Так дуб не держится за землю,
Как за него держались мы!

Мы всегда чувствовали в глубоком, искреннем духе этой поэзии и боевое товарищество, и героизм партизан и красноармейцев, и присягу родной земле, твердую веру в партию.

А лирика — лирика Прокофьева — была столь задушевной, столь пронзительной и нежной... Его книги написаны языком ярким и острым, гневным и ласковым, веселым и печальным. Лирические строки в них переливаются необыкновенной словесной радугой.

Откуда же пришел этот певец, откуда появился такой опьяняющий, радостный, свободный голос? Много позже он скажет:

Кто с Волги, кто с Камы,
Кто с Дона,
Раздольны России края.
А я говорю из Кобоны,
А где, брат, Кобона твоя?

А где, отвечаю,— в России.
Шумят заповедно леса.
Из блеклой нечаянной сини
Спокойны ее небеса.

В богатом поэтическом мире Александра Прокофьева мы увидели и озерные дали, и высокие леса, и берега, над которыми шумит ветер-шелонник, и луга с болиголовом и мятой. Над всем этим стоял молодой, дерзкий поэт, и с ним вошли в его стихи парни с Ладоги, с Ояти, парни-кряжи, матросы, красноармейцы, творившие героические дела во славу революции.

Выдающийся лирик, он говорил в своих стихах о настоящей страсти, о жаркой любви, и слова он находил самые настоящие, самые звонкие, тревожные и верные.

Этим полны его книги «Полдень» и «Улица Красных Зорь», «В защиту влюбленных» и другие.

Александр Прокофьев прошел большой, полный трудных испытаний жизненный путь. Участник гражданской войны, узнал он и тяжелые испытания зимней войны с белофиннами и незабываемые годы Великой Отечественной войны, девятьсот дней ленинградской осады. И всюду нес поэт высокую преданность народу и партии, в ряды которой он вступил в 1919 году.

Поэт писал в автобиографии: «К неповторимому образу Родины я обращался в своих стихах всегда, и всегда она, Родина, будет для меня путеводной звездой, моей верой, моей неисчерпаемой сыновьей любовью».

Он создал грозную и нежную поэму «Россия». В ней жили и сражались подлинные и вместе с тем уже тогда такие легендарные русские люди, как герои-минометчики братья Шумовы. Эта поэма получила Государственную премию как песнь о всей стране, о ее неисчерпаемой красоте природной и духовной, о народной вере в будущее, в грядущую победу.

Ленинскую премию он получил за книгу «Приглашение к путешествию». Эта премия достойно вершила путь поэта. А то, что получал он ее рядом с Александром Твардовским, увенчанным за поэму «За далью — даль», имело свой особый смысл. Если талант одного был эпически народен, то талант другого был щедро богат народной песенной силой и пронзительной лиричностью своей достигал самой глубины сердец. И судьба сделала так, что в один день оба получили благодарность народа.

Александр Прокофьев отлично чувствовал слово братьев — украинских и белорусских поэтов, переводил их вдохновенно. Он подготовил антологии эстонской и латышской поэзии, а о Литве сказал своими строками в стихах о дайне.

Поэзия Прокофьева поражает тонким, современным чувствованием и пониманием красок и звуков; взять хотя бы эти строки:

Вот отсюда и пошло:
в лугу
Розовый стожар горит в стогу,
Розовые сосны на снегу,
Розовые кони в стойла встали,
Розовые птицы взвились в дали,
Чтобы рассказать про чудеса...
Это продолжалось полчаса!

Он мог переводить движение человеческого чувства, как чародей, в широкий мир природы, который в существе своем необъятен и нескончаем.

Задрожала, нет — затрепетала
Невеселой, сонной лебедой,
Придолинной вербой-красноталом,
Зорями вполнеба и водой.

Поэт справедливо был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Он был и видным общественным деятелем, избирался членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, членом Ленинградского обкома КПСС, делегатом XX, XXI, XXII и XXIII съездов КПСС.

Его звонкое слово, его глубоко партийные книги навсегда останутся достоянием будущих поколений.

Александр Прокофьев — подлинный народный талант, пришедший из ладожских поэтических лесов в наш широкий, многокрасочный мир и принесший читателю, другу настоящей поэзии, родное и сердечное, правдивое и песенное, вдохновенное слово о человеке и его счастье.

НОНА, НАНА И МАЙЯ

Ия МЕСХИ,
Борис КАМЕНСКИЙ

В Грузии есть в верховьях реки Риони ничем не примечательная деревушка Дерчи. И там, на сельском кладбище, покоится Фотинэ Чиковани-Асатиани, едва не дотянувшая до своего столетия. Об этой женщине, родившейся в год поражения Наполеона под Москвой и скончавшейся незадолго до Великой Октябрьской революции, рассказывают, что она была шахматисткой номер один, играла в своей деревенской тиши до самозабвения, а время от времени совершала боевые рейды в город Кутаиси для того, чтобы помериться силами с известными в то время шахматистами-мужчинами. И, представьте, всякий раз производила фурор своими блестящими победами!

Конечно же, все сельские ребята в Дерчи, как мальчишки, так и девчонки, были обучены Фотинэ и заворожены этой игрой. И чем бы они впоследствии ни занимались, шахматы не оставляли никогда.

Издавна славится Грузия своими шахматистами. Прекрасными шахматистками были дочери Александра Чавчавадзе, прогрессивного деятеля и поэта XIX века. Особенно Нина, верная подруга и супруга А. С. Грибоедова. Известно, что в Грузии существовала ныне, к сожалению, забытая традиция вручать дочерям перед замужеством вместе с томиком Шота Руставели также и комплект шахмат...

Но все это далекая история, любопытная, однако. А вот история близкая, происходящая на наших глазах. Из небольшого западногрузинского города Зугдиди приехала в Тбилиси девочка на школьные соревнования по шахматам. Ее заметил тренер Тбилисского Дворца пионеров Вахтанг Ильич Карселадзе. Учуял что-то в ней, стал ее наставником. Через несколько лет Нона Гаприндашвили вылетела в свет (кстати, слово «гапринда» в переводе на русский и есть «вылетела»!). В 1962 году в сражении с Елизаветой Быковой Нона стала чемпионкой мира. Интересно отметить, что свою первую золотую медаль чемпионки страны она завоевала позже, через два года.

В ту пору лучшая шахматистка на нашей планете была студенткой института иностранных языков, и тбилисцы часто видели ее в переполненном «студенческом» троллейбусе: книги под мышкой, туго заплетенные косички, черные глаза неистово блестят. И так, в тесноте, в давке, идут жаркие пересуды о какой-либо шахматной партии с кем-либо из постоянно присутствующих рядом болельщиков.

Время шло. Косичек как не бывало. Походка степенная, неторопливая, ответы корреспондентам четкие, уверенные. Нона Гаприндашвили, непревзойденный в шахматном мире феномен, ни во второй, ни в третий, ни в четвертый раз не отдала своего титула чемпионки мира ни одной из претенденток.

Между третьим и четвертым чемпионатами мира Нона родила сына. Не прошло и полугода после этого радостного события, как она отправилась в столицу Югославии на международный женский шахматный турнир в честь дня Восьмого марта. И набрала там 13 очков из 13 возможных. Вынужденный перерыв в игре казался ей очень долгим, и поэтому, дорвавшись до шахматной доски, она была в ударе. А недавно Нона повторила этот успех в Тимишоаре (тоже 13 из 13!).

Мужчин-шахматистов, проигравших ей (а таких немало!), шутя заносят в список «Клуба Ноны Гаприндашвили». Так было и с югославским мастером Кураицей, победителем международного турнира в Испании. Единственное поражение в этом турнире нанесла ему Нона.

— Впрочем, это ведь очень почетно,— сказал он с галантностью своей победительнице.— Нет, в самом деле очень почетно оказаться сразу же после вас!

— Но вы еще не играли с Наной Александрия,— напомнила ему Нона.

Нана Александрия... Ее тоже приметил Вахтанг Ильич Карселадзе, все в том же Дворце пионеров, когда девочке было одиннадцать лет.

Впервые Нана приняла участие в чемпионате СССР по шахматам среди женщин в 1964 году. Она сидела в своей школьной форме, с бантом в волосах перед опытнейшими советскими шахматистками и разделила пятое — седьмое места. А в семнадцать лет Нана стала чемпионкой СССР. В том же году получила не только шахматное золото, но и золотую медаль за среднюю школу.

Все это тоже, в общем, ушло в историю. Титул чемпионки СССР завоевывался Наной трижды. Были Кубок европейских чемпионок и множество побед в международных турнирах. Окончен факультет западноевропейских языков Тбилисского университета. Нане — двадцать шесть. Стала матерью. А характер прежний: открытый, отзывчивый, улыбчивый и очень женственный.

Мягко, умно и бесстрашно прошла Нана Александрия трудный путь до места претендентки на очередном чемпионате мира. Нона Гаприндашвили и Нана Александрия, две молодые женщины, живущие в двух шагах друг от друга, первая в пятый раз, вторая впервые сели за доску на таком высоком уровне. К сожалению, общий их наставник Вахтанг Ильич Карселадзе не дожил до такого праздника.

— Эти две девочки,— говорил он еще много лет назад,— непременно встретятся и будут оспаривать шахматную корону мира!

За одиннадцать лет Нона и Нана сыграли десятки партий, и все они кончились вничью, кроме одной: на международном турнире в Тбилиси в 1973 году победила чемпионка мира Нона Гаприндашвили.

Но вот на двенадцатом году они встретились не для одной партии, а для долгого и трудного матча.

Первая половина матча закончилась не в пользу Наны, но впереди еще вторая половина.

А не так давно болельщиков «тряхнула» еще одна сенсация. Шахматный мир заговорил о тбилисской школьнице Майе Чибурданидзе. В девять лет у этой девчушки уже был первый разряд, а в тринадцать решением Международной шахматной федерации ей присвоили звание международного мастера. Факт уникальный.

Казалось, о чем может мечтать девочка? Майя мечтала о встрече за шахматной доской с чемпионкой мира! Ни больше ни меньше. Случай представился. Грузинское телевидение проводило сеанс одновременной игры Ноны Гаприндашвили с семью юными шахматистками Тбилиси. Единственной, кто победил Нону в этом сеансе, оказалась Майя.

Эта девочка абсолютно не подвержена гипнозу высоких титулов своих соперниц. В бой она идет с поднятым забралом. Правда, порой неосмотрительно, и поэтому блестящие победы чередуются у нее с промахами.

Многие задают вопрос: «Каков завтрашний день Майи Чибурданидзе?» Ответ здесь один: если была Фотинэ, если есть Нона и Нана, почему бы не быть и Майе?

Нона Гаприндашвили.

Нана Александрия.

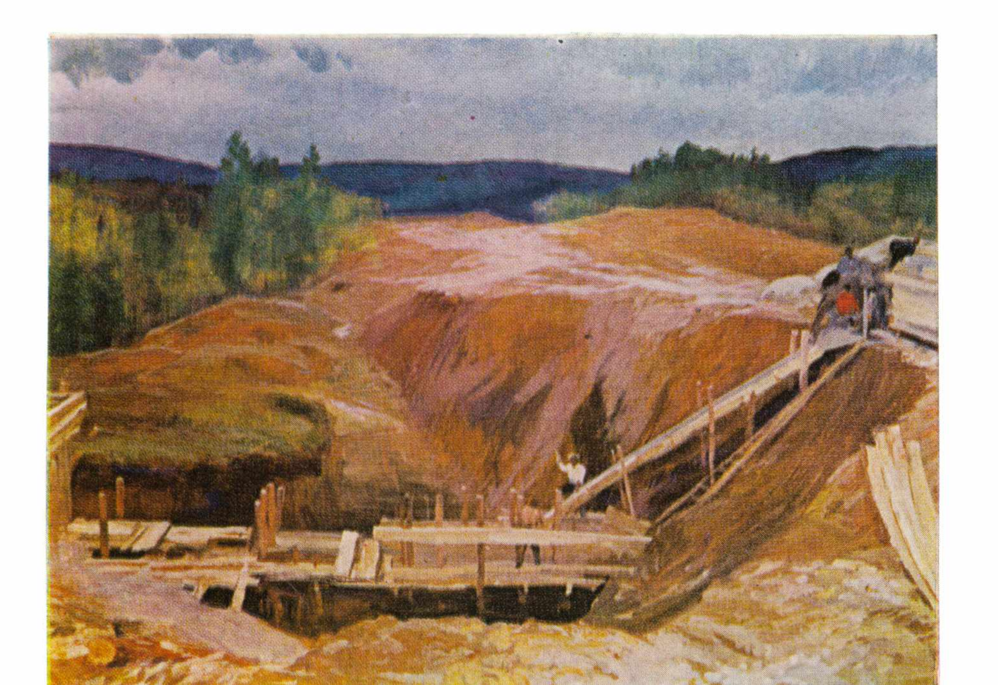

А вот и их наследница — Майя Чибурданидзе.

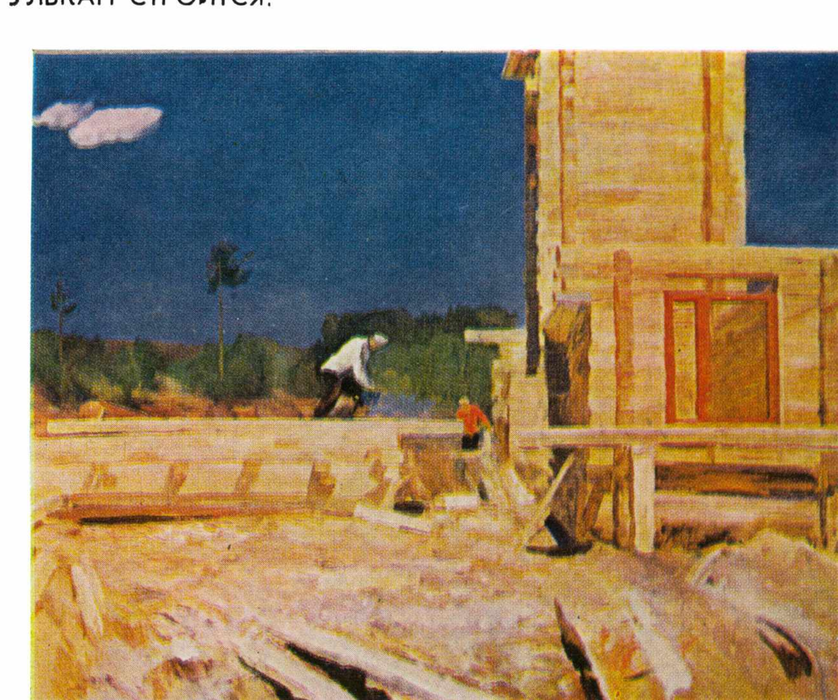
Фото Б. Каменского

Ю. Титов. ТАЕЖНЫЙ ДЕСАНТ.

НА ТРАССЕ.

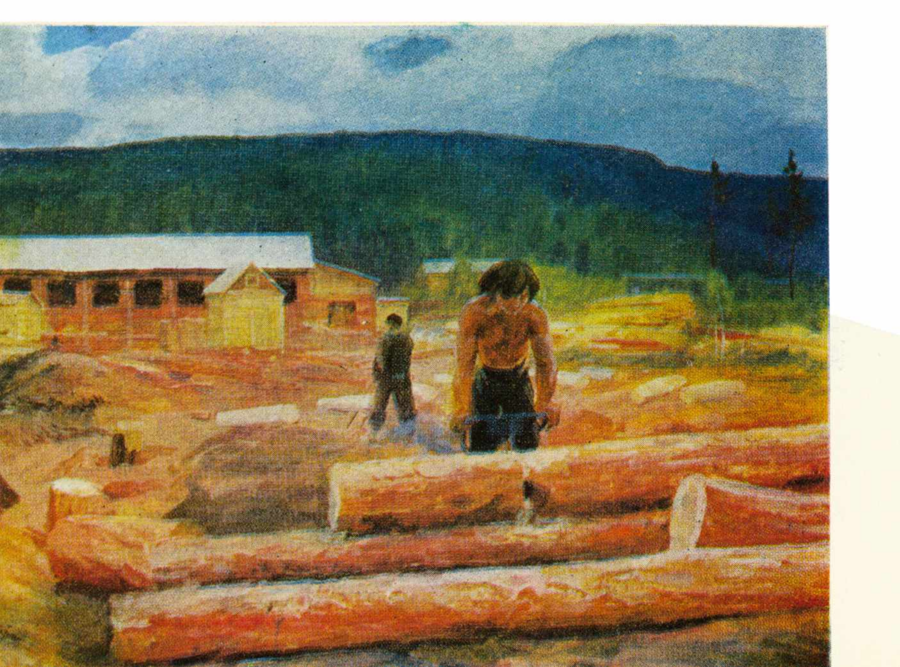

УЛЬКАН СТРОИТСЯ.

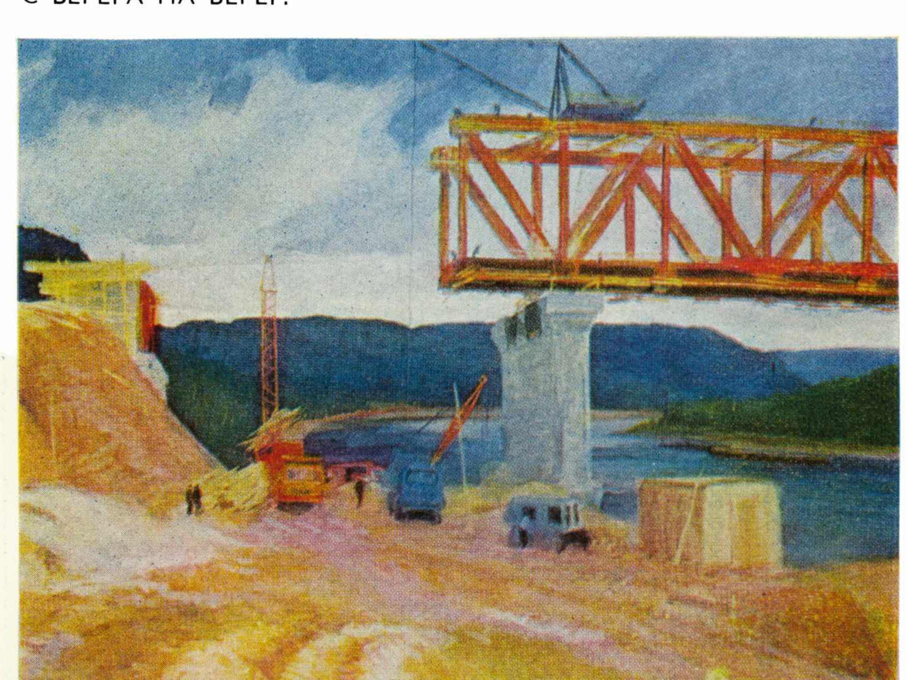

Ю. Титов. ЯКУТСКИЙ УГОЛЬ.

МЫ СТРОИМ.

С БЕРЕГА НА БЕРЕГ.

ЗАСЕДАНИЕ ПАРТКОМА

Недавно нам довелось встретиться с замечательным строителем — Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета СССР, членом Южно-Сахалинского обкома КПСС Михаилом Андреевичем Титяковым. «Государственный человек»,— часто говорят про него...

У каждого человека свой талант. Призвание Титякова — строить. Счастливо открыв это качество в себе, он воспитывает осознанность труда в других. Однажды он только под вечер смог выбраться на объект. Увидел выложенную перегородку и опешил: там кирпич вылез, там запал. Ну что тут делать? Стыдить? Кричать? Пока думал, руки сами потянулись к простенку — стал сбрасывать кирпичи, еще не схваченные раствором. Тут уж каменщики растерялись.

— Да ты что, Андреич, мы ведь целый день вкалывали!..

— А вам жалко стало? Мне вот тоже жалко, очень жалко потраченного впустую дня, сил ваших жалко. Да только я так разумею, что пусть уж один этот день даром пройдет, чем потом весь дом по кирпичику разбирать и начинать все заново.

Говорит, а сам продолжает разбирать кладку. Ребята постояли молча, а потом присоединились к нему.

Почему мы подробно рассказываем о сахалинском строителе в театральной рецензии? Видим в нем кровное родство — и биографий, и характеров, и нравственных основ — с другим бригадиром, Василием Трифоновичем Потаповым, героем пьесы А. Гельмана «Заседание парткома», поставленной на сцене МХАТа главным режиссером народным артистом РСФСР О. Н. Ефремовым.

Произошло невероятное — бригада отказалась от премии! Партком, срочно собравшийся прямо на строительной площадке, должен обсудить ЧП и вынести решение. Первое мнение собравшихся — обделили бригаду, мало денег дали. Нет, отвечает бригадир, дело не в том, просто они не заслужили премию. И управление не заслужило и трест. Ибо получили ее не ударным трудом, а сумев убедить главк, что первоначальный план тресту был завышен. Бригада предлагает вернуть деньги и просить главк о пересмотре плана.

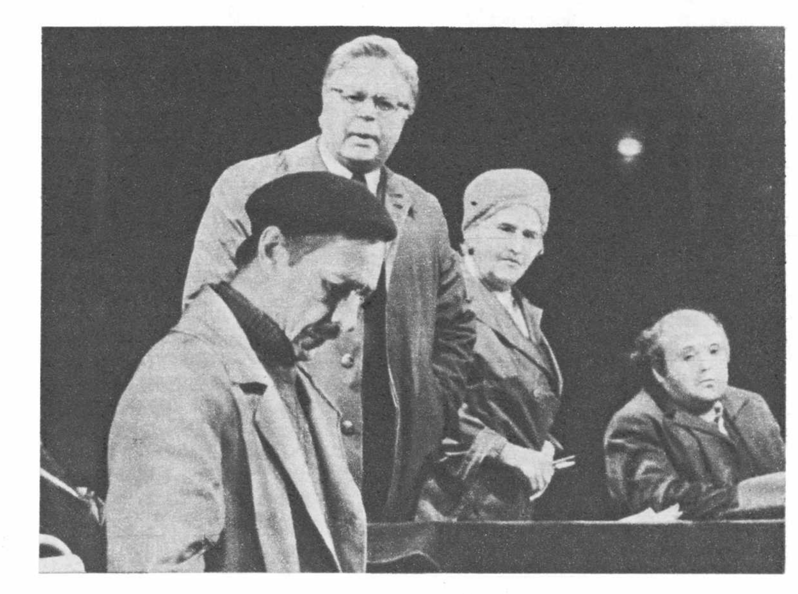
Что это — парадокс сюжета? Рабочий видит глубже, чем руководители треста? Видят они одно и то же, да по-разному. Управляющий трестом Батарцев (М. Зимин), которого само положение обязывает мыслить государственно, не может подняться мыслью выше главка. А Потапов может.

«Неужели все зависит от одного человека?» — пожимает плечами начальник планового отдела Шатунов (В. Расцветаев).

«Один человек — это не так мало»,— отвечает секретарь парткома Соломахин (Е. Евстигнеев).

Не так мало... Весь смысл спектакля, весь его пафос убеждают нас, что рабочий человек — это громадная сила.

...Соломахин молча наблюдает смену отношений к Потапову — насмешку, снисходительность, угрозу, заискивание. Ему, руководителю партийной организации, крайне важно знать, как ведут себя члены парткома и руководители в чрезвычайной ситуации. Он интеллигентен, доброжелателен, демократичен, порою мягок. Но по тому, как он сейчас взволнован, по каждому жесту, взгляду мы чувствуем, как туго скручивается в этом человеке пружина воли, убежденности в правоте Потапова. И эти движения души, их правда и нелегкость великолепно переданы Е. Евстигнеевым.

Сцена из спектакля. В роли Потапова О. Ефремов.
Фото И. Александрова

Те, кто противостоит Потапову, тоже убеждены в своей — в масштабах треста — правоте. Убежден знатный бригадир Кочнов (В. Невинный): этот свой самосвал бетона зубами вырвет, из-за дверной коробки все управление вверх дном перевернет. Такой не станет перекладывать кривую стену — насядет на штукатуров, чтобы они грехи бригады замазали. И слава-то его — продукт безалаберности и штурмовщины. Конечно, будущее не за Кочновым — за Василием Потаповым, Николаем Злобиным, Михаилом Титяковым.

Потапов не один. За ним стоит бригада, это ее волю он отстаивает на заседании парткома. За ним — лучший экономист треста Миленина (Е. Ханаева),— без ее помощи они, конечно, не смогли бы сделать сложнейшие расчеты, которые и стали неопровержимым доказательством правоты рабочих.

Осуществив постановку пьесы Гельмана, театр тем самым вынес ее на суд зрителей; некоторые из них, вероятно, сталкивались с подобным сюжетом в жизни. «Расширенное» заседание парткома состоялось — зал (а это сотни голосов) на стороне Потапова и его товарищей. Спектакль учит мужеству, гражданственности, неравнодушному отношению к делу, которому мы служим.

В. ВАРЖАПЕТЯН

ЖУРНАЛИСТ У МИКРОФОНА

Юрий Летунов
Время
Люди
Микрофон

Каждое утро миллионы людей, собираясь на работу, включают радио и слушают последние известия — самые свежие новости из различнейших сфер человеческой деятельности. А вечером они усаживаются перед телевизором, и теперь уже голубой экран знакомит их с бесконечно разнообразной жизнью земного шара.

«Время. Люди. Микрофон» — обо всем этом повествует новая книга Юрия Летунова. Думается, творчество радио- и тележурналистов не всегда пользуется заслуженным ими признанием. И, слушая позывные «Маяка», далеко не каждый знает и помнит, что именно Юрий Летунов стоял у истоков радиопрограммы «Маяк», что он первым среди журналистов радио был удостоен премии «Золотой микрофон».

«Звезды» экрана и телеэкрана давно стали широко известны и любимы огромному числу зрителей. «Звезда эфира» — кажется, такого и понятия еще нет. И хотя, безусловно, имена Юрия Левитана или Вадима Синявского не требуют комментариев, зато немалый интерес представляет прочесть в книге Ю. Летунова, что тому же Синявскому обрести свой голос у микрофона помог Григорий Нилов — мастер высокого класса в жанре репортажа. Он и Летунова учил: «Мы вещаем как пророки или плохие ораторы... Это, наверно, от сознания, что нас слушают миллионы. А этито миллионы сидят врозь у себя по домам, слушают нас и не могут понять, чего это мы им так кричим, почему так выспренне с ними изъясняемся. Нужно искать самим точный ключ разговора у микрофона и секрет успеха в выработке ощущения, что ты говоришь не с безликой многомиллионной массой, а с Человеком».

Юрий Летунов сердечно и увлекательно рассказывает о многих лучших радиожурналистах прежних лет: Константине Ретинском и Максе Гинденбурге, Викторе Минаеве и Анатолии Шаргине, Лазаре Маграчеве и Степане Хоменко... Беспокойная судьба кидала Летунова из края в край нашей страны, он побывал в разных уголках планеты, интервьюировал людей с необыкновенно яркими и самыми будничными биографиями. Он был первым, кто вел репортажи с космодрома, и эта его «космическая вахта» отмечена дипломом имени Ю. А. Гагарина и медалью имени академика С. П. Королева. Вспоминая эпизоды из жизни репортера, Летунов не скупится на яркие подробности. Как, например, характерен рассказ известного советского писателя Ф. И. Панферова о Дм. Фурманове, писавшем «Чапаева» в трамвае за неимением своего угла. «Поверьте,— сказал Фурманов начинавшему тогда Панферову,— напишите хороший роман, и народ даст вам квартиру, даст вам мебель, а сейчас,— говорил Фурманов,— есть такие писатели — квартиры имеют и мебель из красного дерева, а умрут, за ними только и понесут за гробом, что эту мебель из красного дерева».

Интересные мысли и эпизоды из книги Юрия Летунова можно долго пересказывать, но лучше всего прочесть ее целиком.

Д. ИВАНОВ

Юрий Летунов. Время. Люди. Микрофон. М., «Искусство», 1974, 262 стр.

ДВОЙНЫЕ

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент
«Огонька»

О ЧЕМ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ПИСАТЬ ПЬЕСУ!

Снова и снова возвращается Дора Моисеевна к губительному, с ее точки зрения, «неевропеизму» бывших граждан социалистических стран, разочаровавшихся в Израиле. Все их беды, на взгляд госпожи Баркай, проистекают от упорного нежелания отвыкнуть от «льгот, льгот, льгот и еще раз льгот», к которым они привыкли.

— В цивилизованном мире никто не платит грош за квартиру, за отопление, за свет. Все платят большие деньги! А они, видите ли, привыкли к государственной поддержке. Надо отвыкать!.. Приезжают, хватают и то и се, а через несколько месяцев опомнятся и начинают плакать: «Ой, боже мой, нам столько позаписали в долговую книжечку, что мы за целый век не расплатимся!» Какая черная неблагодарность — ведь, положа руку на сердце, не все записывается в книжечку, кое-что и в Израиле бесплатное... Например...

Но, перескочив на другую тему, Дора Моисеевна примеров так и не приводит.

(Должен признаться, я мог бы прийти ей на помощь и привести вполне конкретный пример того, что действительно «в Израиле бесплатное». Накануне мне показали объявление в израильской газете «Наша страна». Воспроизвожу его не только дословно, но и выделяю прописными буквами все, что напечатано жирным шрифтом:

«ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ для олим из Советского Союза. Всем МУЖЧИНАМ, которые не проделали «брит милла» (ОБРЕЗАНИЕ) у себя или у своих сыновей (независимо от возраста), обратиться к нам. Операция проводится БЕСПЛАТНО. Мы обязуемся СОХРАНИТЬ ТАЙНУ. Пишите по адресу: Бней Брак, п. я. 1151».)

Предельной точки кипения наш разговор с госпожой Баркай достиг, когда я по какому-то поводу упомянул свои нередкие поездки в братские социалистические страны. Пронзив меня взглядом, выражающим и соболезнование и иронию, израильская подданная спросила:

— С вашей еврейской внешностью?

— Представьте, не гримируюсь,— пытался я все обратить в шутку. Но хозяйка дома не унималась:

— Вы, наверно, пешком там не ходите. И автобусом тоже, наверно, не пользуетесь... Или вас уже не трогают антисемитские клички по вашему адресу? В Венгрии, я знаю, это — обычное явление. И в Чехословакии. Слышала, что и Болгария не отстает...

Возможно, мне следовало бы отчитать клеветницу. Или хотя бы напомнить ей, как в 1942 году сионистский эмиссар Роберт Мандлер в Праге, а в 1944 году уполномоченный сионистов Рудольф Кастнер в Будапеште, точно выполняя условия сделок, заключенных с нацистами, помогли гестаповцам «тихо и мирно» депортировать в газовые камеры десятки тысяч евреев и были вознаграждены за это предоставлением свободы сотням сионистских избранников. И как болгарский народ в те же годы грудью встал на защиту двадцати двух тысяч евреев, обреченных цанковским правительством на отправку в гитлеровские концлагеря. И спас их!

Но я не сказал этого госпоже Баркай. Тогда, в ее квартире, мне казалось унизительным для советского человека доказывать оголтелой сионистке, насколько глубоки присущие гражданам социалистических стран убеждения и чувства интернационализма. Она все равно не поверила бы, что ни в понятие «друг», ни в понятие «враг» люди, воспитанные социалистическим строем, не вкладывают никаких национальных признаков!

В общем, довольно бурно протекал наш диалог с Дорой Моисеевной. Впрочем, не совсем диалог. Стоило ей забыть какую-нибудь дату или чье-нибудь имя, жену немедленно выручал немногословный муж Андрэ, обладатель памяти действительно изумительной, но весьма подчиненный идейным убеждениям супруги.

Мы беседовали более трех часов. Мне полагалось бы сказать, что время протекло совсем незаметно. Не могу, однако, погрешить против правды. Хотя кубатура одной из девяти комнат первого этажа, где мы беседовали, довольно обширная, я вдруг ощутил себя в тесной, затхлой темнице, в каком-то логове, откуда надо немедленно вырваться. Нечем стало дышать.

Не припадок ли у меня клаустрофобии? Не заболел ли я фатальной боязнью замкнутого пространства?

Нет, вернувшись в гостиничный номер, я почувствовал себя настолько отлично, что тут же подробно записал поучительную беседу с супругами Баркай. Многое я здесь не привожу, ибо читателю, по моему глубокому убеждению, совершенно не требуется новых свидетельств того, насколько тесно современный сионизм переплетается с антисоветизмом.

Такие свидетельства моя собеседница предоставила мне с большой щедростью. А ведь она, как жительница голландской столицы, рассчитывает побывать в Советском Союзе. И постарается снова встретиться со мной. Значит, в Гааге она многое не договорила, очень многое. Каков же истинный масштаб закоренелых антисоветских убеждений рядовой, как неизменно подчеркивала Дора Моисеевна, сионистки!

Да, чуть не позабыл! Ведь госпожа Баркай предложила мне действительно захватывающую тему для пьесы:

— Напишите о Мише Ланском. Четырнадцатилетним подростком он из жалкого Гродно попал в ослепительную Америку. Контраст! А там Меер Ланский стал королем мафии. Королем! В Америке! Не думайте, я не считаю, что надо ему подражать. Но объективно восхищаться такой карьерой можно. Словом, постарайтесь написать эффектную пьесу, тогда самый скупой зритель — и тот не пожалеет денег на самый дорогой билет!

Случись, попадется этот номер «Огонька» Доре Моисеевне, пусть узнает, что не увлекла меня она своей сенсационной темой. Все-таки меня, драматурга, продолжает волновать как отправная точка для пьесы письмо девушки, опубликованное в тель-авивской газете «Наша страна». Опубликованное главным образом для того, чтобы сопроводить его разнузданно-клеветническим и оскорбительным комментарием журналиста А. Вайнштейна в адрес Советской страны. Вот это письмо:

«Я ола хадаша из СССР. Мне 20 лет.

Я еврейка. Я люблю свою Родину — Советский Союз, а не какую-либо другую страну. Я живу здесь, в Израиле, но никогда, вы слышите, никогда не смогу назвать сионистское государство своей родиной. Приехала я сюда по принуждению родителей. Своего желания ехать сюда я никогда не изъявляла. И сейчас пишу вам, не называя своего имени, даже почерк не мой, а пишет маленькая девочка. Я это делаю, чтобы вы не узнали, кто пишет: я знаю, чем это пахнет для моих родителей. Я не могу открыто выразить свой протест только из страха перед преследованием моих родителей.

О, с каким удовольствием я удрала бы отсюда в Союз! Израиль разбил мою жизнь. Отнял у меня университет, где я с большой охотой училась, отнял моих друзей, моих родственников, а самое главное — Израиль отнял у меня любовь! Сейчас я 20-летняя женщина, не имеющая ничего, кроме родителей, чьим желаниям не могу перечить. Я читаю вашу газету. То, что вы стараетесь дискредитировать Советский Союз, не обеспечит вам уважения. И ваши идиотские статьи о моей Родине претят мне и бесят меня. С большим негодованием многие олим читают вашу газету, но молчат. Каждый негодует — уж это-то я знаю,— но молчит.

А мое терпение достигло предела, когда вы стали в своих статьях упоминать имя великого человека — Ленина. Все олим глубоко возмущены... У вас не хватает даже элементарной эрудиции, если вы пишете, что Ленин сносился с Социалистическим интернационалом в ... 1929 году (!), в то время как миллионы людей знают дату смерти Ленина — 21 января 1924 года...»

В своем комментарии Вайнштейн назвал девушку антисемиткой. Иначе быть и не могло.

Да, весьма щедры на приклеивание антисемитских ярлычков сионисты в Израиле. Всех, кто посмел там выступить против аннексий и продемонстрировать свое стремление к подлинно справедливому миру на Ближнем Востоке, причислили к антисемитам. И писателя Абрама Паска, и художника Дана Кедара, и журналиста Ури Авнери. И, конечно же, члена Политбюро Коммунистической партии Израиля Бурштейна, заявившего в январе нынешнего года на митинге левых сил в Тель-Авиве:

«Мир должен знать, что существует и другой Израиль, а не только Израиль аннексий, экспансии и войны. Этот другой Израиль представлен в этом зале».

К антисемитам причислены, впрочем, не только те, кто присутствовал в том зале на антимилитаристском митинге. Стоит любому израильтянину высказать сомнение в правильности захватнической политики своего государства, как он уже «антисемит»! Такой скоростной метод пришивания кличек очень на руку карьеристам и стяжателям. Они давно усвоили, что клевета, словно уголек: не обожжет, так хоть замарает. И «антисемита» в Израиле очень несложно выжить с доходной должности, на которую метишь сам.

Но и в такой обстановке все больше и больше людей в Израиле открыто говорят, что не мир — страшная угроза государству, а война.

РЯЖЕНЫЕ И ЗАГРИМИРОВАННЫЕ

Тринадцать лет было Яше Цанцеру, когда гитлеровцы в луцком гетто умертвили его родителей. На глазах у сына.

Нашлись люди, сумевшие под носом у фа-

Начало см. «Огонек» №№ 39, 43, 46, 47.

шистской охраны вывезти мальчика из гетто на подводе, груженной картофельной ботвой.

Свобода? О нет, ведь Яша все еще находился на оккупированной врагами территории. Всюду его подстерегала смертельная опасность. Долго мальчик брел по лесам, полям, околицам. Брел ночами куда глаза глядят.

И набрел в польском селе Любановке на словацкого крестьянина Иозефа Кунешека. Томительных два года укрывал Кунешек еврейского мальчика от гитлеровских ищеек. В этом ему помогали односельчане-поляки.

После войны шофер Яков Цанцер навестил своего спасителя уже в свободной Словакии.

Миновали годы. В Израиле, а затем в Бельгии, куда Цанцер бежал из сионистского рая, воспоминания о мужественном словаке не оставляли его. Эти воспоминания вселяли в него надежду на то, что ему хоть кое-как удастся встать на ноги после рокового для семьи поступка — переезда в Израиль. И не только Цанцер, но и жена и его маленькие сыновья при любом случае с жаром рассказывали, как, рискуя жизнью собственных детей, словацкий крестьянин спас жизнь еврейскому мальчику.

В Роттердаме Цанцера неожиданно навестил какой-то молодой незнакомец.

— Забудьте легенду о благородном словаке,— со злобной насмешкой сказал он.

— Какая легенда! Словак спас меня! И польские крестьяне помогли ему укрыть меня!

— Словаки — антисемиты. И поляки — антисемиты. Вы забыли, к какому лагерю они принадлежат. Их социализма нам не надо. Хороший еврей не имеет права прославлять их гуманное отношение к нему.

— Но так было!

— Не было. С этой минуты, вы поняли? Не было!.. Надеюсь, больше мне убеждать вас не придется? Вы здесь ведь не тревожитесь за ваших детей, правда?

Вопрос был задан с садистским хладнокровием, и у Цанцера защемило сердце от страшной тревоги за своих мальчиков.

Услыхав от него в Брюсселе эту историю, я спросил:

— А кто же был тот незнакомец?

— Предупредить меня ему поручил «Союз сионистов-революционеров Бельгии».

«Сионистов-революционеров»? Вероятно, это оговорка, подумал я. Цанцер разволновался и напутал.

Нет, не напутал и не оговорился. Действительно, в Бельгии существует такая организация. И ее члены старательно подчеркивают свое «социалистическое» направление. Нововявленные «революционеры» примкнули к программе, принятой на международном конгрессе студентов-сионистов в израильском городе Араде. В этом документе можно без труда распознать голос Бэра Борохова, давнего проповедника так называемого сионистского «социализма». И прежде всего, конечно, предательскую небылицу о «классовом мире» между еврейской буржуазией и еврейскими трудящимися.

После конгресса слово «социализм» как из рога изобилия посыпалось из уст сионистских пропагандистов «левого» толка. Особенно щедра на социалистическую терминологию пропаганда, нацеленная на Советский Союз и другие страны социалистического содружества.

Зачем же заядлым сионистам понадобилась такая маскировка сегодня?..

Противникам социализма понятно, что обращаться к советскому народу с идеей возврата капиталистических порядков — дело ныне безнадежное. Вот они и рядятся в одежды радетелей «демократизации» социализма, его «исправления», его «улучшения». Подобными заботами они пытаются подорвать изнутри Советскую власть, ликвидировать завоевания социализма.

Действительно, полистаешь газету «Ниве Исраэлитисе веекблаад» и многие другие издания сионистских организаций Бельгии и Голландии и диву даешься — трудно встретить термины «сионизм», «сионисты», «национализм». Зато обильно мелькают слова «социализм», «социализм с новым лицом», «социалистические круги Израиля», «демократия», «трудящиеся евреи» и даже «интернационализм».

Не только пресса, но и сионистские активисты тоже проводят чуть ли не прямую аналогию между сионизмом и социализмом.

Известная уже читателям госпожа Баркай твердила мне:

— Сионизм — это движение, положа руку на сердце, социалистическое. Можете смело называть нас израильскими патриотами, но не забывайте добавлять: социалистическими.

А господин Брахфельд, в беседе со мной часто заменявший слово «сионист» словами «трудящийся» или «патриот», развивал такой тезис:

— Израиль был задуман как социалистическое государство, где национализируют максимум средств производства и до минимума ограничат частную собственность. Но непрерывные войны и колоссальный приток иностранных капиталовложений плюс наплыв международных фирм сломали задуманную модель и превратили еврейское государство в обычное демократическое государство по образу и подобию западноевропейских и американских. Вы называли такие государства капиталистическими, буржуазными. Что ж, капитал и буржуазия играют в Израиле главную роль, но дух там доминирует социалистический. Сегодняшний сионизм, я вас уверяю, очень и очень социалистичен.

Сопоставьте эти измышления богача-коммерсанта, придерживающегося теорийки «всемирной еврейской нации на службе у ее исторической родины» и ратующего за обязательное переселение в Израиль со всего мира еврейской... бедноты, с высказываниями видного бельгийского общественного деятеля Рик Зиффера, президента прогрессивного Союза бывших участников Сопротивления еврейской национальности в Бельгии:

— Давно известно: насколько интернационален пролетариат, настолько же космополитичен капитал. А его верное детище — сионизм тоже исповедует космополитизм, без которого сионисты как без рук. Какой же ширмой они прикрывают свои космополитические устремления? Сказками о своем интернационализме. Они почувствовали, что в наши дни интернационализм — хорошая приманка, что за интернационализмом людям видятся очертания социализма. Вот и стали всякого рода «левые» сионисты трубить о своих интернациональных симпатиях. А по сути, они так же интернациональны, как, например, интернационален какой-нибудь крупный концерн, объединяющий промышленные фирмы Бельгии, Англии, США и еще нескольких государств. Крупнейшие монополии и концерны мира, как известно, делят между собой сферы влияния. Своему верному слуге — сионизму они тоже выделили немалую «сферу влияния». И очень спокойно реагируют на сионистский шумок о его социалистических устремлениях. Они знают, что под этот шумок делают свое дело сионистские «ультра».

Приглядимся к практике западноевропейских сионистов и сразу же увидим, что ее «социалистическую» направленность верно оценил не Брахфельд, один из финансовых тузов бельгийского сионизма, а Зиффер, стойкий прогрессивный деятель. Не случайно именно на него немало клеветы излил Роже Катц, пробравшийся к руководству объединением евреев-партизан, а сам не имеющий никакого права носить гордое имя партизана. Роже Катцу трудно примириться с тем, что Зиффер и его товарищи выступают с разоблачением того, как и для чего международный сионизм сегодня подкрашивает свое шовинистическое обличье «социалистическим» гримом. Факты, грозные факты неумолимо смывают этот грим.

В ФРГ, к примеру, нашлись лидеры еврейского буржуазного национализма, объединившие свои организации в «Социалистическо-сионистский союз». Они даже поленились сочинить какую-либо захудалую «программку», хотя бы формально чуть-чуть не схожую с идеологией обыкновенного сионизма. Сойдет и без программы, решили они. Достаточно только названия, в котором звучит слово «социалистический». Уже одно это облегчит им работу. И объявили себя примкнувшими к «Союзу радикальных сионистов», объединившему после упомянутого конгресса в Араде более семидесяти американских и канадских групп сионистов.

Грубой, топорной сочли голландские сионисты такую работу своих западногерманских единомышленников. Смекнув, что откровенно шовинистические взгляды ортодоксальных, большей частью пожилых, сионистов и их призывы обособиться от «остального» мира отпугивают в наши дни молодежь, они поступили хитрее. Наиболее мобильные из них объявили себя «критическим движением» сионизма. И чтобы поразить всех смелым шагом, даже отмежевались от обветшалой «Иерусалимской программы». Затем выдвинули туманный лозунг сомнения в изоляционистской политике ортодоксального сионизма и стали шуметь о своем надежном интересе к борьбе вьетнамского народа, к социальному пробуждению Африки, забастовочному движению во всем мире. Ополчились против правой группировки «мизрахистов», придерживающихся программы израильской национально-религиозной партии. И даже выступили против старого руководства Нидерландского союза сионистов, заставив престарелого М. Телса уступить место председателя главного правления более молодому и «гибкому» С. Койену.

И теперь в выступлениях нового председателя чаще слышится социалистическая терминология.

Да, в красивых словах социалистического и интернационального оттенка недостатка нет. А что изменилось по существу?

Ничего. Как говорит пословица, тех же щей, да пожиже влей!

Еще неистовей, нежели ортодоксальные, так называемые критические сионисты клевещут на государственный строй социалистических стран и не менее усердно отталкиваются в своей пропаганде от стародавнего, но столь живучего в еврейской буржуазно-националистической среде высказывания Герцля о том, что «все народы мира — это явные или скрытые антисемиты». Правда, критические сионисты несколько сузили герцлевский масштаб и, закрывая глаза на рост антисемитских акций, скажем, в США, включают в антисемитскую зону только государства социалистического содружества.

Двое критических сионистов, по их словам, студентов,— юрист Михель Элькинд и его приятель, социолог, в амстердамском Доме Анны Франк вызвали меня на разговор. Начали они с утверждений, что в Советском Союзе дневник Анны не издан и имя ее никому не известно. А закончили восхвалением полнейшего «равноправия» евреев в США в противовес их «бесправию» в странах социализма.

— Вы бывали в Америке?— спросил я неожиданных собеседников.

— Я был,— отозвался Элькинд.— В позапрошлом году.

— Город Буффало посетили?

— К сожалению, не пришлось. Через Буффало, знаю, ездят на Ниагарский водопад, а мы Ниагару не осматривали.

— А я осматривал. И возвращался с Ниагары через Буффало. Мы основательно проголодались. И продрогли, было это в феврале. Миссис Анна, гид нашей группы спортивных корреспондентов, утешала нас тем, что обед в одном из популярных отелей Буффало будет вкусным и сытным. Но когда она назвала отель, водитель автобуса растерянно взглянул на нее. Миссис Анна подошла к водителю. Озираясь на нас, они зашептались. После обеда мы стали подтрунивать над миссис Анной: о чем же она так таинственно шепталась с красивым водителем? Она смутилась и нехотя объяснила нам: «Я недавно работаю на этом маршруте и не знала, что в Буффало есть отели, не желающие... словом, не обслуживающие евреев. А надпись об этом на дверях отеля могла... словом, огорчить советских корреспондентов».

— Единичный факт!— воскликнул будущий социолог.

— Далеко не единичный. Не переведена ли на голландский язык книга американского публициста Стетсона Кеннеди, называется «Путеводитель по расистской Америке»?

— Надоевшие песни о преследовании негров?

— Не только негров. И не песни. Факты. Сотни фактов государственной и частной дискриминации евреев в штатах, городах, университетах, торговле, банках. Особенно это коснулось тех, кого вы именуете сефардами. Кстати, о песнях. Американские сефарды, как и другие смуглокожие, распевают горькую песенку с таким припевом: «Если ты белый — в порядке дело, со смуглою кожей — будь осторожен, но если ты черен, черен до пят, путь твой назад, лишь назад и назад!» А в Америке можно встретить и «черных до пят» евреев, например, в чикагской еврейско-негритянской общине. Правда, для американских сефардов имеется слабое утешение: в ряде городов и штатов, в некоторых учреждениях и институтах ограничения в правах распространяются и на белых евреев.

На этом представители «критического» сионизма предпочли нашу дискуссию прекратить.

Уже возвратясь из Бенилюкса домой, я прочитал в «Знамени» интересный очерк С. Кондрашова «Свидание с Калифорнией». Оказывается, в Сан-Франциско самый закрытый клуб не «Банкирский», где годовой взнос составляет три тысячи долларов, что равно годовому доходу шестнадцати процентов сан-францисских семей. Нет, самый закрытый —

это клуб «Саут Пасифик»: туда не принимают евреев...

О своих стычках с критическими сионистами рассказали мне еврейские выходцы из Польши, которых я встретил в припортовом районе Роттердама. Однажды к ним наведался некий Фальцман и важно заявил о своей близости к самому «левому» журналу критических сионистов. Журнал этот настолько, сказал он, социалистичен и интернационалистичен, что даже признает право палестинцев на свое государство, правда, вне захваченных Израилем земель. После такой увертюры Фальцман укорил лавочников в недостойной пропаганде: как, мол, смеют они распространять слухи, что в оккупированной нацистами Польше им спасли жизнь советские войска! Такое не должно, боже упаси, повторяться.

Чтобы окончательно перевоспитать крамольников, представитель «критических» вручил каждому за семь гульденов по экземпляру журнала, где гвоздем номера была статья о «колонизированных» народах Советского Союза.

— Мы боялись сказать Фальцману хотя бы одно слово,— говорит один из совладельцев магазинчика, громко именуемого «Висла».— Уж лучше его журнал за деньги, чем бесплатно пачки книжечек под названием «Азбука сионизма — от «А» до «Я». Нам приказывали раздавать эти книжечки морякам с пароходов из социалистических стран. Мы умоляли: не давайте нам этих книжечек, моряки бросают их нам в лицо. А сионистские уполномоченные топают на нас ногами: «Вы обязаны помочь нам! Советские моряки должны узнать, кто за настоящий социализм!»

Кстати, моряки с нашего торгового теплохода «Кегостров» рассказывают, что книжечки под таким же названием им пытались всучивать и в американском порту Филадельфия. Морякам захотелось расспросить одного из распространителей сионистской азбуки о его идейных убеждениях. А он только развел руками:

— Какой я сионист — я ведь не еврей. Я обыкновенный рассыльный и получаю за свою работу почасовую плату.

Как видите, у своих заокеанских собратьев заимствуют методы работы голландские сионисты, ряженные и загримированные под социалистов. Мало им помогают, однако, чужие наряды и грим.

Их, исповедующих сионистский вариант «социализма», не причислишь даже к «двойным». Эти, пожалуй, уже «тройные». Они, во-первых, пользуются правами граждан страны, где проживают. Они, во-вторых, рьяно выполняют обязанности израильских подданных. Они, в-третьих, старательно притворяются горячими приверженцами ненавистного им социализма.

Я рассказал бегло и далеко не обо всех хитрых методах «социалистической» мимикрии, спекулятивно используемых сионистами Западной Европы. Особенно грязные методы применяют отделы по работе с молодежью, имеющиеся в любой сколько-нибудь значительной сионистской организации. Хорошо сказала об этом Шендля Вольман, широко известная еврейским кругам Бенилюкса под своим партизанским именем Маги:

— Сионистские руководители уже давно спекулируют на идеологической неграмотности рядовых сионистов. А за последнее время, особенно опасаясь дискуссий с идейными противниками, настолько замкнулись в своей скорлупе, что идейно их кадры катастрофически деградируют. Многим молодым сионистам их старшие наставники просто заморочили голову заманчивыми словами. И некоторые юноши и девушки из их организаций колотят себя кулаком в грудь: мы еврейские социалисты, мы сионистские интернационалисты! И еще обижаются, когда над такими клятвами смеются. Если о социализме им еще хоть кое-что разрешают говорить, то разговоры на интернациональные темы сионисты выжигают каленым железом. Стоит сионистам услышать, что в партизанских отрядах бельгийского Сопротивления советские бойцы сражались рядом с фламандцами, валлонами, евреями, как такие разговоры они объявляют антисемитскими! Словом, нетрудно понять, чего стоит их социалистический маскарад.

Корни такого маскарада тянутся непосредственно из Израиля.

Там уже давно тщатся выдать кибуцы за образец сельскохозяйственного кооперирования. На деле же эти объединения стали источником получения дешевой рабочей силы. Изведавший тяготы такого псевдокооператива Исаак Спивак рассказывает:

— Попробует кто-нибудь из новоприбывших возмутиться отсутствием работы и сносного жилья, а ему тут же грозят: «Что, соскучился по социализму? Пошлем в кибуц, там тебя быстро обломают!» И угроза действует. Олим готовы на что угодно, только не на «перевоспитание» методами кибуцного «социализма».

Разговоры о социализме по-израильски особенно возмущают израильских женщин. Их быт и семейные отношения отданы там во власть древних религиозных устоев, день ото дня все горше и больнее ощущают они свою закрепощенность в израильском обществе.

Сейчас сионистки Голландии «отважились» поддержать робко нарастающую волну протеста против некоторых, особенно реакционных, законов о семье и браке, вроде полнейшей зависимости вдовы от брата покойного мужа, даже если брат — мальчуган. Женщины надеются, что под флагом Международного года женщины им удастся осуществить свои требования. Нечего сказать, стоило дожидаться такой даты, чтобы возвысить наконец голос против варварского закрепощения израильских женщин.

Ширится в Израиле и движение мира. Совсем недавно мы услышали о симпозиуме в Иерусалиме, созванном по инициативе Комитета за мир и справедливость на Ближнем Востоке. Видные общественные и политические деятели Израиля осудили методы дезинформации, применяемые официальной израильской пропагандой. Она намеренно искажает позиции арабских стран, отстаивающих свои законные права. Она вводит в заблуждение израильское население относительно путей мирного, политического решения ближневосточного кризиса. Представители демократической общественности Израиля призвали дать должный отпор проискам ультраправых сил, препятствующих установлению мира в этом районе и толкающих Израиль на опасные авантюры.

Еще один весьма симптоматичный факт: несмотря на препоны израильских властей, не прекращается работа обществ дружбы с социалистическими странами. Все больше и больше жителей Тель-Авива отваживаются приходить в помещение Общества израильско-советской дружбы на улице Ахад-Гаам, 70, когда там демонстрируются наши фильмы. Правда, власти разрешают показывать наши картины только на темы исторические и научно-фантастические. Советских фильмов на современные темы они боятся как огня.

В полный голос заявляют о себе комитеты действия из рабочкомов многих крупных предприятий. Забастовки возникают уже не только от стремления израильских рабочих добиться повышения зарплаты и улучшения условий труда, но и в знак протеста против милитаристской политики правительства сионистов. Именно по этим соображениям недавно бастовали израильские портовики.

Все это черты крепнущего антисионистского движения. Они подтверждают выводы XVI съезда Коммунистической партии Израиля:

«Чем больше возрастает влияние социализма в мире, чем больше империализм теряет свой авторитет, тем больше углубляется кризис сионизма».

И сионисты в Израиле все чаще и чаще вынуждены прикрывать свою липкую идеологию социалистической фразой. Из статьи «Проблемы израильской демократии» в недавно скончавшемся тель-авивском журнальчике «Мы» можно, к примеру, узнать, что блок просионистских израильских партий «Маарах» выступает главным образом за «сохранение сионистско-социалистической идеологии» и что сионистская партия «Мапам», оказывается, «входит в сионистско-социалистический блок».

Ох, не от хорошей жизни пошли сионисты на такие жонглерские вольты! Они изведали то страшное, о чем так ярко сказал Александр Блок в своем дневнике 1918 года: «Ненавидеть интернационализм — не знать и не чуять силы национальной». Бесконечные предательства и ложь закономерно привели врагов интернационализма к трагическому неверию в силу национальную.

БУДЕТ ЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ КАПИТАНА КЛОССА?

РАЗГОВОР СО СТАНИСЛАВОМ МИКУЛЬСКИМ

Роль капитана Клосса в многосерийном телевизионном фильме «Ставка больше, чем жизнь» принесла польскому актеру Станиславу Микульскому большой успех. Фильм обошел телеэкраны Советского Союза, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, ГДР, Югославии, Швеции и Финляндии. В анкете, проведенной Интервидением, Станислав Микульский был назван самым популярным актером социалистических стран. Польские газеты «Экспресс вечорны» и «Курьер польски» вручили ему призы благодарных зрителей, телевидение ГДР удостоило его «Золотого лавра», а в Чехословакии он получил «Золотой цветок». За заслуги в распространении польской культуры за границей Станислав Микульский награжден художественной премией второй степени министра национальной обороны ПНР, премией министра культуры и искусства и дипломом министра иностранных дел.

Легендарного капитана Клосса я разыскала за кулисами варшавского театра «Камеральны», где он играет в трех одноактных пьесах Александра Фредро. Капитан Клосс в штатском. Миллионы поклонников помнят его на большом и голубом экранах непременно в военной форме или по крайней мере участником боевых действий.

— Телевидение принесло вам огромную популярность. Но ведь вы еще играете в театре, снимаетесь в кино, участвовали почти в 60 театральных постановках, 25 художественных фильмах, 40 телевизионных фильмах, причем не только польского производства. Какому виду актерского творчества вы отдаете предпочтение? Быть может, телевизионному, которое принесло вам большую популярность?

— Самой чистой формой актерского творчества я считаю театр. Непосредственный контакт с публикой, немедленная реакция зрительного зала на игру актера — этого не дает ни кино-, ни телеэкран. К тому же театр сохраняет верность актеру, и я плачу ему тем же...

— Работа над фильмом «Ставка больше, чем жизнь» заняла у вас четыре года. Думаю, что тогда времени на театр не оставалось. Над чем вы работаете сейчас?

— Я выступаю в трех пьесах в варшавских театрах «Польски» и «Камеральны», в том числе в «Ученике дьявола» Б. Шоу, «Оптимистической трагедии» В. Вишневского и в одноактных пьесах А. Фредро. Попутно репетирую роль Яго в шекспировском «Отелло».

В апреле мы были на гастролях в Москве и Ленинграде с «Оптимистической трагедией». Это уже не первая моя поездка в СССР. Я гостил в Москве на международном кинофестивале и во время Дней польской культуры. В «Оптимистической трагедии» я играю главаря группы анархистов. На мой взгляд, актер не должен замыкаться в узком амплуа однотипных ролей. Он должен пробовать силы и в крайне противоположных образах.

— А капитан Клосс? Ваши поклонники с нетерпением ждут встречи с ним.

— Видимо, в будущем году начнутся съемки нескольких очередных серий этого фильма, где действие происходит в наши дни. На сей раз капитан Клосс предстанет журналистом, иностранным корреспондентом. Его ждет множество сенсационных приключений. И в мирное время он не боится идти на риск, срывает маски с врагов. Уже в первой серии на киносеансе он узнаёт в кадрах хроники военного преступника Бруннера и отправляется по его следам.

— Думаю, что и на сей раз встреча с легендарным капитаном Клоссом доставит миллионам зрителей огромное удовольствие.

— Я бы очень этого хотел...
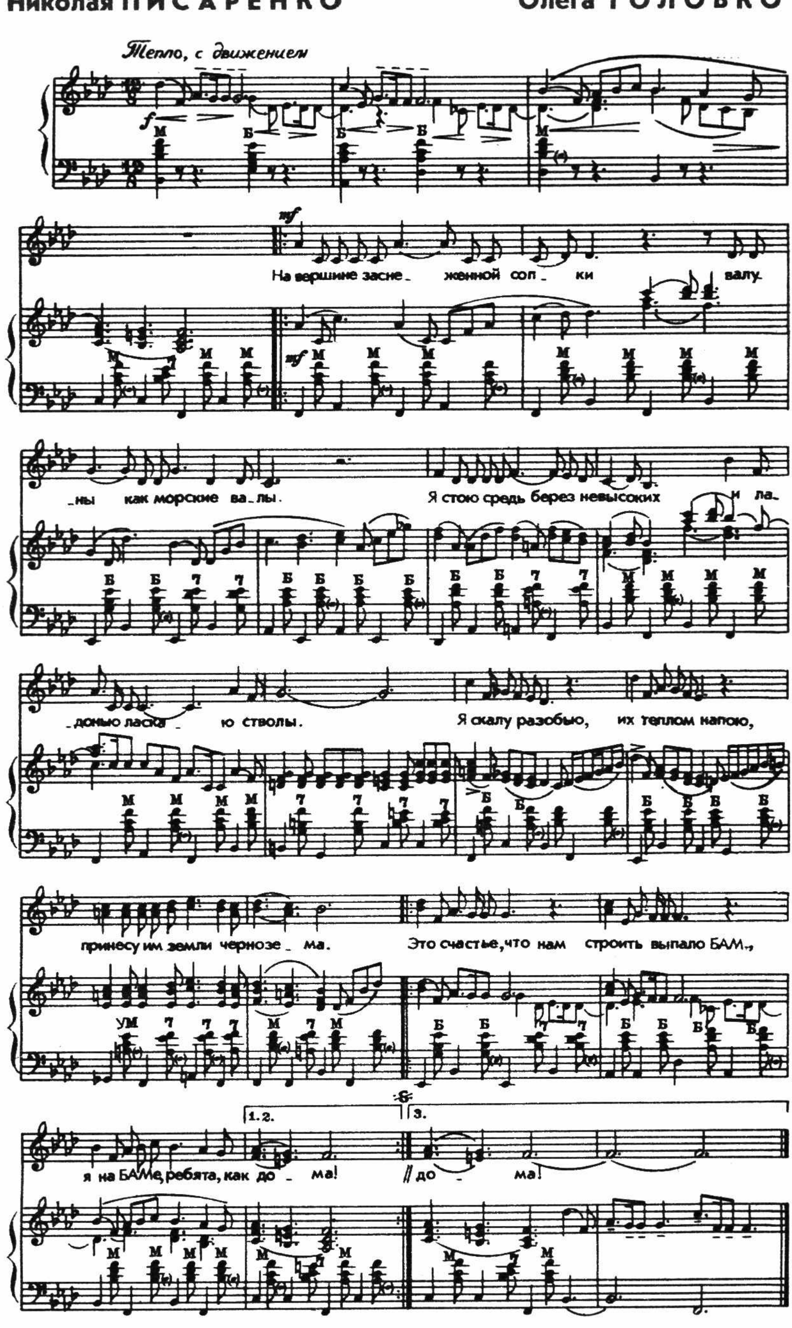
Беседу провела Кристина БЕРГЕРОВА.

Польское агентство «Интерпресс» для «Огонька»

Варшава.

Музыка
Николая ПИСАРЕНКО

Стихи
Олега ГОЛОВКО*

Я НА БАМе, РЕБЯТА, КАК ДОМА

На вершине заснеженной сопки
Валуны, как морские валы.
Я стою средь берез невысоких
И ладонью ласкаю стволы.
Я скалу разобью,
Их теплом напою,
Принесу им земли-чернозема.
Это счастье, что нам
Строить выпало БАМ,
Я на БАМе, ребята, как дома.
Где на плечи бураны ложатся,
Где от холода невмоготу,
Это здорово жить и сражаться,
Для людей отогреть мерзлоту.

Ветки бьют по глазам,
Камни бьют по ногам,—
Я иду среди гула и грома.
Это счастье, что нам
Строить выпало БАМ,
Я на БАМе, ребята, как дома.
Здесь природа совсем не скупая,
В ней полно и тепла и добра,
И на БАМе березка любая
Для меня, как родная сестра.
Я судьбу отыскал.
Ведь Амур и Байкал
Ждут строителей, давних знакомых.
Это счастье, что нам
Строить выпало БАМ,
Я на БАМе, ребята, как дома.

* Начальник дирекции связи и энергетики БАМа

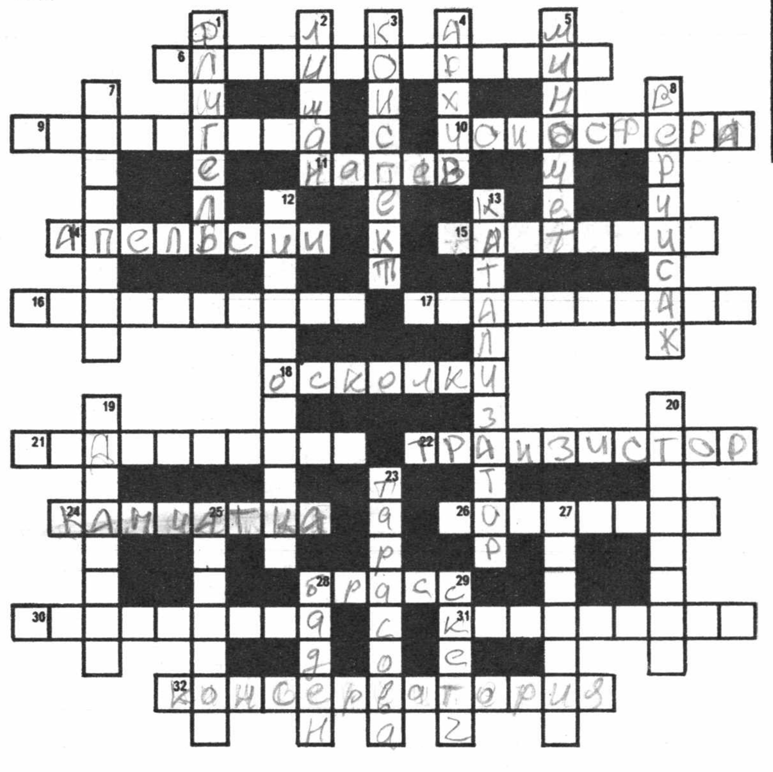
КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

6. Раздел лингвистики. 9. Украинский философ и поэт XVIII века. 10. Верхняя часть газообразной оболочки Земли. 11. Мелодия, мотив. 14. Цитрусовое дерево. 15. Русский писатель XVIII века. 16. Изобретатель фортепьяно. 17. Порт на Дунае. 18. Юмористический журнал, в котором сотрудничал А. П. Чехов. 21. Пожарный насос. 22. Полупроводниковый триод. 24. Полуостров в СССР. 26. Вечнозеленый кустарник с ягодами. 28. Стиль плавания. 30. Певучесть, мелодичность музыки. 31. Действующее лицо комедии А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын». 32. Высшее учебное заведение.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Пристройка к зданию. 2. Залив, образованный морем в низовьях реки. 3. Краткое письменное изложение лекции, сочинения. 4. Учреждение для хранения старых документов. 5. Гладкоствольное орудие. 7. Государство в Европе. 8. Открытие художественной выставки. 12. Птица с пестрым оперением. 13. Вещество, ускоряющее химическую реакцию. 19. Небольшая оперная ария. 20. Ярлык, вид товарного знака. 23. Народная артистка СССР, игравшая во МХАТе. 25. Озеро в Прикаспийской низменности. 27. Роман Д. Олдриджа. 28. Курорт в Швейцарии. 29. Эстрадная пьеса шутливого содержания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Пескарь. 8. Делиб. 9. Аккра. 12. Осоед. 14. Перрон. 15. Слиток. 16. Скагеррак. 18. Новеллетта. 19. Жолтовский. 21. Антоновка. 24. «Игроки». 26. Широта. 27. Орало. 28. Сироп. 29. Нерис. 30. Дивизия.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Секундомер. 2. Денебола. 3. «Трубадур». 5. Неон. 6. Ирис. 7. Спелеология. 10. Амортизатор. 11. Проректор. 13. Литосфера. 16. Схема. 17. Котка. 20. Антарктида. 22. Тропинин. 23. Вронский. 25. Ишим. 26. Шпиц.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Эта дорога пойдет на Чару. Здесь летом работал студенческий строительный отряд «Союз» Московского института инженеров транспорта. На снимке: Олег Бармашов, Юрий Боровков и Николай Бородин.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Здесь пройдет трасса БАМа.

Фото Г. Копосова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

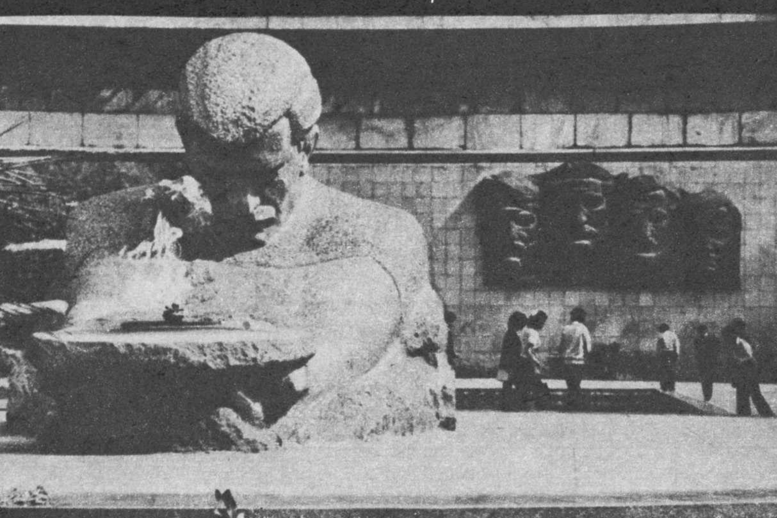
Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 10/XI — 1975 г. А 00681. Подп. к печ. 25/XI — 1975 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2940. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1293.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Мемориальный ансамбль, посвященный 26 бакинским комиссарам.

Баку красив во все времена года, но у осеннего Баку особая прелесть. Не один поэт посвятил вдохновенные строки солнечной бакинской осени. Вот в такую-то поэтичную пору в Азербайджане проводились Дни советской литературы. Сюда съехались со всех концов Советского Союза более двухсот художников слова, прибыли и зарубежные гости. Они остановились в новой высотной гостинице «Азербайджан», которая красуется на берегу неспокойного Каспия.

В эти дни в моем родном городе я встретил немало своих друзей - писателей. Многим из них уже хорошо знаком Баку, но были среди гостей и те, кто впервые

Гусейн АББАСЗАДЕ,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

МОЛОДОСТЬ АПШЕРОНСКОЙ ЗЕМЛИ

Таким предстает Баку с площадки фуникулера.

ступил на древнюю апшеронскую землю. И друзья попросили меня познакомить их с городом.

Путешествие наше мы начали с площади В. И. Ленина, в центре которой высится величественный памятник вождю революции. С трех сторон площадь окружена новыми прекрасными зданиями — Дом правительства, Бакинский морской вокзал, многоэтажные жилые дома. Архитектурный ансамбль решен таким образом, что четвертой стороной стала набережная. И оттого кажется, что площадь эта простирается до самого горизонта. Мы пошли по знаменитому бульвару, любимому и потому всегда многолюдному месту отдыха

Дом правительства Азербайджанской ССР.

В вагончике фуникулера.

В центре города строятся жилые дома.

бакинцев. Здесь есть аллеи пенсионеров и аллеи влюбленных, детские площадки и своя бакинская Венеция. В приморской чайхане вас непременно угостят ароматным азербайджанским чаем, а в ресторанах предложат вам шашлык из свежей рыбы, пойманной в Каспии. Здесь можно посидеть за партией в шахматном клубе или пос-

мотреть новый фильм в кинотеатре «Бахар», а если хотите, отправляйтесь в увлекательную прогулку на быстроходных катерах. Но самое главное, чем знаменит наш бульвар,— это зона отдыха, где тысячи бакинцев поправляют свое здоровье. Опыт врачей бакинской зоны отдыха приезжали изучать их коллеги из разных городов Советского Союза и из-за рубежа.

Дойдя до конца бульвара, мы сели на фуникулер и поднялись в Нагорный парк, откуда видна вся панорама города. Здесь находится могила Героя Советского Союза генерала-танкиста Ази Асланова, погибшего в боях за освобождение Советской Прибалтики. Отсюда, со смотровой площадки у подножия памятника С. М. Кирову, виден весь город, который протянул в море две руки, два мыса — Баиловский и Зыховский,— и кажется, что они обнимают Каспийское море.

Потом мы поехали осматривать верхнюю часть города, широкие проспекты Нариманова и Строителей, поселок Мусабекова, называемый бакинскими Черемушками. Любовались новыми микрорайонами — их в Баку уже восемь, а скоро будет десять. Затем спустились под землю и осмотрели станции Бакинского метро, которое связывает центр города с новостройками. Выйдя из станции «Бакы Совети», мы очутились у древних крепостных стен. Теперь перед нами открылась панорама старого Баку: «Ичери шехер» — внутренний город. Здесь мы побывали в музее под открытым небом — уникальный ансамбль древней азербайджанской архитектуры — во Дворце ширваншахов, с банями, мечетями, судилищем и усыпальницами. Неподалеку от дворца — древний базар и знаменитая «Кыз-Каласы», Девичья башня, построенная еще в XII веке.

Азербайджанские архитекторы бережно относятся к древним сооружениям города, создают гармонию старого и нового. По этому поводу Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев на торжественном заседании ЦК КП Азербайджана и Верховного Совета Азербайджанской ССР, посвященном 50-летию Советского Азербайджана и Коммунистической партии Азербайджана, сказал:

«Баку — красавец город! Видно, что его возводили и возводят люди, горячо любящие родной край, бережно относящиеся к национальным традициям и в то же время умело использующие достижения современного градостроительства. Приятно жить и трудиться в таком городе». Бакинцы — их около полутора миллионов,— хорошо понимают это и, не щадя сил, вдохновенно трудятся на заводах и фабриках, нефтепромыслах и новостройках, в научных учреждениях и институтах.

Вот и сейчас идут последние работы на пусковом объекте пятилетки — Бакинском заводе бытовых кондиционеров. Он имеет большое народнохозяйственное значение не только для республики, но и для всей страны.

Баку называют нефтяной академией нашей страны. И это на самом деле так. Здесь кузница командиров нефтяной промышленности — институт нефти и химии, носящий имя одного из 26 бакинских комиссаров — Мешади Азизбекова. За пятьдесят пять лет своего существования этот институт выпустил тысячи инженеров, и теперь нет почти ни одного нефтепромысла в стране, где не трудились бы его питомцы. И немало молодых людей с бакинскими дипломами работают в разных странах.

В нашем городе много научно-исследовательских институтов, связанных с нефтяной промышленностью,— институт по добыче нефти, нефтехимических процессов, нефтяного машиностроения и ряд других. В эти дни столицу Азербайджана украсили лозунги, и чаще всего в них повторяются слова: «Промышленность Азербайджана выполнила пятилетний план». Виноградари республики собрали в этом году 666 тысяч тонн винограда — значительно больше задания. Сдержали свое слово хлопкоробы: выполнив план и социалистические обязательства, они продали 450 тысяч тонн «белого золота». Выращены обильные урожаи хлеба, чая, табака... Моя республика в каждом из четырех предыдущих лет пятилетки удостаивалась Красных знамен ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. В этом году она досрочно завершила пятилетку и добилась новых достижений во всех областях промышленности и сельского хозяйства. И во все эти славные свершения бакинцы и Баку внесли самый весомый вклад. Выступая перед избирателями, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Азербайджана Гейдар Алиевич Алиев сказал: «Задача партийной организации, каждого коммуниста, каждого труженика столицы Азербайджана — сделать Баку еще прекраснее, превратить его в город высшей производительности труда, образцового общественного порядка, подлинно социалистической культуры».

День ото дня хорошеет Баку. Вот уже совсем недавно, в канун Октябрьских праздников, завершилось благоустройство старой части города — Чемберкенда. На месте маленьких глинобитных домиков возник живописный микрорайон с фонтанами и водопадами, с зелеными лужайками и декоративными кустарниками. Это поэтическое место сразу полюбилось горожанам.

Азербайджан называют страной огней, страной поэтов. В центре города памятники великим поэтам прошлого — Низами, Физули, Вагифу, Натаван, Сабиру и советским поэтам Самеду Вургуну, Микаилу Мушфику и другим. Здесь же находится уникальное по своему архитектурному решению здание Музея азербайджанской литературы имени Низами Гянджеви.

Недавно я беседовал с главным архитектором города Расимом Гасановичем Алиевым, человеком, горячо любящим Баку. Вот что он рассказал:

— Солнечный Баку привлекает все больше и больше гостей. В октябре вошла в строй вторая очередь гостиницы «Азербайджан», в ноябре — гостиница «Турист», на очереди — открытие новой высотной гостиницы «Апшерон». Ускоренными темпами ведется строительство и других гостиниц, в том числе и на Бинагадинской магистрали. К открытию XXV съезда КПСС войдут в строй новый железнодорожный вокзал и Главпочтамт. Бакинцы гордятся своим метро. Сейчас на очереди пуск нескольких станций. Вскоре поезда бакинской «подземки» помчатся в сторону новых микрорайонов, комплекса зданий республиканской Академии наук, студии «Азербайджанфильм» имени Джафара Джабарлы.

Баку всегда жил на строгом водном рационе. Своей воды у него нет. За годы Советской власти были построены два водопровода от артезианских источников вблизи Хачмаса, а это почти в двухстах километрах от столицы. В последние годы к ним прибавились и две нитки Куринского водопровода. Это дало возможность в огромных масштабах развернуть зеленое строительство. Создание новых парков, садов, скверов, лесных массивов вблизи города стало общественным долгом сотен тысяч бакинцев. Их девиз: «Превратим Баку в город-сад!» Только весной 1975 года были сделаны посадки на площади более 300 гектаров, а осенью во время субботников и воскресников мои земляки высадили 48 тысяч деревьев и 138 тысяч кустарников. Коллективы заводов, фабрик, нефтепромыслов взяли шефство над зелеными насаждениями, самое активное участие в этом деле принимают школьники и студенты.

Обо всем этом я рассказывал своим друзьям во время нашей прогулки по городу и почувствовал, что влюбленных в наш Баку теперь стало больше: поэтов и писателей, людей, тонко чувствующих все прекрасное, не мог не покорить красавец город. И потому в эти дни на азербайджанской земле родились новые строки, посвященные и самому Баку и его жителям.

---

1 Здравствуй, Баку!

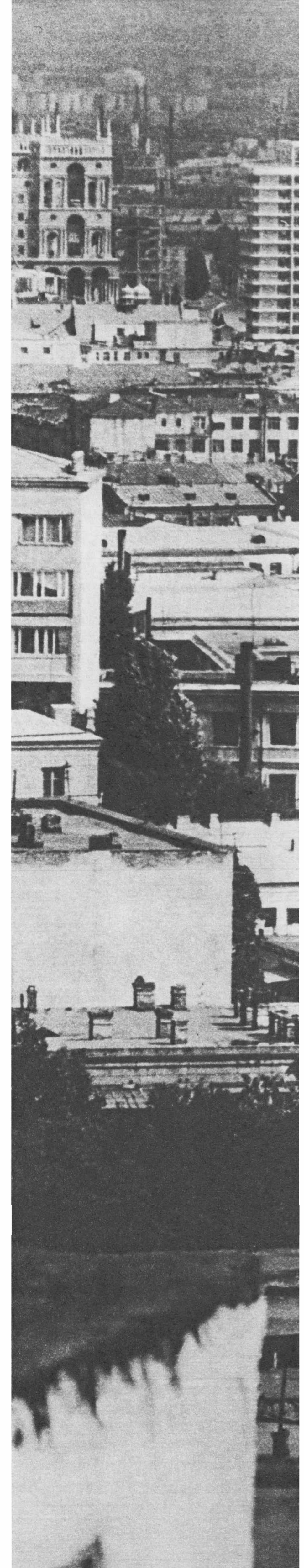
2 Дворец имени В. И. Ленина.

3 Кафе «Чинар».

4 Здание республиканской Академии наук.

5 В Бакинском порту.

6 На репетиции ансамбля народного танца.

1
2
ЧИНАР
3
4
5
6

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663